

Шон Мартин

ГНОСТИКИ

Первые христианские еретики

Касталия
2023

УДК 255.85
ББК 87.3(0)323-274

Шон Мартин

Гностики. Первые христианские еретики
«Касталия», 2023. — 162 с.

Гностицизм – это название, данное различным религиозным школам, которые распространились в первые века после Христа, почти став доминирующей формой христианства, но в конечном итоге были заклеены как еретические зарождающейся христианской церковью. Здесь рассказывается о долгой и разнообразной истории гностицизма, а также о причинах его неизменной актуальности сегодня. Хотя некоторые гностические верования близки к господствующему христианству, другие, рассмотренные здесь, включают в себя то, что мир несовершенен, потому что он был создан злым богом, который постоянно воевал с истинным, добрым Богом; что Христос и сатана были братьями; что реинкарнация существует; и что женщины равны мужчинам. Также рассматривается влияние гностиков на Ренессанс, Просвещение, психолога Карла Юнга, экзистенциалистов, движение Нью Эйдж и таких разных писателей, как Уильям Блейк, У.Б. Йейтс, Альбер Камю и Филип К. Дик.

ISBN 978-5-521-23839-2

Переводчик: Наталья Соколова

Редактор: Никита Миронов

© «Касталия», 2023

Дорогие друзья!

Вот уже больше десяти лет, мы представляем Вам уникальные книги. Глубинная психология Юнга, древние и современные оккультные традиции, священные тексты восточных народов, темный путь, символическая поэзия, литература и еще много интересного. Вы можете приобрести книги как в бумажном, так и в электронном формате.

Добро пожаловать на наш сайт: <https://castalia.ru/>
Также на сайте представлены избранные главы издаваемых нами книг, множество отдельных статей, эссе, литературных творений.

Наш проект представляет огромный лекторий, в котором есть как отдельные открытые лекции, так и серии обучающих курсов по глубинной психологии Юнга, Таро, Рунам, Алхимии и многим другим эзотерическим направлениям.

Также, мы проводим регулярные открытые лекции в Москве и Санкт-Петербурге. Всю информацию можно получить на странице руководителя проекта Олега Телемского

<https://vk.com/olegthelemskiy>

<https://www.facebook.com/oleg.telemskiy/>

*Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, а также другие психологические и эзотерические школы для реализации совместных проектов.
Электронный адрес для связи aton93@yandex.ru*

castalia.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Пролог: Египет, декабрь 1945 года	6
Гностицизм и христианство	11
Верования и мифы	24
Учителя и традиции	38
Гностические религии	59
Тексты и евангелия	74
Влияние и наследие	110
Приложение I: Глоссарий	145
Приложение II: Гностицизм и буддизм	148
Рекомендации для дальнейшего чтения	150
Примечания	155

«Но ты не преминешь, ибо будешь пребывать в ошеломлении, постоянно закрывать уши свои, дабы не слышали они богохульств, и ты убежишь, ибо нечего будет тебе отвечать; однако глупцы согласятся с тобой и взаправду полюбят тебя, ибо ты учишь привычным для них вещам, но меня они проклянут, ибо я провозглашаю нечто новое и неслыханное».

*Симон Волхв к святому Петру,
«Климентины» («Узнавания»)*

ПРОЛОГ: ЕГИПЕТ, ДЕКАБРЬ 1945 ГОДА

Мухаммед Али аль-Самман и его брат Халиф собирали удобрения в полях, когда обнаружили книги.

Они привели своих верблюдов к подножию скал у Джебель-аль-Тарифа, рядом с городом Наг-Хаммади в Верхнем Египте, чтобы набрать *sabakh*, мягкой земли для земледелия, когда обнаружили в земле большой красный кувшин. Сначала они побоялись открыть сосуд, из страха перед злыми духами внутри, но Муххамед, полагая что внутри спрятано золото, набрался храбрости и разбил его своей мотыгой. В воздух взвилось облако золотой пыли, что на мгновение подтвердило правильность его догадки, но затем развеялось по ветру. Они посмотрели на разбитые черепки, но, к их разочарованию, Мухаммед и Халиф не увидели никакого золота. Внутри кувшина оказалось только 13 старых книг, завернутых в кожу. Мухаммед завернул их в свою тунику, и они направились обратно домой в аль-Каср. Мать Мухаммеда посчитала книги бесполезными ил даже приносящими несчастья, и сожгла часть из них в печи. Через несколько недель выяснилось, что найденные братьями книги вовсе не бесполезны, но обладают невероятной ценностью. К этому моменту, однако их уже обвинили в убийстве.

За шесть месяцев до этих событий, их отец, которого тоже звали Мухаммед Али, помешал ворам украсть инструменты для ирригации с полей. Во время боя, Мухаммед убил мужчину, но к полудню уже сам был убит из мести. Через некоторое время после того, как книги оказались дома, Мухаммеду сказали, что убийца

его отца, мужчина по имени Ахмад, продает патоку недалеко от их дома. Мухаммед рассказал об этом Халифу и другим своим братьям, после чего они взяли свои мотыги и, обнаружив Ахмада спящим около своего кувшина с патокой, зверски его убили. В последнем акте этой кровной мести, они вырезали его сердце и съели.

Хотя Ахмад и был сыном местного шерифа, но был настолько непопулярен, что никто не стал свидетельствовать против Мухаммеда и его братьев. Однако, им пришлось сотрудничать с полицией, которая провела несколько ночных облав в их доме в аль-Касре. Опасаясь конфискации книг, Мухаммед попросил местного священника, Василиоса Абд аль-Масиха, присмотреть за ними. Книги заинтересовали сводного брата Василиоса (коптские священники могли вступать в брак) Рагиба, который преподавал в аль-Касре раз в неделю английский и историю. Рагиб убедил Василиоса отдать ему одну книгу на оценку в Каире, и священник согласился. Когда Рагиб приехал в Каир, он принес книгу к Георгию Собхи, коптскому врачу, увлекавшемуся изучением коптского языка, на котором был записан текст книги. Собхи хватило одного взгляда на находку – и он сразу позвонил в Отдел Древностей.

Рагиб в итоге получил за книгу 300 фунтов, из которых 50 он пожертвовал в Каирский музей, который в октябре 1946 года добавил книгу в коллекцию древностей. Теперь в их распоряжении оказались древние гностические тексты, такие как Апокриф Иоанна, Евангелие от Египтян, Премудрость Иисуса Христа, считавшиеся давно утраченными – тогда, когда упоминания всех гностиков буквально вычищались из исторических книг первых веков нашей эры. Теперь началась охота за 12 оставшимися книгами, или кодексами, как их стали называть, но к тому времени, как Отдел Древностей начал поиски в аль-Касре, тома уже исчезли.

Выяснилось, что соседи Мухаммеда – все без исключения безграмотные люди – продали остальные книги практически за бесценок разным торговцам. Из них, Нашид Бисадах, отдал одну

книгу ювелиру, чтобы тот продал ее в Каире, и разделил с ним прибыль; другой, торговец зерном, продал другую в Каире за такие деньги, что смог открыть там свой магазин. Остальные тома достались Бахиджу Али, одному из самых неприятных людей аль-Касра, с одним глазом и репутацией преступника. Бахидж также пытался сбыть книги в Каире, но никто не хотел их покупать, пока он не встретился с Фокионом Тано, продавцом книг, который часто оказывал услуги Бахиджу. Хотя он на это не рассчитывал, Фокион не долго завладел этими книгами. Отдел Древностей вскоре связался с ним и конфисковал коллекцию, прежде чем она покинула пределы страны. Когда Насер стал вторым президентом Египта в 1956 году, эта коллекция была национализирована и передана Коптскому музею.

Тем временем Кодекс 1 – куда входят Апокриф Иакова, Евангелие Истины, Трехчастный трактат и Трактат о воскресении – был вывезен из Каира Альбертом Ейдом, бельгийским продавцом антиквариата. Он выставил его на продажу в Нью-Йорке и Анн-Арборе в 1949 году, но его никто не купил. Эти неуспешные попытки продажи, однако, привлекли внимание известного историка религии из университета Утрехта, профессора Жилия Киспеля, который попросил Институт Юнга в Цюрихе купить книгу. Переговоры велись дольше ожидаемого, во многом из-за смерти Ейда, но в мае 1952 года Институт Юнга купил кодекс у вдовы Ейда и отправил в Цюрих, где книга была вручена Карлу Юнгу, который весьма интересовался гностицизмом, в качестве подарка на день рождения; с этого момента этот том стали называть Кодексом Юнга.

Киспель, однако, обнаружил, что из кодекса пропало несколько страниц, поэтому отправился весной 1955 года в Каир, чтобы попытаться их найти. Утраченные части оказались в Коптском музее, который любезно позволил Киспелю сделать с них фотографии. Вернувшись в свой отель, он сразу приступил к чтению.

Текст начинался так: «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и который записал Дидим Иуда Фома. И он сказал: Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти».¹ Вскоре он понял, что в его руках оказался полный текст Евангелия от Фомы, частичный греческий вариант которого был обнаружен во время раскопок в египетском городе Оксиринхе в 1898 году, и который с тех пор был известен как Логии Иисуса, или Изречения Иисуса. В отличие от четырех канонических евангелий, Фома создал компиляцию из высказываний Иисуса, и Киспель обнаружил некоторые сходства с Новым Заветом, например в высказывании под номером 38, «То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника и не ставит его под сосуд и никто не ставит его в тайное место, но ставит его на подставку для светильника, чтобы все, кто входит и выходит, видели его свет»,² что явно перекликается с Нагорной проповедью.³

Однако, Киспель изучил весь текст, и обнаружил в нём такого Иисуса, который сильно отличался от героя Нового Завета. Пролог, к примеру, утверждает, что перед нами «тайные слова» Иисуса. Киспель предположил, что это могут быть те самые упомянутые речи в Евангелии от Марка, в которых мы читаем: «Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял всё» (Марк 4:34).⁴ В Прологе также обозначено, что его автором является брат-близнец Иисуса Фома («Дидим» по-гречески значит близнец). Мог ли у Иисуса действительно быть близнец? Канонические евангелия упоминают, что у Иисуса были братья и сестры,⁵ но только Иоанн, чей текст, как давно считается, восходит к другому источнику, нежели остальные канонические евангелия, говорит о «Фоме, называемом Близнецом» (Иоанн 20.24 и 21.2). Могли ли Евангелия от Иоанна и Фомы опираться на информацию, отвергнутую остальными евангелистами? Евангелие от Фомы описывает Иисуса в еще более мистической манере, чем Иоанн:

«Иисус сказал: Если плоть произошла ради духа, это – чудо. Если же дух ради тела, это – чудо из чудес. Но я, я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности».⁶ В Изречении 74 это послание выглядит еще более радикальным: «Иисус сказал: Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас».

К моменту завершения работы над текстом, Киспель понял, что Мухаммед Али и его брат нашли в Наг-Хаммади богатый раннехристианский материал, и само его существование и обнаружение означало, что история ранней Церкви – и, возможно, самого христианства – требует переосмысления.

ГНОСТИЦИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Термин «гностический» традиционно используют для обозначения различных групп, которые процветали в первые века нашей эры и уделяли особое внимание *гнозису* – прямому внутреннему постижению Бога – а не догме. Ранние Отцы Церкви признали их еретиками, и до обнаружения Кодексов Наг-Хаммади, наше представление о гностиках и их школах в основном формировалось из епископских тирад против гностицизма.

Слово «гностик» происходит от греческого слова «гнозис», «знать». Однако греки различали два вида знания: интеллектуальное знание, вроде «я знаю, что в Дельфах есть Оракул», когда информация приходит из внешних источников (к примеру, чтения книг, общения с людьми и, в нашу эпоху, просмотра телевизора или использования интернета); и знание другого типа, непосредственного, личного и интуитивного рода, благодаря которому человек может сказать «я знаю, что мне сказал Дельфийский Оракул», после того как действительно отправился в Дельфы и напрямую встретился с тайнами Оракула. Этот второй вид знания и стал отличительной чертой гностицизма. Психолог Карл Юнг, который, как мы еще увидим, сам был своего рода гностиком, очень просто выразил гностическую позицию в своем интервью для Би-Би-Си в 1959 году, когда уже провел значительное время, изучая гностическую мысль и тексты. Когда его спросили, продолжает ли он верить в Бога, Юнг ответил: «Я не могу сказать, что верю. Я знаю».

Несмотря на тексты ранних Отцов Церкви, большинство из которых были истовыми фанатиками, термин «гностический» не имел большого распространения среди самих гностических учителей, вроде Валентина и Маркиона, которые обычно просто называли себя христианами. Именно такие апологеты Церкви, как Тертуллиан и Иреней, часто обозначали их «еретиками». Проблема усугублялась тем, что сами гностики состояли в различных группах, исповедовавших различные верования; поистине, разнообразие тоже можно назвать характерной чертой гностицизма. Более того, не все гностики принадлежали к христианству – некоторые были иудеями, некоторые язычниками.

Современные исследователи расходятся в том, что следует понимать под термином «гностицизм». В 1966 году несколько ученых собрались в Мессине, Италия, чтобы определить точные рамки гностицизма и *гнозиса*. Они пришли к выводу, что гностицизм обозначает религиозные системы, возникшие в первые века нашей эры, тога как *гнозис* – это получение знания. Следовательно, некто может иметь *гнозис*, но не быть гностиком (для данной книги мы постараемся придерживаться позиции, выработанной в Мессине). Политолог Эрик Фёгелин впоследствии добавил некоторой путаницы, когда попытался определить гностицизм как общее чувство отчуждения и разобщенности с обществом. В результате, он обнаружил гностицизм в марксизме, коммунизме и нацизме, все из которых, согласно Фёгелину, представляют собой движения, стремящиеся к достижению апокалипсиса (он обозначал это двойным понятием «увековечивание эсхатона»).

С тех пор гностические идеи были обнаружены у огромного количества писателей, мыслителей, в политических и духовных движениях, а также во всем спектре популярной культуры, от голливудских фильмов до компьютерных игр и комиксов. Эта удивительно разношерстная группа включает в себя не только Юнга, но также Уильяма Блейка, Гёте, Германа Мелвилла, Альбера Камю,

Гегеля, Ницше, У.Б. Йейтса, Франца Кафку, Филипа К. Дика, компьютерные игры вроде Xenosaga, комиксы «Песочный человек» Нила Геймана и «Прометей» Алана Мура, фильмы «Шоу Трумана» и трилогию «Матрица».

Чтобы понять, что связывает всех этих людей, нам придется предпринять длинное, замысловатое и иногда фрагментированное путешествие, которое начинается с ранних гностических искателей, живших в эпоху расцвета Римской Империи, и заканчивается – если это путешествие можно назвать законченным – людьми в затененном кинотеатре, наблюдающими за тем, как Киану Ривз видит возникающие на экране буквы «Проснись, Нео». «Пробуждение» — как и «знание» Юнга – это именно сфера гностицизма, благодаря которой он остается актуальными для нас сегодня, возможно, даже больше, чем когда-либо.

Первые христианские еретики?

До обнаружения Кодексов Наг-Хаммади большая часть информации по гностикам содержалась в трудах ранних Отцов Церкви, которые называли их еретиками. Иустин Философ (ок. 100 – ок. 162 гг.) был самым ранним христианским апологетом, придерживавшимся таких воззрений, его «Вторая апология» порицает таких деятелей как Симона Волхва, Валентина и Маркиона как «злостных и обманчивых».⁷ Иринея, епископ Лиона (ок. 130–202), писавший во втором веке, считал Симона Волхва изначальным гностиком, «Отцом всей ереси», и, следовательно, главным врагом зарождающейся Церкви.

Как и в связи с большинством других гностических фигур, мы практически ничего не знаем о Симоне, кроме суждений его оппонентов – людей вроде Иринея и Иустина. Симон впервые упоминается в Деяниях 8.9–24, где он показан как самаритянский

маг, ставший христианином благодаря Филиппу. Когда апостолы Петр и Иоанн передавали Дух Святой верующим через возложение рук, Симон пришел с деньгами, чтобы выкупить у них эту силу. Естественно, Петр и Иоанн отказали ему, и грех Симона, пытавшегося купить божественную силу, впоследствии стали называть симонией. Хотя упоминание Симона в Новом Завете очень краткое, он также присутствует в апокрифическом тексте Деяния Петра, где вступает со святым Петром в ряд магических поединков и пытается вынудить апостола верить «не в истинного Бога, но в ложного». Это может означать, что Симон хотел научить Петра тому, что истинный Бог и Бог-творец не одна сущность и отличаются друг от друга. (Таково одно из главных верований гностицизма, которое мы вскоре рассмотрим).

Некоторые аспекты жизни и учения Симона были гностическими, например, его утверждение о том, что он является воплощенным Богом, которое отражает гностическое представление о наличии у каждого из нас божественной искры: мы буквально часть Бога, а также его отношения с женщиной по имени Елена, найденной им в одном из борделей Тира. Симон выкупил Елену и начал воспринимать ее как человеческое воплощение Софии, божественной мудрости. Не удивительно, что ранние Отцы Церкви впадали в неистовство при одном упоминании имени Симона, в особенности после того, как его учения набрали популярность во втором веке. В самом деле, Ириней осознавал, что гностическое учение распространилось и высмеивал гностиков за огромное количество написанных ими трактатов, утверждая, что они «каждый день придумывают новое евангелие».⁸

Для Ириней учение гностиков приравнивалось к «бездне безумия», а тексты вроде «Евангелия Истины» «источали ересь».⁹ Христианский автор Ипполит (умер в 235 г.) почувствовал необходимость в «выявлении и порицании злостного богохульства еретиков» в своем легендарном «Обличении всех

ересей». Из различных групп в трактате Ипполита более 30 оказались гностическими. Тертуллиан (ок. 155–230) обвинял гностиков в отрицании физической реальности воскресения Христа, при этом он добавлял, что всякий, кто не верит в то, что Христос во плоти восстал из могилы, является еретиком, и именно по этому поводу сказал свою знаменитую фразу «верую, ибо абсурдно!». ¹⁰

Чтобы полностью понять, почему авторы вроде Ириней так настаивали на своей позиции, мы должны поместить их высказывания в контекст времени, который сможет показать, что атаки на гностиков имели под собой гораздо больше обоснований, чем кажется на первый взгляд, а позиция Церкви была значительно менее устойчивой.

Истоки христианства

В отличие от современной ситуации, христианство в первые века нашей эры представляло собой смешение различных верований и практик. Сразу после жизни Христа (которую традиционно относят к двадцатым и середине тридцатых годов н.э.), его малочисленных последователей преследовали римляне и фарисеи. Кроме того, продолжался спор о настоящем преемнике Христа. Обычно считается, что Петр – это Камень в основании Церкви, ¹¹ и именно от него произошла Католическая Церковь, где он стал первым Папой.

Однако, именно здесь и таится проблема. Некоторые полагают, что брат Иисуса Иаков, по прозвищу Иаков Старший, был главой первого христианского сообщества после распятия в Иерусалиме. Последователи Иакова конфликтовали с самым истовым миссионером христианства – святым Павлом. Этот момент становится еще более значимым, если мы вспомним, что идеи Павла сыграли большую роль – наверное даже, самую большую –

в формировании теологии в основе христианской веры. И все же он остается противоречивой фигурой: он цитирует Иисуса только однажды,¹² и его послания – большая часть содержания Нового Завета – зачастую обращены к другим христианским сообществам, уточняя постулаты учения и призывая к единству. Если бы раннее христианство обладало единодушием, потребности в таких письмах не возникло бы. Мы не слишком исказим истину, если скажем, что «Павел, а не Иисус, был основателем христианства»¹³ и именно тут обнаруживаются истоки христианских ересей: «Павел, по сути, является первым “христианским” еретиком, и его учение, легшее в основу будущего христианства, заметно отклоняется от “изначальной” или “чистой” формы».¹⁴ Он стал «первым искажителем учения Христа».¹⁵ Иисус проповедовал Нагорную Проповедь, Павел Распятие Христа; и здесь есть существенная разница.

Возможно, следующим по значимости после Павла можно считать Иринея, который первый утвердил «Четырехчастное евангелие» Матфея, Марка, Луки и Иоанна, так как они были старейшими евангелиями и считались более «точными».¹⁶ Четверка оказалась удобным символом, так как на компасе обозначены четыре направления. В отличие от Павла, который изначально преследовал христиан, но затем обратился в веру после того, как увидел Христа на дороге в Дамаск, Иринея родился в христианской семье и оставался верным проповедником всю свою жизнь. Он вступил в Церковь в Лионе и прошел обучение у святого Поликарпа, который, в свою очередь, был учеником святого Иоанна. Иринея, возможно, по неизбежному стечению обстоятельств, стал активным защитником Четырех Евангелий, и, хотя считал, что христианская ортодоксия опирается на все четыре канонических текста, называл именно Евангелие от Иоанна «первым и наиважнейшим столпом “христианской проповеди” ... потому что Иоанн – и только Иоанн один – говорит о божественном происхождении Христа».¹⁷

Ириной также, по всей видимости, вступает в диспут с гностическим учителем Маркионом, который считал единственным истинным текстом Евангелие от Луки и даже попробовал написать свою собственную версию. Другой гностик второго века, Татиан, учился у Иустина Мученика, но затем стал последователем Валентина, и переписал все четыре канонических евангелия, составив единый текст под названием «Диатессарон». Как мы уже видели, ранние Отцы Церкви высмеивали именно эту способность «каждый день писать по евангелию», но эта точка зрения исходит из непонимания гностического видения. Гностики полагали, что написание подобного текста является доказательством того, что истинный Бог заговорил через верующего, и его речи невозможно свести к единственным четырём евангелиям, каноническим или другим.

В целом, каждая из ранних христианских школ отдавала предпочтение какому-нибудь одному из четырех канонических текстов; даже Ириной, как мы уже видели, совершал эту категоризацию. Таким образом, последователи Павла считали евангелием его текст, а, простите за иронию, последователи Марии Магдалены называли главным источником духовного руководства Евангелие от Марии. Другие же высоко ценили Евангелие от Филиппа, Евангелие Истины или Евангелие Иуды.

Гностические школы отличались не только своими евангелиями. Они, в основном, чуждались авторитарности и иерархии, причем некоторые из них, например, валентинианцы, по очереди проводили службы.¹⁸ Кроме такого предосудительного поведения с точки зрения Отцов Церкви, они также считали женщин равными и назначали их священниками. Женщин весьма притягивал гностицизм, так как у них появлялась возможность действительного участия. Люди, которые не могли беспечно наслаждаться привилегиями гражданина первого класса, бедняки и изгои, тоже с радостью приветствовались в рядах гностиков. Гностицизм под-

ходил для тех людей, в особенности горожан, которые не чувствовали особой близости к конвенциональным формам религиозного чувства.

Истоки гностицизма

Гностики сами по себе не вели исторических заметок – они попросту не были заинтересованы в том, чтобы следить за развитием своей философии, так как фокусировались только на *гнозисе*. Ученые до сих пор спорят об истоках гностицизма. Традиционно считается, что он является ветвью христианства, которая возникла в первом столетии нашей эры. Такое впечатление неизбежно возникает при чтении Отцов Церкви. На самом деле эта точка зрения несколько уводит нас в сторону, так как гностицизм, вероятно, зародился – или, по крайней мере, испытал на себе влияние – в иудейских, языческих и иранских традициях, предшествовавших христианству.

Иудея за два столетия до Христа представляла собой колыбель политических и религиозных дебатов, так как в это время развивался сам иудаизм. Когда закончилось Вавилонское пленение и изгнанные рода вернулись домой в конце шестого столетия до н.э., возникли трения между ними и оставшимися на месте. Изгнанники чувствовали себя истинными детьми Бога, так как сохранили свою веру в Тору и доказали это, согласившись на изгнание, тогда как оставшиеся в Иудее евреи воспринимались как коллаборационисты. Страсти накалились в 168 году до н.э., когда произошло Восстание маккавеев, спровоцированное селевкидским правителем Израиля, царем Антиохом Епифаном, когда он занялся антисемитскими чистками. Восстание распространилось очень быстро, силы Антиоха были повержены, и прямые потомки изгнанников завладели Иерусалимским храмом. Для них предпоч-

тения либеральных, проэллинистических хасмонеев были подобным вражеским идеям Селевкидов. Эта общая атмосфера политических беспорядков привела к развитию фанатических групп разных взглядов.

Эти группы часто склонялись к аскетизму и провозглашению близкого апокалипсиса и находились на задворках еврейского общества. Возможно, самыми известными из них стали ессеи, радикальная группа, обитавшая в пещерах Кумрана рядом с Мертвым морем. Различные авторы предполагают, что Иоанн Креститель и сам Иисус некоторое время состояли в общине на Мертвом море – или, как минимум, ощутили на себе их влияние – до того, как начали собственное подвижничество. Если этот момент покажется спорным, то мы наверняка знаем, что ессеи стремились установить новый завет с Богом, так как верили, что грехи Израиля давно отменили предыдущий завет (который Бог передал Аврааму). Согласно римским историкам, вроде Иосифа и Филона, ессеи разделялись на тех, кто принял полную клятву – то есть, жил в Кумране и придерживался строгого celibата, молитвы и ритуала – и тех, кто принимал служение частично, но оставался жить в городах и мог жениться.

Подобно гностицизму, мировоззрение Кумранской секты было крайне дуалистичным. Они воспринимали мир как поле боя между силами небес и ада, тогда как человек являлся микрокосмом этого противостояния: «духи истины и лжи сражаются в сердце человека ... По его доле в истине и правде, человек ненавидит ложь; и по его доле в участии обмана он ненавидит истину». Они также настаивали на том, что важно не этническое происхождение, но только моральность: спасется лишь чистое сердце.

Как и последовавшие за ними гностические школы, апокалиптические секты неизменно настаивали на избранности; не все смогут спастись, но только те, кто деятелен на духовном пути. Апокалиптики, как и гностики после них, воспринимали себя как

чужаков в чужой стране. Они ждали окончания исторического времени, когда начнутся вечность и спасение. Гностики, с другой стороны, в основном занимались не столько концом мира, сколько достижением *гнозиса*, в котором и заключено спасение.

Гностики, по-видимому, унаследовали ряд других верований от различных иудейских школ. Дуалистическое мировоззрение предполагает наличие двух богов, а не одного. Бог, создавший мир, не тождественен истинному Богу, который всегда остается за пределами материального плана. Бог-творец часто изображается как не обладающий знанием, или даже как зло. Его приспешники, духи-архонты, следят за тем, чтобы человек завяз в материальном мире и не познал свою истинную природу.

Другая черта иудейской духовности, которая могла оказать влияние на гностицизм, обозначается как традиция Мудрости, расцвет которой пришелся на период между четвертым и первым веками до н.э. Ветхозаветная Книга Притч принадлежит к этой традиции, как и апокрифический Екклесиаст и Песнь Песней. В подобных текстах фигура Мудрости персонифицируется как женщина, состоящая в близких отношениях с Богом. «Она защищает своих и помогает им обрести знание о Боге; она подобна покупателю, дарующему бессмертие».¹⁹ Учения о Мудрости обладают некоторой пессимистичностью, так как действия Бога в них становятся «странными и непостижимыми. Он удален на большое расстояние и помещен вне земных забот, так что его действия в истории и акты творения оказываются сокрыты». «Гностическое мировоззрение могло укорениться и расцвести на этой почве».

Две другие религиозные традиции также могли оказать влияние на гностицизм: иранская / зороастрийская и греческая. Зороастрийские концепции, такие как Судный День, воскрешение и дуализм, встречаются в гностических текстах. Зороастризм обычно называют первой мировой религией с дуалистическим представлением о мире. Пророк Зороастр (также под именем

Заратустра) основал Благоую Религию, или зороастризм, примерно во втором тысячелетии до н.э. Даты его подвижничества нам неизвестны, поэтому разные ученые называют свои периоды: от 1700–1400 до н.э. до 1400–1000 или 1000–600 до н.э. Недавние исследования позволяют остановиться на средней датировке, что ставит зороастризм в положение первой мировой религии, религии, «оказавшей, по-видимому, большее влияние на человечество, напрямую или косвенно, чем любая другая вера».²⁰ Зороастр «первым стал учить представлениям о личном суде, небесах и аде, будущем воскрешении тела, общем Последнем Суде, и вечной жизни для объединенных тела и души». Все эти идеи повлияли на гностицизм (не говоря об иудаизме, христианстве и мусульманстве).

Зороастризм предлагает уникальное решение проблемы зла. В своей традиционной форме Благая Религия говорит, что есть один хороший бог, Ахурамазда (Мудрый Господин), которому подчиняются две смежные силы Спента Майнью (благотворный или святой дух) и Ангра Майнью (враждебный или разрушительный дух). Хотя творение Ахурамазды благое, Ангра Майнью является источником всего зла, и будет побежден в конце времен, когда начнется вечность. Классический зороастризм, однако, претерпел изменения за время вознесения и падение Персидской империи. Со временем Ахурамазда отождествился со Спента Майнью, сократив изначальную троицу до бинарной пары. Имена Мудрого Господина и его советника также претерпели изменения, превратившись в Ормузда и Аримана соответственно. К периоду династии Ахеменидов (550–330 до н.э.), Ариман перестал восприниматься как сотворённый и подчиненный Ормузду, но стал равен ему.²¹ Эта концепция двух богов была воспринята в гностицизме, где истинный Бог остается за пределами мира материи, тогда как Бог-творец оказывается высокомерным и неполноценным. Этот бог стал ассоциироваться с Богом Ветхого Завета, что позволяет

предположить, что некоторые гностики восставали против своего иудейского наследия.

Меньший Бог-творец стал известен под именем Демиурга, что показывает влияние греческой мысли на гностицизм, потому как это слово произошло от греческого *demiurgos*, то есть, полу-создатель, да и понятие *гнозис* взято из греческого. Греческая культура доминировала в Западном мире, в особенности в области философии. В самом деле, «словарь большинства гностических систем ... произошел от концептуального языка греческой философии».²² Многие темы, занимавшие греков, нашли свое отражение в гностицизме: природа Бога, души и мира; Демиург и «непознанный Бог»; происхождение зла; нисхождение души в материю и ее итоговое возвращение; дуалистический зазор между разумом и материей; судьба и свобода. Если греки подходили к этим вопросам рационально, то гностики склонялись к мифологизации и усложнению, как мы еще увидим при рассмотрении гностических мифов творения в следующей главе. Однако, без особой атмосферы вопрошания греческой мысли, гностицизм не смог бы расцвести так пышно, или развился бы в совершенно иной манере.

Другая теория о происхождении гностицизма утверждает, что он, по сути, является полностью новой религией, которая целенаправленно соединила элементы иудейской, иранской и греческой традиций в новое синкретичное целое. К примеру, особенности греческих мистерияльных культов, вроде орфизма, могли повлиять на постулаты гностицизма. Орфический культ – который якобы произошел от мифической фигуры Орфея – обладает рядом интересных пересечений с гностицизмом: согласно орфическому верованию, когда Диониса разорвали титаны, осколки его божественной природы попали во всех людей, которые еще не были созданы. Когда же люди, наконец, появились, они содержали в себе природу Диониса, иногда даже не подозревая об этом. Только приверженцы орфического культа получали возможность

освободиться от тюрьмы их земного существования, что означало следование культовым практикам, вроде вегетарианства. Этот путь представлял собой эзотерический подход к спасению; те, кто не вступил в культ, не получали избавления. Такая элитарность, которая поначалу может показаться политически некорректной для современных искателей духовности, также была свойственна гностицизму и, как мы еще увидим, некоторым другим течениям.

Конечно же, существуют и контраргументы, согласно которым гностицизм не может быть синкретической религией, сочетающей в себе восточные и западные идеи, наподобие некоего пестрого одеяла. Стюарт Холройд говорит об этом так:

Если бы он был простым синтезом различных традиций и идей с некоторыми интеллектуальными и интересными нововведениями, его привлекательность оставалась бы поверхностной и эфемерной. Ему бы недоставало эмоциональной и духовной составляющей, и без них [он бы воспринимался] безжизненным и пустым.

Вне зависимости от пути развития гностицизма – ведь сами гностики не интересовались его происхождением – он действительно видоизменялся, и ко второму столетию нашей эры получил больше теологических и философских обоснований, чем возникающая Церковь, которая видела в этом течении главную угрозу для своего существования. Гностические представления известны значительно лучше, чем тайны, окружающее их источник, поэтому настало время перейти к их изложению.

ВЕРОВАНИЯ И МИФЫ

Второй век стал эпохой расцвета гностицизма. В это время появились такие великие учителя, как Маркион и Валентин, а также начали возникать еще не четко прописанные границы между ересью и ортодоксией. По этой причине Валентин, которого в наше время считают величайшим учителем гнозиса, в какой-то момент практически стал Папой (вероятно, около 140-х годов). Города вроде Александрии и Рима жили духовными дебатами и вопросами: начали появляться и распространяться всевозможные трактаты, а люди формировали кружки вокруг одного учителя или евангелия. Это неизбежно приводило к появлению опровержений и, следовательно, других сообществ; вся жизнь была пронизана духовностью. В соответствии с этой традицией, мы рассмотрим некоторые ключевые верования гностицизма и сравним их с теми идеями, которые легли в основу ортодоксального христианства.

Гнозис

Многие гностические группы сформировали привычку отрицать учения друг друга – ведь для них концепция четкой иерархии верований была немыслима – но они все соглашались в одном фундаментальном аспекте, а именно, в значимости *гнозиса*. Как мы уже отметили, вид познания «гнозис» обозначает прямое, экспериментальное знание – знание из сердца, а не из головы. Оно не

интеллектуально и не рационально; его можно только испытать, но не объяснить. Вместо того, чтобы усложнять картину мира – как часто поступают теологии и философы – *гнозис* приводит к освобождению души. Как написано в «Евангелии Истины»:

Обладая знанием [*гнозисом*], он выполняет волю Того, кто позвал его, он желает угодить Ему, он обретает покой. Имя каждого приходит к нему. Обладая таким знанием таким вот образом знает, откуда оно приходит и куда идёт. Он знает подобно тому, кто, становясь пьяным, отворачивается от своего пьянства (и) и возвращается к самому себе, верно устанавливая то, что (действительно) его.

Другой гностический трактат, «Извлечения из Феодота», утверждает:

То, что освобождает нас суть гнозис
о том, что мы были
о том, чем мы стали
о том, где мы были
о том, куда мы были сосланы
о том, куда мы стремимся
о том, отчего нам освободиться
о том, что на самом деле суть рождение
о том, что на самом деле суть перерождение.²³

Евангелие от Филиппа оказывается еще более прямолинейным: «Незнание – это рабство. Знание – это свобода. Если мы познаем истину, мы найдем плоды истины в нас самих. Если мы соединимся с ней, она воспримет нашу плерому».²⁴

Гностицизм отличается от основной традиции христианства идеей о том, что только *гнозис* способен привести к освобождению, а не вера. Католическая церковь настаивает и на совершении таинств в дополнение к вере, тогда как протестантский вариант в большей степени сосредотачивается на свершении добрых дел. Гностики не прислушались бы ни к одному из этих вариантов, так как полагали, что важнее всего внутренняя работа сердца и души. Для гностика, вера представляет собой только бедную родственницу *гнозиса*, так как увеличивает расстояние между верующим и божественным. Стефан Хёллер, епископ гностической церкви, говорил так:

Уильям Джеймс ... отмечал, что для большинства людей вера приравнивается к вере в чью-то чужую веру. В умах многих религиозных людей, вера, таким образом, становится бывшим в употреблении верованием от других последователей, никто из которых, скорее всего, не имел никакого опыта соприкосновения с объектом своей веры.

Как же можно получить *гнозис*, спонтанное пробуждение, которое навсегда изменяет сознание? Он может возникнуть в любой момент, в повседневной жизни, например, во время прослушивания музыки, любования красивым пейзажем в определенное время суток, или в опыте внезапной ясности и тишины, когда чувствуется некое присутствие. Также его можно получить через посредничество учителя и участие в ритуалах, или он возникает при сочетании этих действий. До обнаружения библиотеки Наг-Хаммади исследователи полагали, что гностики обладали лишь незначительным сводом таинств и ритуалов, однако тексты типа «Евангелия от Филиппа» указывают на иное положение дел. Мы еще обратимся к рассмотрению этого элемента гностицизма.

Дуализм

Гностическое мировоззрение является сугубо дуалистическим. Отцы Церкви – самые эффективные ее распространители – называли гностиков ненавистниками мира. Можно и не говорить о том, что такое убийственное суждение весьма характерно для церковной мысли. Истина же обладает существенно большим изяществом.

Дуализм существовал до христианства и может быть старше, чем сама письменная история. Это понятие впервые ввел в 1700 году английский востоковед Томас Хайд, чтобы описать религиозную систему с Богом и дьяволом как двумя противоположными вечными началами.²⁵ Впоследствии значение термина расширилось и стало включать в себя любую систему, в основу которой легла бинарная пара (например, противопоставление разума и тела в философии Декарта, или бессмертная и смертная душа у Платона). Дуалистические черты в различной форме присущи всем основным религиям, монотеистическим (признающим одного бога, как ислам, иудаизм и христианство), политеистическим (признающим многих богов, как синтоизм, некоторые формы Вики или пантеон классической Греции), или монистическим (признающим, что все — Божество, материя и человечество — состоит из одной и той же сущностной субстанции, как определенные школы индуизма, буддизм, даосизм и пантеизм). Например, фундаментальное христианство проявляет свою дуалистическую направленность, когда называет многие явления мира – рок-музыку, наркотики, философию нью-эйдж, голливудские блокбастеры – работой дьявола. Точно так же, экстремистские исламские группы воспринимают не мусульман либо как неспособных к истине, либо как врагов религии Пророка. В обоих примерах преобладает мышление «мы и они», в котором предлагается толь-

ко один правильный вариант (вера в Иисуса или вера в Пророка соответственно).

Несмотря на разную степень дуализма в религиях мира, сам религиозный дуализм оказывается несколько в стороне, основываясь на двух противоположных началах бора и зла. Внутри этой традиции обычно выделяют две школы мышления: абсолютный, или радикальный, дуализм, и смягченный, или монархический, дуализм. Итальянский историк религии Уго Бьянки выявил три отличительных признака дуализма:

1. Абсолютный, или радикальный, дуализм воспринимает два принципа добра и зла как совечные и равные, тогда как смягченный дуализм помещает принцип зла на вторую позицию и наделяет его меньшим могуществом.
2. Абсолютный дуализм полагает, что два принципа вынуждены сражаться друг с другом всю вечность и, во многих учениях, говорит о цикличности времени (такие дуалистические традиции, как правило, склоняются к вере в перерождения). Смягченный дуализм предполагает конечность исторического времени; в конце времен принцип зла будет повержен.
3. Абсолютный дуализм считает материальный мир насквозь злым, тогда как смягченный дуализм видит в творении изначальное благо.²⁶

Учитывая эти параметры, гностицизм скорее принадлежит к смягченному дуализму, так как воспринимает материю и зло как создания меньшего бога, Демиурга. Это не обязательно означает, что гностики относятся к миру как к злу, хотя вполне вероятно, что некоторые более аскетичные гностики древности могли придержи-

живаться такой точки зрения. Скорее, можно сказать, что гностическое мировоззрение признает несовершенство мира, которое не должно уводить нас от присутствия добра, как внутри нас, так и в мире вокруг. Именно наличие в мире добра является признаком возможного достижения спасения. Эта идея напрямую связана с гностическими мифами о творении.

Гностические мифы о творении

Наша задача по изложению гностических мифов усложняется тем, что их количество огромно. Отцы Церкви много извлекли из этого факта, объявив гностицизм путанной массой из сказочных выдумок и полного безумия; можно и не упоминать о том, что в данном случае Церковь снова неправильно восприняла гностическую деятельность. Для гностиков миф и творчество обладали высокой ценностью, так как позволяли прикоснуться к более глубинным тайнам, чем история или догма. Поэтому их мифы о творении различны, из-за чего наше последующее изложение является своего рода упрощенным обобщением.

Как мы уже отметили, гностики верили в существование двух богов, неумелого и высокомерного Бог-творца, Демиурга, и истинного Бога, находящегося вне пределов всей созданной материи и любых попыток описать его. Демиурга часто отождествляют с Богом Ветхого Завета, но не считают злым. Его главная ошибка заключается в его высокомерии; он верит то, что он единственный бог. Эпитет «Бог-творец» оказывается несколько ошибочным, так как в большинстве гностических историй о творении *настоящим* создателем материи называют Софию, мудрость истинного Бога. Демиург же оказывается только властным и хвастливым хитрецом, который направил материю в формы тварного мира.

До начала пространства и времени, истинный Бог пребывал в измерении под названием Плерома, что означает полнота, вместе с женским божественным принципом, Эннойей, или Мыслью. Истинный Бог не творит, но скорее эмануирует, то есть, из него происходит истечение вещей. Другими словами, вместо того, чтобы сказать: «Да будет свет», как Бог Ветхого Завета, истинный Бог выпускает из себя свет наподобие дыхания; он не творит его намеренно. Серия эманаций привела к созданию ряда божественных фигур под названием эоны. Центральная идея состоит в том, что последующие эманации становились все меньше, подобно кругам на воде, которые расходятся от брошенного камня. София, Мудрость Бога, была младшей из эонов, потому оказалась самой дальней от Бога. Именно ее желание приблизиться к истинному Богу породило ее собственную эманацию, без ведома и участия ее супруга мужского пола (все эоны составляют пару). Эта эманация произвела темный хаос, который впоследствии станет материей, но на данном этапе представлял собой безжизненное место, «безграничную темень и бездонные воды».²⁷ София, угнетенная этой тьмой, решила создать существо для управления этим местом и вдохнула жизнь в андрогина, сущность с львиной головой под именем Иалдабаоф, что означает либо «родитель божественных сил» (т. е., «создатель мира»), либо «бог-ребёнок».

Иалдабаоф и стал Демиургом, не слушающим даже свою собственную мать. София старается объяснить ему, что существуют более могущественные силы, но он не слушает ее и начинает творить небо и Землю из материи, над которой становится главным архонтом (это слово возникло от греческого понятия «управитель»). Среди первых созданий Иалдабаофа были другие архонты, каждый стал управлять одним из семи небес, созданных специально для них, все они существуют ниже уровня Софии, которая пребывает на восьмом небе. Самая удаленная область от творения

Демииурга – такая далекая, что ее почти не ощутить – принадлежит истинному Богу.

Иалдабаоф и его архонты потратили множество времени на споры и сражения друг с другом, что описывается в гностической версии «Битвы небес», которая привела к падению Люцифера в ортодоксальной христианской легенде. Наконец, Иалдабаоф провозгласил, что «Нет Бога кроме меня», что напрямую связывает его с Богом Ветхого Завета. София, услышав это, вызывает к нему: «Ты ошибаешься, Самаэль!» (это имя означает «слепой бог»). Иалдабаоф требует, чтобы высшая сила, если она существует, немедленно продемонстрировала свое присутствие. Тогда с высших небес снизошел свет, в котором проглядывалась человеческая форма, и Иалдабаоф смутился. Эта фигура, так называемый Адам Света, оставалась некоторое время с Иалдабаофом, а затем снова вознеслась наверх. Иалдабаоф, завистливый бог, в итоге решил создать свою собственную версию Адама с помощью архонтов, но он никак не мог наделить его душой. София, оживившая Иалдабаофа, вдохнула жизнь и в Адама, после чего начинается история Адама и Евы.

Библейская история об Эдеме говорит о том, что Бог создал Адама из праха и вдохнул в него жизнь. Затем, когда Адам заснул, Бог взял одно из ребер Адама и сотворил из него первую женщину, Еву, которая стала небесной женой Адама. Адам и Ева жили в райском состоянии, пока Змей – часто отождествляемый с дьяволом – не искусил Еву попробовать запретный плод с дерева познания. Этот сатанинский соблазнитель вмешался в план Бога и нарушил изначальную божественную гармонию: первая пара постигла добро и зло, а также поняла свою наготу и устыдилась. Бог обнаружил это во время прогулки по Саду и изгнал их. В первом проявлении Господнего гнева в Ветхом Завете, он наделяет их взаимной неприязнью и говорит Еве, что деторождение принесет ей муки, и она будет в подчиненном положении у своего мужа. Адама

же изгнали на землю, чтобы он тяжким трудом зарабатывал себе хлеб до скончания дней.

Гностики в целом соглашались с последовательностью событий, за исключением, конечно же, того, что с их точки зрения именно София оживила Адама. Однако они полностью расходятся с ортодоксальным мнением по поводу значения эпизода с Евой и Змеем, а также в том, что они воспринимают изложенные события как миф, а не как историю. Для гностиков, Змей – мудрейшее из существ (некоторые версии даже видят в его поведении наставничество Софии), чей призыв к познанию добра и зла приводит не к грехопадению человечества, но к пробуждению. Адам и Ева получили *гнозис*, который позволил им увидеть, что истинный Бог не тот, кто изгнал их из Эдема. Более того, так как Ева первая получила *гнозис*, гностические тексты обычно ставят ее выше Адама. Некоторые версии, вроде трактата «О происхождении мира» из библиотеки Наг-Хаммади, описывают ее как дочь и посланницу Софии, которая пробудила своего партнера.

Гностики предпочитали миф и аллегорию, и они воспринимали Адама и Еву не как первых людей, чье настоящее физическое существование подтверждается Книгой Бытия, но скорее как аспекты нашего физического и духовного устройства. Адам олицетворяет душу, традиционноеместилище разума и эмоций, тогда как Ева – это дух, высшее сознание, понимающее свое божественное происхождение. Учитывая это, мы можем увидеть, что история об Эдеме рассказывает о том, что высшая часть человеческого духа (Ева) пробуждает низшую часть (Адама) для *гнозиса*; и полноценный человек (Ева и Адам, слитые в андрогина) способен начать свой длинный обратный путь к божественным областям за семью небесами, в пространство истинного Бога и эонов.

Почему гностики предпочитали миф и аллегорию? Образованный человек может сказать, что эта позиция основывается на общем интеллектуальном и философском климате первых столе-

тий нашей эры, в которые активно развивались мифы и аллегории. Идеи Платона и его последователей доминировали в пространстве эллинистического мышления, и выражающие их идеи истории понимались как аллегории, а не настоящие события. К примеру, можно вспомнить о знаменитой платоновской пещере. Ее следует понимать в исключительно метафорическом смысле – как аллерию положения человека, а не историческую действительность, которая при этом сохранила свою релевантность из-за своего вневременного, практически мифического элемента. Эта история, по сути, выражает гностическое восприятие мира и, вероятно, следует немного освежить ее в нашей памяти.

Некоторых заключенных с самого детства держали в пещере. Они скованы цепями таким образом, что могут смотреть только на стену пещеры. В центре пещеры за ними горит костер, который отбрасывает на стену тени. Они видят тени от различных животных и растений, которых тюремщики проносят по проходу с другой стороны от костра. Заключенные играют в игру, называя эти тени, и, когда тюремщики отвечают, верят в то, что с ними заговорили эти тени. Заключенные не могут передвинуться или отвернуться, поэтому считают тени и голоса единственной реальностью. Что случится, спрашивает Платон, если одного из заключенных заставят встать и развернуться? Он ослепнет от огня, который поначалу сочтет менее настоящим, чем тени, с которыми он сжился за долгое время. И что, если такого беспомощного пленника вывести из пещеры? Солнечный свет окажет на него еще более дезориентирующий эффект. В итоге, когда заключенный осознает масштаб нового опыта, он поймет, что его бывший мир был не реальным, ведь перед ним теперь истинная и обширная реальность. Он может достичь ее, но сначала должен избавиться от своих ограничений.

Восприимчивость к мифу помогла гностикам понять Платона и, практически наверняка, повлияла на их прочтение Ветхого

Завета. Истории как таковые – даже библейские – для гностиков стали обозначением глубокого смысла, важного для нас всех. Как утверждает «Евангелие от Филиппа», истину *гнозиса* следует переводить на поэтический и мифический язык, чтобы мы могли ее воспринять:

Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах. Её не получить по-другому. Есть возрождение и есть образ возрождения. Следует воистину возродить их через образ. (Евангелие от Филиппа, 67.)

Гностическое мировоззрение

Наличие в мире зла всегда занимало философов и теологов. Ортодоксальная христианская позиция заключается в том, что зло возникло в результате ошибки человека. Другими словами, во всем следует винить Еву, что, конечно, показывает непримиримую мизогинию, существовавшую в основном христианстве еще с первого столетия. Трансгрессия Евы отбросила тень на все человечество, как утверждают христиане, и эта тень очистилась только благодаря жертвенной миссии Христа. Как мы уже видели, гностики ценят Еву весьма высоко, а потому несколько иначе относятся к задаче Христа. И, конечно же, они видели объяснение существования зла в мире совсем иначе.

Зло в мире, согласно гностическому взгляду, появилось из-за того, что его создал Иалдабаоф, «зловредный завистник», как его называют в тексте «Свидетельство Истины». Демиург обычно воспринимается гностиками как малое божество, скорее подверженное обычным человеческим страстям, чем по-настоящему злое. Высокомерие и зависть Иалдабаофа вынуждают его на про-

тяжении практически всего Ветхого Завета вести себя подобного задиры на детской площадке. Он насылает ненастья и бедствия всяких раз, когда человечество его расстраивает (что случается довольно часто). Истинный Бог не творит и не вмешивается напрямую, поэтому зло остается в несовершенном творении Демиурга.

В фильме Терри Гиллиама «Бандиты во времени» в конце появляется некое зло, напоминающее кусочек горящего угля. Гностики и иные мыслители могут счесть это странным, однако гностическая интерпретация зла действительно сильно отличается от более традиционных воззрений. Большинство гностиков не видят в зле никакой работы дьявола, но скорее считают его результатом невежества: люди совершают дурные поступки, просто потому что «они не ведают, что творят», и не понимают, что вредят себе, если наносят вред другим.

Более эзотерическое толкование определяет зло как «затемненную материю», в том смысле, что материя является затемнением изначальной божественной субстанции: с каждой последующей эманацией, материя становилась все более твердой, менее божественной и, в то же время, менее благой. Получается, что для гностиков материя и зло тесно связаны, хотя сама злобность материи вызывает разногласия. Нынешний гностик Стефан Хёллер определяет материю как зло только на основании того, что она склоняет душу к отвлечению от первичной задачи, то есть, от обратного путешествия к божественному истоку за пределами тварного мира, или, что еще хуже, заставляет его забыть о том, что, находясь в этом мире, он не принадлежит ему.

Хотя эта идея звучит немного мрачно – и гностиков часто обвиняют в пессимизме – мы должны помнить о том, что бытие в этом мире, хотя его и можно сравнить с тюрьмой или нищетой, в конечном итоге наполнено надеждой на то, что во всем присутствует божественная искра. Получение *гнозиса* приводит к осознанию этой внутренней искры, а вместе с ней, и к пониманию о

том, что она является частью истинного Бога внутри нас, а значит, и мы его часть. Когда мы осознаем свою истинную природу, мы стремимся отправиться домой, или, по крайней мере, добровольно принимаем свою ссылку в этом мире, зная о грядущей лучшей участи. Однако, Иалдабаоф и его архонты повсюду тайно следят за тем, чтобы люди оставались невежественными и заставляют их предаваться страстям, удовольствиям плоти и погоней за богатством и властью.

Все гностики воспринимали мир как тюрьму и ссылку, а также наблюдали за разворачивающейся божественной драмой в мире, сущностно связанном с классической моделью. Эта модель основывалась на геоцентрическом представлении о творении, в котором мир находится внутри семи сфер Луны, Венеры, Меркурия, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Эти сферы находятся под контролем архонтов, тогда как восьмая сфера считается либо царством самого Иалдабаофа, либо иногда нижней (т.е., самой материальной) частью Плеромы, которая в остальном принадлежит к пространству далеко за пределами сфер материального существования.

При адаптации классической модели мира – добавив восьмую к традиционным семи – гностики придерживались стандартной практики (если о них вообще можно так сказать). Они похожим образом заинтересовались астрологией, возможно, благодаря иранским влияниям, так как Вавилон считался колыбелью астрологического искусства. Небеса получили иное толкование в соответствии с гностическими представлениями о влияниях архонтов, но при этом сохранили и традиционные планетарные свойства.

Гностики воспринимали время линейно, но некоторые верили в перерождение. Некоторые гностические тексты, вроде «Книги Йеу», представляют собой инструкции для души после выхода из тела, то есть, являются западными эквивалентами «Тибетской книги мертвых». Однако, если архонты помешали душе достичь

Плеромы, она снова перерождается. Некоторые гностики верили, что, когда все души или божественные искры вернуться в Плерому, владения архонтов – созданная вселенная – закончится. По сути, некоторые полагали, что материя была создана исключительно для того, чтобы пленить божественные частицы.

Сила Софии заключалась в том, что она могла свободно перемещаться по миру, всегда готовая помочь искателю в его путешествии. Все гностические школы и группы высоко ее ценили, и сейчас мы перейдем к рассказу о них.

УЧИТЕЛЯ И ТРАДИЦИИ

В период первых четырех столетий после Христа, будущая официальная Церковь представляла собой собрание из различных церквей и сообществ, которые не собирались в единое целое, что побудило Отцов Церкви, вроде Иринея, потратить большое количество времени на объединение этих верований и создание общего свода представлений и практик. Однако, у гностиков не было своего Иринея; по самой своей сути они бы воспротивились такой попытке сведения всех знаний в один набор правил, подходящий для всех. Путь к *гнозису* всегда оставался индивидуальным, что означало, что завет и практика должны отличаться в каждой группе и у каждого человека. Долгое время считалось, что гностицизм является только философией, мало относящейся к практике и таинству. Эта точка зрения заметно укрепилась за счет трудов Иринея и его непримиримых коллег. Однако, после обнаружения текстов Наг-Хаммади выяснилось, что гностики в действительности проводили ритуалы и таинства.

В этой главе мы рассмотрим некоторые из самых известных гностических групп и их харизматичных учителей, а затем уже перейдем к двум полноценным религиям, выросшим из гностической почвы.

Гностические учителя первого столетия

Первый гностический учитель, чье имя дошло до нас в форме «Симон Волхв», чаще встречается в своем латинском варианте «Симон Маг». Он был родом из Самарии, известного региона нетрадиционного иудаизма, и, согласно Иустину Мученику, жил в период правления императора Клавдия. Эта ранняя датировка – 41–56 гг. – делает Симона современником апостолов, в частности святого Павла. Поэтому вовсе не удивительно, что Симон упоминается в Деяниях Апостолов, где, как мы уже отмечали, он вступает в конфликт с апостолами Петром и Иоанном, а также устраивает магическое состязание с Петром в апокрифическом тексте Деяния Петра. Что любопытно, Симон отказывается от своей магии в Деяниях 8:24, однако Отцы Церкви продолжали считать его главным еретиком еще долгие столетия; возможно, они знали, что рассказ об отречении Симона был добавлен позднее, чтобы представить в более выгодном свете непобедимых апостолов. Или же они обладали непосредственными контактами с симонианами и понимали, что его учение по-прежнему процветает.

По традиции Симона называют учеником Иоанна Крестителя или же его ученика Досифея. Подобно ортодоксальному течению, гностики могли – и действительно стали – возводить свое учение ко времени Иисуса, откуда следовало, что законность их представлений не меньше, чем у Римской церкви. Считается, что Симон написал ряд книг, среди которых «Четыре четверти мира» и «Поучения отступника». Хотя оба текста, к сожалению, утрачены, мы знаем, что в последнем томе речь шла о том, что Бог Ветхого Завета ложный, а истинным мудрым учителем является Змей из Эдемского сада. Третий трактат «*Apophasts Megalê*» (что значит «Великое провозглашение» или «Великое откровение») сохранился только в фрагментах.²⁸ Обычно считается, что его записали

после смерти Симона один или несколько его учеников. Однако все примечательные идеи учения Симона неразрывно связаны с его спутницей Еленой.

Как и Мария Магдалина, Елена изображается проституткой. Хотя многие исследователи раннего христианства теперь воспринимают историю Магдалины как очень эффектный пропагандистский ход, с Еленой мы оказываемся на более зыбкой почве. Мы знаем о ней настолько мало, что она уже навсегда перешла в мифическую область. Учитывая склонность гностиков к мифологическим истинам, это вполне закономерный результат. Говорят, что Симон встретил Елену в борделе Тира, где узнал в ней воплощение Софии. Эта история неизвестного происхождения вполне может быть продуктом мысли Отцов Церкви, которые хотели дискредитировать Симона и его учение. Однако Ириней сообщает нам, что Симон учил о существовании высшего, дотварного Бога, чья первая эманация, Эннойя (Мысль) была женской. Эннойя ставится партнером Бога и по его божественному плану создает ангелов и архангелов. В вариации на тему Войны Небес космология Симона говорит о Молчании в Небесах, которое вместе с некоторыми ангельскими силами восстает против Эннойи. Ее пленяют, подвергают всевозможным истязаниям и, наконец, вынуждают воплотиться в мире, в ловушке женского тела. Она проходит через несколько перерождений, становясь в какой-то момент Еленой Троянской, пока не попадает в проститутку из Тира. В этот момент предвечный Бог посылает свой аватар в мир, чтобы ее спасти. По мнению его противников, Симон считал себя этим аватаром, но в данном случае могли снова вмешаться Отцы Церкви; по крайней мере, в этой истории мы находим один из самых ранних прототипов Софии, а также плач по впадению души в невежество.

Симонианская школа продолжилась через его ученика Менандра, и его ученика Сатурния. Менандр (ок. 80 г.), как и Симон, считался магом, что может быть иносказательным способом упо-

минания о *гнозисе*. Сатурний, по всей видимости, был аскетом, который учил о существовании Неизвестного Бога, существующего за пределами тварной вселенной. Мир, согласно Сатурнию, был создан меньшими силами, которые также породили человека. Когда это произошло, они поместили божественный свет внутри каждого человека, и этот свет освободится через пришествие спасителя, который придет в человеческой форме и провозгласит освобождение *гнозиса*.

Другой ранний учитель, Керинф, вел свою деятельность в конце первого столетия н. э. и в начале второго столетия. Считалось, что он был современником святого Иоанна, который страстно ненавидел его и его учение. Однажды, согласно Иринею, святой Иоанн пошел в публичные бани в Эфесе. К его ужасу, внутри оказался Керинф, потому святой Иоанн сбежал, восклицая: «Убежим отсюда, пока не обрушились своды бани; ведь Керинф, враг истины, внутри них!».²⁹ Ирелей полагал, что святой Иоанн написал евангелие, которое, по всей видимости, должно было вступить в полемику с идеями Керинфа о Христе. Тот полагал, что Иисус не обладал божественным бытием, но был обычным человеком, который получил часть божественности во время крещения, а затем утратил ее во время распятия. Смертный Иисус восстанет из мертвых только в судный день, вместе со всем остальным человечеством. Иисус Иоанна, напротив, обладает божественной природой с рождения и телесно вознесся на небо в конце своего земного подвижничества.

Василид

Во втором веке наступил расцвет гностицизма. Первым великим учителем этого периода стал Василид, который жил в Александрии во времена римских императоров Адриана и Антония

Пия (117–161 гг.). Василид важен по той причине, что считал себя христианским гностиком и теологом. Его Христос был гностическим. По традиции считается, что он учился у Главкиада, одного из учеников святого Петра, и, возможно, у Менандра и Сатурния. Учение мистика Василида практически не сохранилось, за исключением того факта, что он начинал серьезное обучение с пятилетнего обета молчания. Как и в случае с остальными гностическими учителями, мы практически полностью опираемся на свидетельства Отцов Церкви. Что удивительно, они не согласованы между собой, что подтверждают два главных отчета о Василиде авторства Иринея и Ипполита. Либо их сведения были ошибочными, либо они не смогли понять всех тонкостей учения Василида. Ириней описывает его как радикального дуалиста, тогда как Ипполит видит в нем монистического учителя, значительно зависимого от греческой философии.

Василид, согласно Иринею, учил о существовании неведомого истинного Бога, от которого эманировали ангельские порядки. Изначально их было только шесть: разум, Христос, слово, благоразумие, мудрость и сила. От них произошли 365 следующих ангельских сил, каждая из которых создала свое небо. Как и в случае с другими космологиями эманации, последующие небеса были ниже и более материальными, нежели сами эманации, от которых они возникли. Последняя и низшая из 365 ангельских сил создала материальный мир и людей, которыми правит бог по имени Абраксас, отождествленный с Богом Ветхого Завета. Истинный Бог послал Христа в мир, чтобы он принес с собой освобождающий *гнозис*, но он избежал распятия, заместив себя Симоном Кириянином на Голгофе. В истории Ипполита истинный Бог эманировал «мировое семя», из которого все возникло. Как ни странно, эти эманации поднимались обратно к Богу (обычно, наоборот, последующие эманации становились дальше от Бога в нисходящем порядке). Сама эманация состояла из трех «Сыновств», первое

и самое легкое из которых могло воссоединиться с истинным Богом, второе нуждалось в помощи Святого Духа, тогда как третье оставалось заперто в материи. Это третье «Сыновство» и является божественной искрой в каждой душе, чье мирское пленение может закончиться посредством искупительного послания Христа. Миссия Иисуса состоит в том, чтобы собрать Третье Сыновство вместе и вернуть домой. Учение Василида, по всей видимости, распространилось только на территории Египта, что совершенно нельзя сказать о деятельности Маркиона. В самом деле, зарождающаяся Церковь того периода воспринимала его и его учение как главную угрозу, и Католическая церковь до сих пор считает Маркиона величайшим из еретиков.

Маркион родился в Понте, порту на Черном море, около рубежа первого столетия. Он воспитывался в христианской семье; его отец был священником или епископом, а также владел стадом овец. Маркион последовал по стопам отца, став священником и преуспевающим торговцем. Он посетил Рим в 140 году, оставив существенное пожертвование для Церкви. Его попытки доказать свою правоту внутри Церкви потерпели неудачу, поэтому в июле 144 года он основал свою собственную церковь. Не пожелав иметь ничего общего с еретическими богатствами, Церковь сразу вернула пожертвование.

Маркион учил о существовании двух богов, называя невежественного Бога-творца Богом Закона, а истинного бога Благим Богом. Иисус пришел, чтобы спасти человечество, но не обладал настоящим физическим телом – эта еретическая догма впоследствии получила название докетизма. Единственным истинным писанием считалась Нагорная проповедь – в особенности Заповеди Блаженства – и измененная версия Евангелия от Луки, без иудейских элементов.³⁰ Маркион верил, что адаптация Ветхого Завета и его завистливого бога в христианстве была предназначена для привлечения к нему иудеев, тогда как само учение было полностью

независимым от иудейских истоков. Святой Павел и его послания также входили в сокращенный канон Маркиона.³¹ Вероятно, попытки Маркиона составить некий христианский канон в конечном итоге и привели к собственному варианту Церкви, то есть, к Никейскому Собору 325 года. К этому моменту маркионитские церкви распространились по всему греко-римскому миру; после признания маркионства ересью, оно полностью исчезло к пятому веку.

Хотя Маркион верил в двух богов, а также разделял многие убеждения с гностиками – такие как аскетизм и зло плоти – его гностический характер остается предметом споров. Что самое важное, в учении Маркиона не было освобождающего *гнозиса*, божественной искры или мифологической космологии или космогонии. Маркион, по всей видимости, считал себя реформатором Церкви, а не гностиком, но его многочисленные соперники внутри Церкви не соглашались с ним и часто ставили его в своих диатрибах в один ряд с гностиками, когда видели в нем реальную угрозу для существующей единой церкви. Однако, в своих попытках создать «чистую» форму христианства, основываясь на словах «настоящего» Иисуса, Маркиону удалось разжечь огонь, который уже никогда не угасал; многие авторы и теологи нашего времени по-прежнему занимаются схожими вопросами. Вероятно, в этом и состоит величайшее наследие Маркиона.

Валентин

Валентин (ок. 100 – ок. 160/180 гг.) являлся величайшим гностиком второго столетия и, после Маркиона, стал главным врагом Церкви того времени. По сути, в некоторых случаях, Валентин и его последователи считались более опасной угрозой Церкви, чем Макрион, потому что их сложнее было вычислить. В отличие

от Маркиона, Валентин старался приравнять гностицизм к Церкви и развил сложную гностическую систему, которая включала в себя обширную мифологию для «охватывания всего ... внешнего и внутреннего».³² Так, Валентин и его последователи считали себя христианами и частью христианского сообщества. Они посещали «общепризнанные» церкви, но также встречались отдельно, что, как мы еще увидим, не укрылось от бдительного взгляда Отцов Церкви.

Валентин родился в Египте около рубежа первого века и обучался в Александрии, где в это время проповедовал Василид (хотя мы не можем наверняка утверждать, что они когда-либо встречались). Около 135 года Валентин переехал в Рим и оставался там на протяжении 25 лет. Маркион тоже жил в этот период, но, опять же, мы не можем подтвердить наличие контакта между ними. Ученики Валентина, однако, утверждали, что во время первых лет жизни в Риме, Валентин учился вместе с Тевдой, учеником святого Павла. Те немногие сведения о жизни Валентина, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что он был уважаемым членом Церкви и, согласно Тертуллиану, практически стал Папой, но проиграл Пию I, принявшему сан в 140 году.³³ После поражения Валентина объявили еретиком, но он продолжал учить в Риме еще 20 лет. Затем он либо умер, либо, по мнению Отца Церкви Епифания, отправился на Кипр. По последней версии событий он продолжал учить там до преклонного возраста. Однако, по всей видимости, Валентина все же не признавали еретиком во время его жизни. Возможно, он даже оказал влияние на Отца Церкви Оригена, который принадлежал к немногочисленному числу теологов, сочувствовавших гностицизму.

Валентин и его последователи создали невероятно подробную гностическую систему, в которой греческие, восточные и христианские идеи сплелись вместе, тем самым породив нечто, весьма приближенное к «ортодоксии» гностицизма. Такая идея в целом

противоречила убеждениям гностиков; многие ученики Валентина дополняли его труды и утверждали, что «улучшили труд мастера». Отцы, как всегда, яростно порицали подобное, так как не могли постичь, что гностицизм предоставляет личный и творческий опыт, в котором истина продолжает развиваться и меняться в соответствии со способностями – восприятия и созидания – самого практика.

Хотя система Валентина представляет собой наиболее развитую форму гностицизма, мы не в состоянии воспроизвести ее в точности, так как не обладаем первоисточниками. Собственные сочинения Валентина по большей части не сохранились, за исключением тех фрагментов, которые цитировали Отцы Церкви и текст из Наг-Хаммади, «Евангелие Истины». Поэтому мы можем озвучить только наши предположения. По всей видимости, Валентин, находясь под влиянием греческих и восточных идей, соединил их с христианскими концепциями для того, чтобы создать единую систему для всех христиан, гностики они или нет. Как и в случае с другими гностическими космологиями, Валентин говорит о существовании предвечного, неведомого Бога, который обитает в Плероме, не тревожащийся и не проявленный. Из него эманерирует последовательность эонов, формируя 15 женско-мужских пар, отражающих неведомого Бога, который считался диадическим (отцом-матерью). Самыми важными являются первые четыре пары: Вифос («Первичная глубина», мужской принцип) и Эннойя («Мысль», также Харис, «Милость» или Сиге, «Молчание», женский принцип); Нус («Понимание», мужской) и Алетейя («Истина», женский); затем Логос («Слово», мужской) и Зое («Жизнь», женский); и, наконец, Антропос («Человек», мужской) и Экклесия («Церковь», женский). Эманации продолжаютя вплоть до последней, которая, как и в других системах, является Софией («Мудрость», женский). На границе Плеромы находится Хорос («Предел»), внутри которого зоны счастливо

пребывали до создания Кеномы («Нижнего мира», также известного как «Недостаток»).

Эоны стремятся познать своего творца, и София берет эту миссию на себя, ничего не зная о своем спутнике, что приводит к появлению «невежества», в результате чего возникает эманация материи, Демиурга и материального мира. Следуя идеи Платона о Мире Форм, где все вещи в материальном мире суть простые отражения высшего Мира Идей, система Валентина утверждает, что материальный мир – это бледная, теневая версия Плеромы. Эти два мира иногда называют Гебдомадой (от *hebdomas*, «семь», по числу сфер материального мира) и Огдоадой (от *ogdoas*, «восемь», по числу небес) соответственно. В какой-то момент, во время или сразу перед созданием Гебдомады, София разделяется надвое, ее высшее я останавливается у Предела и возвращается в Плерому, тогда как ее низшее я прорывается и остается в заточении материи. Именно низшая София порождает Демиурга. Новая пара эонов, «Христос» и «Святой Дух» отправляются в материальный мир, чтобы спасти ее.

Система Валентина воспринимает человечество как создание Демиурга, управляющего Гебдомадой. Существует три типа людей: гилики, психики и пневматики. Гилики – это люди, погруженные «в материю» и заботящиеся только о плоти, об удовольствии и комфорте, избегая боли и ненужных мыслей. Психики не так сильно вовлечены в удовольствия и страсти земного существования, но более склонны к размышлению, ощущению и участию в эзотерической (т.е., догматической) религии. Пневматики – это духовно осознанные люди, находящиеся над догмой и различиями, именно они могут получить *гнозис*. В таком разделении людей Валентин отразил тенденцию гностиков к элитизму, за который их часто порицали Отцы Церкви. (Занятно, что сами Отцы Церкви тоже обладали довольно элитарным мышлением, так как исходили

из Одной Истинной Церкви над всеми остальными, гностическими или другими.)

В защиту Валентина можно сказать, что причиной для такой классификации людей на три группы послужило его представление о реакции различных людей на послание Христа, которое, как и во всем гностицизме, он воспринимал как освобождающий *гнозис*, а не жертвенное искупление из основного течения христианства. В случае с гиликами, духовное семя «падает вниз», другими словами, остается незамеченным, тогда как психики могут услышать послание, но слишком подвержены рассуждениям о концепции спасения и, возможно, уйдут под надежную защиту догмы. И только пневматики способны услышать освобождающие слова Иисуса и действительно *понять* их значение. Пневматики, следовательно, являются гностиками и могут начать обратный путь к Плероме.

Несмотря на этот кажущийся элитизм, философия Валентина предполагает, что любой может получить *гнозис*, даже если изначально был гиликом или психиком. Чем больше людей узнают *гнозис*, тем больше заживляется разрыв между Гебдомадой и Огдомадой. Другими словами, в валентинианстве получение *гнозиса* не только освобождает, но также помогает вернуть материальный мир в непорочное состояние Плеромы; личное же спасение неразрывно связано с спасением всей полноты вещей.

Восприятие Христа у Валентина кажется несколько запутанным, возможно, в связи с отсутствием первоисточников, вмешательством Отцов Церкви и включением последующих поколений самих учеников Валентина. В его системе материальный мир является низшей копией Плеромы, потому существуют два Христа, небесный и его земная копия, которая не обладала плотью и кровью, но только видимостью обоих, и потому не страдала на кресте. Споры о природе Христа продолжались в Церкви столетиями, также случилось и у валентиниан: итальянская школа утверждала, что Христос только стал пневматиком – наполнившись мудростью

Софии – во время крещения, тогда как анатолийская школа (распределенная по территориям Сирии и Египта) говорила, что Христос имел пневматическое тело с рождения. В отличие от главенствующей церкви, различия в мировоззрении среди гностиков не приводили к преследованиям и кровопролитию; по сути, несогласованность считалась естественной, и теологическое разнообразие поощрялось.

Кроме двух различных школ мысли внутри круга учеников Валентин также имел ряд последователей, среди которых стоит отметить Птолемея и Гераклиона. Они оба принадлежали к италийской школе и жили во второй половине второго века. В руках Птолемея валентинианский гностицизм стал системой с упором на судьбу физики; именно для ее освобождения пришел Иисус. Для Гераклиона суть гностицизма состояла в спасении и, как следствие, он в меньшей степени участвовал в создании мифов о эонах и падении Софии. Третий учений Валентина, Марк, по всей видимости, практиковал такую форму гностицизма, которая напоминала греческие мистерияльные культы. Он развил мифологию с обращением к гематрии и мистическим значениям букв алфавита, чем уже давно занимались Пифагор и его последователи, а затем и иудейские каббалисты. Марк, похоже, довольно сильно разозлил Отцов Церкви, так как они объявили его почитателем дьявола и идолопоклонником; из-за отсутствия оригинальных текстов, мы не можем знать о его отношении к ним, но вполне можем предположить, что это чувство было взаимным.

Поздние гностики

Следует упомянуть еще нескольких гностических учителей второго столетия. Один из них, Моноим, жил во второй половине второго века и, подобно валентинианину Марку, разработал фор-

му гностицизма с элементами мистицизма и геометрии. Он также советовал своему другу в письме способ для обретения истинного Бога, который имеет смысл воспроизвести полностью, так как он представляет собой необычно простой гностический текст по сравнению с некоторыми другими сложными мифологиями:

Перестань искать Бога в тварных вещах, таких как вселенная и прочее; ищи Его внутри себя, и узнай, кто таков тот, кто включает в себя все вещи, повторяя: «Мой Бог, мой разум, мое разумение, моя душа, мое тело». И узнай, откуда приходит скорбь и радость, любовь и ненависть, и бессонница против воли, и сон против воли, и влюбленность против воли. И если ты тщательно взыскуешь об этом, ты найдешь Его в себе, одного и многих, словно атомы; так ты найдешь через путь к себе путь из себя.

Вардесан (155–233), сирийский знатный философ, был духовным советником царя Эдессы Абгара IX. Его интерес к духовному поиску, по-видимому, был свойственен всем членам этой царской семьи, так как один из предшественников, Абгар V, как говорят, написал Иисусу, чтобы получить исцеления от своей болезни. Иисус написал ответ, отказавшись приехать, но вместо этого прислал ткань, либо с нерукотворным образом Иисуса, либо, в других версиях истории, с отпечатком его лица. Конечно же, это изображение обладало целительными свойствами, и Абгар полностью выздоровел.

Вардесан также весьма отличился при дворе Абгара IX, но только в своем собственном стиле. Он придумал жанр христианского гимна и сочинил большое их количество, примерно около 150 композиций; его труд позднее позаимствовал Отец Церкви Ефрем Сирий, представивший их как свои собственные сочине-

ния, при этом объявив настоящего композитора еретиком. Вардесан также написал ряд трактатов, из которых до нас дошла только «Книга законов земель», обнаруженная в 19 веке. Довольно известный в свое время гностический текст «Песнь о жемчужине» также считается его работой. Однако, возможно самым значительным достижением Вардесана стало то, что он обратил царя Абгара в гностицизм; в его правление Эдесса стала единственным в истории гностическим государством.

Гностики «либертины»

Некоторые гностические школы под пером Отцов Церкви приобретали поистине монструозные очертания либертинов, убийц и воров, поклонявшихся Иуде Искарриоту и совершивших все мыслимые грехи. К этой группе принадлежат карпократиане, каиниты и борбориты. Можно даже не говорить о том, что Отцы Церкви либо неправильно трактовали этих гностиков, либо намеренно преувеличивали и искажали практики этих групп. Первая школа была основана Карпократом, жившим в Александрии. Современник Василида, Карпократ обучал вместе со своей женой, что, как мы понимаем, не слишком нравилось Отцам Церкви. На их гностицизм повлиял Платон, потому Плерома стала эквивалентом высшего мира идеальных форм. Также они говорили о существовании перерождений и считали, что для освобождения от материального мира и его архонтов, человек должен испытать все перипетии жизни; насыщенный опытом, он в итоге устанет от земного бытия и захочет вернуться в Плерому. Этот процесс может занять многие жизни или только одну. Для Иринейя это означало, что карпократиане поощряли всевозможные злодеяния и преступления, так как они необходимы для духовного пути, хотя и сомневался в том, что они действительно исполняли свои запове-

ди. В самом деле, мы не найдем никаких свидетельств того, что гностики – последователи Карпократы или другие – когда-либо вели себя в аморальном или оскорбительном ключе. Что печально, мы вовсе не можем такого сказать о представителях Церкви.

Каиниты, возникшие примерно в то же время, почитали ветхозаветную фигуру Каина, первого убийцы. Убийство Авеля произошло в приступе гнева и зависти: согласно четвертой главе Книги Бытия, оба брата сделали жертвенные подношения Богу (Демииургу), но якобы Всемогуший почему-то отверг дары Каина, но принял дары Авеля. Убив Авеля, Каин восстал против низшего Бога-творца и его деяний. Другой наиболее почитаемой фигурой у каинитов был Иуда Искарот, чье предательство Христа воспринималось не как глупейшее предательство в истории, но как поступок по велению самого Иисуса, который позволил тому вернуться в Плерому после завершения своего земного подвижничества. «Евангелие Иуды», главный текст каинитов, передает эту версию событий, а также показывает Иуду как самого просветленного ученика Христа. (Мы рассмотрим этот текст в следующей главе.) Как и карпократиане, каиниты полагали, что человек должен пройти через все опыты, чтобы освободиться от них. И снова, несмотря на заявленную антиномианскую позицию, нет никаких свидетельств того, что они действительно предавались аморальному или незаконному поведению. Обе группы стали жертвами клеветы Отцов Церкви, которые настолько преуспели в своем порицании, что превратили названия обеих групп в нарицательное обозначение для всего существующего зла.

Воображение Отцов Церкви, или, по крайней мере, их вера во всевозможные слухи о гностиках, достигла своего пика в рассказе Епифания о группе под названием борбориты. Это название происходит от греческого слова *borboros*, «грязь», что означало, что борбориты, по сути, грязны, физически и духовно. Епифаний утверждал, что борбориты практиковали ритуальное

гомосексуальное сношение и покрывали себя менструальной кровью и семенем, которые затем потребляли в некой форме причастия. Более того, считалось, что они ели человеческих зародышей. Такие обвинения являлись частью стандартного арсенала Церкви для подтверждения своего морального превосходства – похожую деятельность предполагали и у евреев, ведьм, тамплиеров и даже некоторых Пап. Потому весьма маловероятно, что борбориты в действительности совершали какие-либо подобные действия.

Сифиане и офиты

Единственное правдивое предположение о борборитах, к которому мы можем прийти, заключается в том, что они практически наверняка не называли себя так. Вероятно, этот термин возник от искаженной формы Барбело, барбелитов или барбелогностиков. Барбело – это имя, которое в некоторых формах гностицизма использовали для обозначения первой эманации от истинного Бога (в других вариантах, Энной, или Мысль); она считалась одновременно женской и андрогинной. Примечательно, что барбелиты, скорее всего, не называли себя так, потому что этот термин также встречается в антигностических тирадах Отцов Церкви. Настоящее самоназвание барбелитов не сохранилось, хотя, с большой степенью вероятности, в нем присутствовал эпитет «святой» или «праведный», стандартное внутреннее добавление для имени гностической группы. Барбелиты в своих текстах особо выделяли роль Барбело, в особенности, в мифах творения материального мира. Как и школа Марка, они действовали как культ, с тайными рукопожатиями для опознания своих, хотя, возможно, такое поведение являлось лишь следствием усиливающегося преследования со стороны Церкви.

Барбелиты принадлежат к той школе гностицизма, которую ученые обозначили как «сифиане»; однако, в отличие от барбелитов, сифиане действительно называли себя этим именем. Они почитали фигуру Сифа, третьего сына Адама и Евы. После того, как Авель и Каин непримиримо повздорили из-за подношений Бог-творцу, Сиф получил *гнозис* от Адама. Тот предсказал, что «Сиф и его семья», как их называли в тексте из Наг-Хаммади «Апокалипсис Адама», продолжит получать освобождающий дар *гнозиса*, но подвергнется гонениям.

Такое гонение и вправду вскоре произошло, когда сифиане – и все человечество в целом – ощутили на себе гнев Бог-творца, наславшего потоп. Это бедствие случилось не потому, что Демиург хотел наказать человечество за беззаконие, как в традиционной версии событий, но потому что он разозлился и позавидовал тому, что Сиф и его семья получили *гнозис*. Лучшим способом для предотвращения подобной ситуации оказался очень простой метод: уничтожить всех. Однако, против коварного плана Демиурга восстала единственная женщина в лице сестры Сифа, Нореи. Норея сопротивлялась решению своего недальновидного мужа Ноя (именно таким его изображают в гностических текстах). Ной получил приказание от Демиурга построить ковчег на вершине горы Сеир, а не на Арарате, как в традиционном варианте из Книги Бытия.³⁴ Предчувствуя ловушку, Норея говорит об этом мужу, но он ее не слушает. Чтобы четче выразить свою мысль, Норея сжигает ковчег. Это настолько разозлило Демиурга, что он посылает легион архонтов, чтобы те изнасиловали Норею в качестве наказания за ее неповиновение. Норея обращается за помощью к истинному Богу, который слышит ее мольбу и посылает эон Элеет (Разумение), чтобы спасти ее и доверить пути гностической праведности. Потоп все равно происходит, при этом Ной и его семья спасаются, не зайдя на ковчег, но с помощью сияющего облака. Сиф и последующие потоки Нореи, гностики, становятся «великой расой

Сифа», и их тексты, мифы и истории формируют самые важные образцы гностической литературы. Мы рассмотрим некоторые из них в следующей главе.

Как и сифиане, офиты представляли собой гностическую школу, в основании которой, по всей видимости, не стоял какой-то конкретный человек, чье имя дошло бы до нас. В поисках истока гностической мудрости, они почитали Змея из Эдемского сада как первого учителя *гнозиса*. Как и в других историях об Эдеме, именно Ева получила *гнозис* первой и, следовательно, превосходит Адама. Офиты, похоже, существовали в конце первого столетия, в основном в Сирии и Египте и могли оказать влияние на – или входить в число – сифиан. Как и с большей частью гностической истории, отсутствие первичных источников не позволяет нам как следует познакомиться с различными группами и индивидами. Как отмечает Стефан Хёллер:

Гностики ... по большей части занимались выходом из чудовищного потока истории, чем хотели оставить какие-либо записи о себе. Они намеревались превозмочь мир и потому не были людьми истории; они скорее были причастны к некоей теневой истории или контристории, в которой можно найти едва заметные следы их таинственного и вынужденного присутствия.

По этой причине обращение к гностикам через затемненную линзу истории становится неизбежным и не таким уж однозначно тщетным действием. Гораздо важнее, чем точные ответы на причины и следствия деятельности группы или отдельного учителя, оказывается само существование *гнозиса* и возможность истинного освобождения. Эта вероятность существовала с самого начала времен, утверждают гностики, и продолжает существовать сегодня.

ня. Поистине, она всегда пребудет, вне зависимости от того, войдет ли рассказ о ней в анналы истории.

Организация и таинства

Гностические сообщества, по-видимому, были устроены примерно одинаково, вне зависимости от их принадлежности к валентинианам, каинитам, сифианам или любой другой группе гностиков. Несмотря на обвинения в элитизме со стороны Отцов Церкви, гностики были на удивление эгалитарными во многих аспектах, привлекая последователей из всех уровней общества. Возможно, самой характерной чертой гностических групп было их пренебрежение авторитетом или любого другого вида иерархии. Как мы уже отмечали, приверженцы Валентина даже дошли до того, что попеременно проводили службы, а также допускали к служению женщин; похоже, что такой обычай был принят во многих других группах. Тертуллиан жалуется, что «человек не ведает, кто новообращенный, а кто верующий, они встречаются друг с другом (в доме собраний), слушают друг друга и молятся друг с другом».

Учитывая почитание божественной женщины, обычно отождествленной с Софией (иногда с Эннойей или Барбело), неудивительно, что женщины играли в гностицизме активную роль, часто становились учителями, миссионерами или пророчицами в дополнение к своим священническим обязанностям. Кроме Александры, которая учила в Александрии вместе со своим мужем Карпократом, мы также знаем имена Марселлины, ученицы Марка, учившей в Риме в середине второго века, и Флоры, подруги Птолемея, у которой он был духовным советником.

Другой аспект гностицизма, вызывавший недоумение Отцов Церкви, состоял в кажущейся дезорганизации. До обнаружения

библиотеки Наг-Хаммади, также считалось, что гностики в основном занимались своими собственными индивидуальными практиками и мифами. Однако, некоторые тексты из Наг-Хаммади, вроде «Евангелия от Филиппа», показывают, что гностики обладали таинствами, по иронии весьма похожими на обычаи традиционной Церкви. «Евангелие от Филиппа» перечисляет пять таинств:³⁵ крещение, помазание, евхаристия, искупление и брачный чертог. Как отмечает Стефан Хёллер:

Целью гностического таинства не являлось простое временное освящение, как в римско-католической доктрине милости таинства, но полная трансформация, переход в сущность Бога. Усовершенствованный гностик перестает быть последователем Христа, но сам становится обожествленным человеческим существом; он сам – новый Христос.

Крещение, как и в традиционной Церкви, позволяет гностiku войти в веру. Учитывая то значение, которые некоторые гностики (например, итальянские валентиниане) придавали крещению Христа от руки Иоанна Крестителя, его важность нельзя переоценить. Крещение позволяло показать, что человек отказался от прошлой жизни и входит в новую, которая в конечном итоге позволит возвратиться в Плерому и к истинному Богу. Помазание происходило с помощью святых масел, что происходило во время обряда, который мы знаем как конфирмацию. Помазание побуждало гностика идти дальше по своему пути, и масло соединяло его с высшим, истинным миром Плеромы. Евхаристия в традиционной церкви обозначает благодарение за жертву Христа, но в гностицизме воздают хвалу за освобождающий *гнозис*, который Христос принес в мир. Искупление, точно так же, не было искуплением от первородного греха, которого в гностицизме не существует, но

становилось искуплением невежества. Величайшее из гностических таинств, брачный чертог, известен нам в наименьшей степени, так как у него не существует никакого аналога в западной Церкви. Мистики часто воспринимают единение между душой и Богом как божественный брак, что вполне может сочетаться с брачным чертогом. Его можно воспринимать как союз между гностиком и божественным, или, в психологической терминологии, как полную интеграцию личности, примирение противоположных сил внутри человеческого сердца. Вероятно, что брачный чертог представлял собой некий обряд у смертного одра, который гарантировал, что умирающий полностью освободился от хватки архонтов и Демииурга, и сможет достичь Плеромы.

Кроме таинств гностики также использовали в своих практиках талисманы и амулеты. На них зачастую наносили так называемую «варварскую речь», не принадлежащую ни к одному из существующих языков, как правило, длинная последовательность из букв, которую произносили во время ритуалов или имена эонов, вроде Абраксаса. Абраксас, согласно гностическому мифу, был раскаявшимся архонтом, который поднялся над Гебдомадой, чтобы стать посредником между Плеромой и миром материи. Абраксасу поклонялись многие гностики и часто изображали на камнях и амулетах в виде фигуры с головой петуха, телом человека и змеями вместо ног. В одной руке он держал кнут, а в другой щит. Эта странная смесь человека и зверя обладала символическим значением. Голова петуха обозначала рассвет понимания (потому что петух приветствует своим криком встающее солнце) и чувство бдительного бодрствования; тело человека – воплощенный логос, человеческая способность к пониманию и развитию; тогда как змеи выражали мудрость и энергию; кнут и щит – динамизм жизненной силы и мудрости (великий защитник) соответственно.

ГНОСТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

Мандеи

Во времена, когда действовали упомянутые гностические группы, практически все из которых можно назвать «христианскими гностиками» (хотя ранние сифиане могли принадлежать к иудеям), на территории современного Ирака возникла полноценная гностическая религия. Мандейская вера отличается от всех предыдущих гностических убеждений, в первую очередь, тем, что изначально не опиралась на христианство, но при этом представляла собой организованную религию. И, в отличие от знакомых нам гностиков, мандеи до сих пор существуют. Это, вероятно, произошло по той причине, что мусульмане посчитали их одними из Людей Писания, что спасло их от гонений, тогда как европейские миссионеры приняли их за христиан, описав как «христиан Иоанна», чтобы обозначить мандейское почитание Иоанна Крестителя. Их выживание отчасти также обеспечила полная непроницаемость того покрова, которым они отгородились от остальных иракских народов.

Их происхождение не очень понятно – как вариант, они могли возникнуть от какой-нибудь иудейской общины – и мы даже не знаем точного значения термина «мандейский». Одна теория состоит в том, что он произошел от арамейского слова *manda*, что значит «знание». Другая теория предполагает, что это название восходит к *mandt*, закрытому огороженному пространству для

проведения ритуалов мандеев, в котором находилось единственное здание, мандейский аналог храма, *btt manda*, что значит «дом знания»; по этой этимологии термин «мандей» означает «тот, кто использует дом знания». Третья теория утверждает, что это понятие связано с мистическим исповителем Манда д'Хийей, «знанием жизни», жившим в Иерусалиме в одно время с Иисусом.

Гнозис также означает «знание», и обычно по этой причине мандеев называют «гностическими». Однако, Эдмондо Лупиери предположил, что это не так, так как мандеи сами подразделяются на два класса, *nasurāiia* и *mandaiia*. Первые, «те, кто владеет *nasurāiia*», то есть, знанием гностического характера, тогда как вторая группа состоит из обычных верующих. Все священники должны принадлежать к первому классу, но не все *nasurāiia* являются священниками.³⁶

Мандеи почитают Иоанна Крестителя, однако считают Моисея, Авраама и Иисуса – и, позднее, Пророка Мухаммеда – ложными учителями. Учитывая это, не удивительно, что они большое значение придают именно таинству крещения и настаивают на том, что оно должно проводиться в текущей воде, которая, по их представлениям, изначально пришла из царства истинного Бога. Все мандейские купели построены на реках или ручьях, а сам обряд проводят весной или осенью.

Следующим по важности ритуалом для мандеев являются похороны. Умершего кладут в непомеченную могилу, потому что отсутствие надгробия символизирует незначительность земного тела по сравнению с божественной искрой в каждом человеке. Церемонии погребения могли занимать до сорока дней, чтобы убедиться в том, что умерший успешно покинул материальный мир и возвратился домой, в мир света.

Мандейская космология называет двух Богов гностицизма, истинного Бога и Бога-творца, которые находятся в мире света и

мире тьмы соответственно. Материальный мир, как и в христианском гностицизме, возникает после серии эманаций, Бог-творец известен под именем Птахила. Он создал людей, но не их души, пришедшие из мира света. Именно их или искры света внутри каждого человека и стремится освободить мандеизм. В отличие от христианского гностицизма освобождает не только *гнозис*, но также и следование мандейским таинствам крещения, литургии и погребения.

Мандейские тексты

Самый главный мандейский текст – это «Гинза Рба», что значит «сокровище», также известная как «Великая Книга». Она разделена на две части, «Правую Гинзу» с мифологическими и теологическими текстами, и «Левую Гинзу» с песнями и похоронными ритуалами. Как и большая часть гностического материала, мандейские литургии и священные тексты особенно могущественны в виде поэзии. Космология «Гинзы» использует метафору воды для мира света:

Великий Иордан ожил,
И вода живая была в нем.
Сияющая вода ожила от воды живой.
Я, жизнь, ожила
И все утхра – существа света – нашли свое место.³⁷

Когда Птахил, Демиург, создает жизнь, мы снова сталкиваемся с водным символизмом:

Он [отец Птахила] надел на меня лучащийся наряд
и обернул меня в покров из света.

Он дал мне большую корону,
от чьего сиянья весь мир засверкал,
И он сказал мне: “Сын, иди в Тибила земли
И сделай черные воды твердыми.
Укрепи землю Тибила и нанеси реки для Иордана
И каналы на всем ее лице”.

Вода снова фигурирует в контрастных образах Иисуса и Иоанна Крестителя. Иисус показан как чародей, который «искажает живое крещение и крестит в загороженных водах». Иоанн, с другой стороны, крестит «в белом Иордане из живых и блестящих вод, одевает в одежды сияния, и покрывает тюрбанами света». В «Гинзе» встречаются и более суровые слова про Иисуса:

После Иоанна мир погрузится в ложь, и Христос Римлянин разделит народы; двенадцать искусителей [учеников] бродят по миру. [...] придет свет Ануша [фигура искупителя]. Он выявит ложь Иисуса-обманщика, что ставит себя наравне с ангелами света. Он обвинит Христа Римлянина, обманщика, сына женщины, что не пришел из мира света.

«Гинза», центральный мандейский текст, не является их единственным писанием. Пожалуй, следующей по важности стоит считать «Книгу Иоанна», где описана история жизни и учения Иоанна Крестителя. Рождение Иоанна было предсказано, поэтому священники Иерусалимского храма хотели убить его еще в младенческом возрасте. Взрослый Иоанн представлен как истинный мандей, знающий о лжи как иерусалимского клира, так и своего главного противника, Иисуса-чародея.

Манихеи

Манихейство основал персидский пророк Мани (215–277), которого воспитывали в Вавилоне как елхасайта, члена еврейской христианской секты, также известной под названием *katharot* («омывающиеся»). После ряда божественных откровений, Мани попытался реформировать елхасайтов, но не преуспел в этом и был изгнан. Не обратив на это внимания, он начал активную миссионерскую кампанию с тремя другими бывшими елхасайтами (один из которых был его отцом), чтобы проповедовать веру, обозначенную Мани как Религия Света. Мани утверждал, что он принадлежит к той же традиции, что и Сиф, Зороастр, Будда и Иисус, но эти ранние мастера не открыли всю истину целиком, так как в этом заключается его собственная миссия. Учение Мани формулировалось так, чтобы привлечь как можно больше сторонников, с заимствованием идей зороастризма, христианства и буддизма, с целью объединения и спасения человечества внутри одной главенствующей веры. Поиск вдохновения в других традициях вполне присущ духу гностицизма, но в манихействе встречаются и другие гностические черты.

Как и Вардесан до него, Мани на многие годы удостоился места при дворе персидского царя Шапура (241–272) и его сына Ормизда (272–273). Когда брат Ормизда Бахрам получил власть в 273 году, Мани лишился его покровительства, создав себе врагов в среде зороастрийского духовенства, желавшего поставить на место дерзкого самопровозглашенного пророка. Мани стал жертвой незаконного суда, где его приговорили к смерти и отправили в темницу. 26 дней он провел в агонии, закованный в тяжелые цепи, что его последователи называли Страстям Мани. После его смерти, ему отрубили голову и повесили ее над одними из городских ворот.

Космология Мани принадлежала к радикальному дуализму, так как постулировала существование непреходящих и предсущих царств света и тьмы. Тьма, в вечной вражде и зависти к свету, нападает на него. В свою защиту, свет посылает Первого Человека (не путать с Адамом) и его пятерых сыновей для битвы с тьмой. От Первого Человека появляются эоны ветра, воздуха, света, воды и огня, и они вступают в поединок с архонтами дыма, огня, тьмы, темного ветра и тумана. Архонты преуспели, потому что Первому Человеку и его сыновьям-эонам пришлось остаться в тьме. Бог Света спасает Первого Человека, но во время спасательной миссии оставляет душу внизу, в Бездне.

Это приводит к новой миссии: выделению души или частиц света из Бездны, так как они пленены там; по этой причине из Бога Света эманурует Посланника. Тот придумывает хитрый план по извлечению света: он посылает 12 прекрасных Ангелов Света, чтобы отвлечь архонтов. При виде ангелов архонты выделяют грех и свет; этот грех спускается вниз, в мир материи, где попадает в животных и растительную жизнь. В это время, Посланник и ангелы начинают собирать частицы света для переноса в мир света. Увидев это, Царь Тьмы также начинает собирать частицы света и создает из них двух существ, плененных от света – Адама и Еву.

Чтобы помочь Посланнику в его труде по сбору искры божественного света от Адама и Евы, Иисус-Сияние спускается в мир, чтобы пробудить их. Однако, в отличие от большинства других гностических версий Эдема, в данном случае именно Адам первым отведал от Древа Познания, поэтому Иисус обращается к нему, тогда как Ева – познавшая удовольствия плоти с архонтами Темного Владыки – занята другими размышлениями. Это приводит к появлению первых детей, Каина и Авеля, и так далее. Посланник не может остановить репродуктивный процесс людей, и последующее умножение человечества делает миссию по возвращению частиц еще более сложной. В качестве своеобразного «плана Б»,

Посланник говорит Иисусу, что он должен расширить свою спасательную миссию на все человечество и на все времена.

Следует отметить, что манихейская концепция Иисуса, «Сияющего» или «Небесного», встречающегося и в других гностических текстах, не отождествляется с библейским «Иисусом из Назарета».³⁸ Манихейский Иисус снизошел в физического Иисуса первого века, человека, а не бога, однако манихеи не приписывают ему никакого учения (они не принимали Новый Завет и его евангелия). Более того, настоящий Иисус (Сияние) не страдал на кресте, но только притворялся (земной Иисус, обиталище его духа, страдал). Это представление сближает манихейство к докетической ересью, часто встречающейся у гностиков. Иисус-Сияние также нисходил в различных других великих учителей истории, включая Сифа, Заратустру, Будду и самого Мани, а также присутствовал в природе для продолжения своей непрерывающейся борьбы по извлечению света из материи. В результате такого верования Мани часто наставлял своих учеников не наступать на насекомых и не повреждать растения, которые тоже имеют в себе частицы света.

Конечно, такие предписания не могли выполнять все сторонники религии, поэтому возникла два различных класса манихеев: Избранные и Слушатели. Избранные представляли собой духовенство веры и соблюдали строгое подвижничество, отказавшись от мяса, вина, богохульства и секса. Слушатели – обычные последователи церкви Мани – также придерживались некоторых правил, например, регулярно исповедовались священникам, которые также распоряжались деньгами. Слушатели могли иметь частное имущество и жениться, но им запрещалось иметь детей. Манихейство, как радикально дуалистический христианский гностицизм, враждебно относилось ко всем проявлениям тела, так как воспринимало его как сосуд с плененными внутри частицами света.

Манихейские тексты

Церковь настолько активно преследовала манихеев, что в результате были уничтожены практически все манихейские сакральные тексты. (Антиманихейские кампании в Китае девятого века привели к похожим результатам.) Считавшиеся навсегда утраченными тексты были обнаружены в руинах манихейских монастырей в Китае в период между 1904 и 1914 годами; по сути, эти развалины стали «манихейской Наг-Хаммади». Ряд находок совершили в Египте в 1929 году, и затем еще больше текстов открыли в 1969 году. Эти находки кардинально поменяли наше представление о манихействе и позволили Мани и его последователям заговорить своими голосами впервые за тысячу лет.

«Кефалайя» – это сборник учений с основными постулатами веры. По форме этот текст обыкновенно представляет собой вопросы учеников (или оппонентов) к Мани, на которые он дает различной длины ответы.

Ученик спрашивает: [...] Что такое Разум света?

Посланец [Мани] отвечает:

Если я скажу о вещах, что вас заботят,
и они станут истиной после вопроса,
поймете ли вы что должно делать?

Я дарю видение тем, кто видит!

Я сделаю жизненный фонтан обильным,
чтобы жаждущие могли напиться и жить.³⁹

Фигура Иисуса в манихейском писании показана с более положительной стороны, чем в текстах мандеев:

Это имя Иисус, оно окружено благодатью. Ибо именно Иисус дарует искупление раскаявшимся.

Он стоит среди нас ... он не далек от нас, мои братья, как и говорил он в своей проповеди: «Я так близок к вам, как одеяние вашего тела!»

Как и в случае с мандейскими текстами, воздействие *гнозиса* передается очень выразительно:

Благословим же Господа нашего Иисуса, кого послал к нам Дух Истины! Он пришел и отделил нас от ошибки мира, он дал нам зеркало, куда он посмотрел и увидел вселенную.⁴⁰ Иисус вырыл реку в космосе. Он вырыл реку, хотя и было его имя сладостным. Он вырыл ее копьём истины. Он углублял ее корзинами мудрости...⁴¹

Из других обнаруженных манихейских текстов, нам удалось идентифицировать «Книгу Гигантов», манихейскую версию части апокрифической Книги Еноха; различные тексты о жизни и страстях Мани; и многочисленные записи манихейской космологии и космогонии.

Герметизм

Из всех остальных нехристианских форм гностицизма герметизм обладает наибольшим значением. Его происхождение не ясно, но по традиции приписывается великому мудрецу Гермесу Трисмегисту. В реальности тексты, приписываемые Гермесу, под названием «Герметический корпус», вероятно, были составлены в первые столетия нашей эры, по-видимому, в Александрии. Гер-

метизм, как и гностицизм, говорит о двух Богах, творце и всевышнем, истинном Боге. Однако, в нем отсутствует фигура искупителя, и посвященный в герметизм может спастись только благодаря собственным усилиям по обретению спасительного *гнозиса*. Хотя природа воспринимается как падшая, она обладает потенциалом к обретению божественного состояния благодаря вмешательству герметиков, считавших себя пастырями природы. Божественное присутствует в природе, и тщательная работы с природными субстанциями – алхимия – может выявить божественность как в природе, так и в самом адепте. Подобно Валентину, герметики полагали, что человек, обретший *гнозис*, помогает не только себе, но и всему материальному творению.

Библиотека Наг-Хаммади содержит несколько герметических работ: «Молитва Благодарения», «Асклепий» и «Рассуждение о восьмерке и девятке». Из них два последних текста особенно значимы. «Асклепий» – это диалог между Гермесом Трисмегистом и его учеником Асклепием, в котором обсуждаются темы от тантрического секса до идолопоклонничества природы души. В основном весь труд посвящен именно размышлениям о душе, акцентируя внимание на потенциале человека к духовной эволюции и *гнозису*:

Боги знают человеческое, а люди знают божеское. А я говорю о тех людях, Асклепий, которые постигли познание и знание. Но (о) тех, кто более тщетны, чем они, нам вообще не подобает говорить что-либо существенное, ведь мы – божественны и представляем святые дела.⁴²

Гермес сообщает Асклепию, что духовный путь труден, он может привести к осмеянию и хуле на искателя, так как мир погряз в несправедности и тщете:

Тьму предпочтут свету, а смерть предпочтут жизни. Никто не будет пристально взирать на Небеса. И набожный человек будет считаться безумным, а нечестивый человек будет почитаться как мудрый. Человек, который боится, будет считаться сильным. А добрый человек наказан будет, словно преступник.

«Рассуждение о восьмерке и девятке» также представлено в форме диалога (как и большая часть «Герметического корпуса»), который в данном случае посвящен восхождению души через верхние сферы космоса. Восьмая сфера является верхней границей Огдоады, поэтому любое продвижение к девятке является признаком того, что душа практически освободилась от влияния архонтов. В тексте Гермес Трисмегист говорит своему неназванному и неверующему ученику, что сила для этого восхождения находится в каждом из нас:

«Воистину понимание принадлежит тебе. Во мне же оно, словно беременная сила. Когда я зачал от фонтана, текущего во мне, я родил».

«О мой отец, каждое слово твое мне во благо. Но меня удивляют слова, которые ты сейчас сказал: “сила, которая во мне”».

Гермес советует своему ученику предаться молитвам, так как достижение духовной зрелости – это божественный дар:

«Будь деятельным в восхвалении, ибо ты нашел, что ты ищешь».

«Что подобает делать, о мой отец? Восхвалять ли, ибо я полон в моем сердце?»

«Что подобает – это хвалы, которые ты будешь говорить Богу, чтобы можно было записать в нетленной книге».

Некоторые молитвы и инвокации Гермеса и его ученика содержат заклинания и так называемую «варварскую речь» – слова из неизвестного языка, использовавшиеся в гностических ритуалах. Они, вероятно, интонировались или даже пелись:

О милость, после этого я воздаю тебе благодарность, восхваляя тебя. Ибо я получил жизнь от тебя, когда ты дал мне мудрость. Я пою хвалу тебе, я вызываю твое имя, которое скрыто в а о ее о еее ооо иии оооооооооооо оо уууууу оо ооо ооо ооо ооо ооо ооо оо. Ты тот, кто в Духе. Я пою хвалы тебе с почтением.

Другим важным герметическим текстом является «Поймандр», где излагается дуалистическое видение разума и тела; первый связан со светом, истиной, вечным и высшим спасением, тогда как тело воспринимается как темное, обманчивое, временное и смертное. В «Поймандре» мир считается несовершенным, но, несмотря на сотворившего его Демиурга, не несет ответственности за ситуацию в нем. Люди нисходят в мир, где они должны обрести высшее вознесение, если хотят вернуться к божественному источнику. Дойдя до восьмой сферы, душа преисполняется божественности:

И тогда они (присутствующие души) по порядку поднимаются к Отцу, и доверяются Силам, и, став Силами, рождаются в Боге. Таково конечное Благо тех, кто владеет Знанием, – стать Богом.⁴³

Концепция «становления Богом» отражена также в «Евангелие от Филиппа», где гностик обозначен как «не христианин более, но Христос». В тринадцатой книге «Герметического корпуса» Гермес Трисмегист объясняет гнозис своему сыну Тату:

Тат: Усиленный Богом, отче мой, я созерцаю, но не посредством глаз, а (Скотт: ... работая умом) посредством духовной энергии, полученной мною от Сил. Я в небе, на земле, в воде, в воздухе; я в животных, в растениях, в утробе, перед зачатием, после рождения, я везде. [...] Отче мой, я вижу Все и себя самого в Уме.

Гермес: Именно в этом и состоит возрождение, сын мой.⁴⁴

Иудейский и исламский гностицизм

Некоторые гностические группы, вроде сифиан, изначально могли принадлежать к иудаизму, появившись в качестве реакции на события внутри Израиля и Палестины. Библиотека Наг-Хаммади определенно содержит тексты с существенными иудейскими элементами, например «О происхождении мира» и «Ипостась архонтов». Эти тексты, по всей видимости, наследуют иудейское мировосприятие, из которого вырос гностицизм. Вместе с распространением классического гностицизма, который мы в целом характеризуем как христианский, иудейские гностические группы, кажется, совсем исчезли. Самое вероятное объяснение этого факта заключается в том, что они переросли в христианские группы, как и само христианство, начавшееся как отдельное течение иудаизма.

Пожалуй, самым гностическим элементом внутри иудаизма после этого периода стал каббализм, который начал формироваться в двенадцатом веке в трудах таких мыслителей, как Исаак Слепой, в особенности в приписываемом ему произведении «Книге Бахир». Каббала, что значит «получение», подобна гностицизму в своем постулировании Бога, превосходящего всякое описание; Бога невозможно определить, но только познать через опыт. Более того, у Бога есть сопутствующий женский аспект, Шехина, которая напоминает гностическую Эннойю. Материальный мир считается несовершенным, но на него может в положительном ключе воздействовать каббалист, способный исцелять его. (Та же идея присуща герметизму.) Как и гностицизм, каббалистическое знание является эзотерическим, то есть, доступным только для посвященного. Его отличительной чертой стали коды и шифры, весьма напоминающие гностические геммы. В обоих случаях непосвященный увидит только случайный набор символов; и только каббалист и гностик поймут истинное значение текста. Эта магическая сторона каббализма вызывала опасения у более ортодоксальных иудеев, так как они боялись, что каббалисты приведут к росту антисемитизма и потому называли их еретиками. Гностики, точно также, прославились своей ересью, по крайней мере, в глазах Отцов Церкви.

Обвинения в ереси также пали на гностические течения внутри ислама. К ним причисляли шиитские *гулат*, что значит «ревностный приверженец» или «фанатик». Самым известным представителем этой секты был Абдуллах ибн Саба, «фигура, сопоставимая с Симоном Волхвом в истории христианского гностицизма».⁴⁵ Другие группы возникли после ибн Саба. Среди них можно назвать ассасинов, друзов и суфиев, причём, всех их вполне можно причислить к гностикам. Считается, что гностические идеи достигли Арабского мира посредством иностранцев,

принявших ислам, в особенности в первые годы мусульманской экспансии в седьмом и восьмом веках.

Один из главных текстов по исламскому гностицизму называется Умм аль-китаб, «Мать Книги» и датируется концом восьмого века. Она выполнена в форме диалога между Джабиром и его учителем Бакиром, которые обсуждают космологию и космогонию. Высокомерный правитель мира назван здесь Азазилом, чье имя, вероятно, восходит к иудейскому падшему ангелу Азazelю. Истинный Бог остается неведомым и образно обозначается как царь за занавесом. Его можно постичь только через знание и молитву:

Тот, кто знает, восстанет

И испытает сей дух как самого себя.⁴⁶

ТЕКСТЫ И ЕВАНГЕЛИЯ

Библиотека Наг-Хаммади – единственная известная обширная находка гностических документов за всю историю. Тексты, как мы уже отмечали, были распределены по 13 кодексам, а их содержание – прямой допуск к мистическому и мифическому миру гностицизма. Из 52 работ, входящих в библиотеку Наг-Хаммади, 40 произведений были ранее неизвестны. Тексты можно условно разделить на категории, например, мифы творения, литургические и ритуальные тексты, рассуждения на различные гностические темы, такие, как природа души и Божественная Женственность, высказывания Иисуса, жизнеописания апостолов, в также небольшое собрание герметических текстов и отрывок из «Государства» Платона. Изначально в этой коллекции были и другие работы, которые не сохранились или оказались настолько фрагментарными, что не поддаются прочтению. В контексте нашего исследования мы не можем рассмотреть все источники из библиотеки Наг-Хаммади, но остановимся только на самых важных текстах.

Апокриф Иоанна

Апокриф, или Тайная Книга, Иоанна, содержит самые подробные гностические мифы из дошедших до нас. Считается, что она основана на более раннем иудейском тексте, который христианизовали добавлением фигуры Иисуса. В данном случае он

представлен в виде Разоблачителя и передает мистерии творения апостолу Иоанну, рассказчику. Тайная Книга часто копировалась и принадлежит к сифианской школе гностицизма; предполагают, что она даже считалась продолжением Евангелия от Иоанна. Главные темы этого текста – источник зла, способы избавления от него и возвращения в Плерому.

Текст начинается с Иоанна в Храме Иерусалима, через некоторое время после Распятия. Появляется фарисей и высмеивает его, утверждая, что его учитель (Иисус) наполнил его уши ложью, «запер ваши сердца, и повернул вас от предания ваших отцов». Опечаленный, Иоанн убегает на гору для размышлений, когда внезапно открываются небеса и перед ним предстает Иисус в виде ребенка, старика и, наконец, юноши. Он утешает Иоанна с такими словами: «Я тот, кто с вами все время. Я – отец, я – мать, я – сын. Я незапятнанный и неоскверненный».

Иисус начинает пересказывать историю творения, начиная с описания истинного Бога, «кто в свете чистом, тот, кого никакой свет глаза не может узреть».

Он безграничен, ибо нет никого перед ним,
чтобы ограничить его.

Он непостижим, ибо нет никого перед ним,
кто постиг бы его.

Он неизмерим, ибо не было никого перед ним,
чтобы измерить его.

Он невидим, ибо никто не видит его.

Он вечен, он существует вечно.

Он невыразим, ибо никто не может охватить его,
чтобы выразить его.

Он неназываем, ибо нет никого перед ним,
чтобы назвать его.

[...]

Единый суть обитель, дающая обитель, жизнь, дающая жизнь, блаженство, дающее блаженство, знание, дающее знание, добро, дающее добро. Милость, дающая милость и спасение, благодать, дающая благодать.

Истинный Бог, устремив желание на свое собственное отражение, эманурует Барбело. Нам перечисляют следующие ее атрибуты: «ее свет светит как свет отца; она, совершенная, это образ незримого и девственного Духа совершенного... совершенная слава среди эонов, слава откровения». Затем у Барбело рождается Христос, после чего следуют эманации эонов и появление первого человека, Пигерадамана. Это имя, вероятно, означает «Адам-чужак», что может указывать на его чуждость материальному миру материи, так как его истинный дом находится в вечной обители света. Падение происходит в тот момент, когда София в незнании и без участия своего сотоварища замысливает иное существо. София производит Иалдабаофа, «было это неподобным образом его матери, ибо было это другой формы», и он имел вид «змея с мордой льва. Его глаза были подобны сверкающим огням молний».

Иалдабаоф, полагая себя единственным богом, забрал у матери значительную часть силы и произвел из собственного невежества первых архонтов, правящих каждой из небесных сфер. Очевидно, что творения Демиурга оказались несовершенными:

И когда свет смешался с тьмой, он побудил тьму светить. А когда тьма смешалась со светом, она затемнила свет и стала ни светом, ни тьмой, но мутностью.

София, почувствовав слабость после того, как Иалдабаоф похитил часть ее света, раскаивается «в обильных слезах». Суще-

ства из Плеромы слышат ее и предлагают ей вознести хвалу Великому Девственному Духу, который принимает ее извинения. София должна остаться в девятой сфере «пока не исправит своего изъяна».

«И глас низошел с неба — эона возвышенного: “Человек существует, и сын Человека”». Однако Демиург полагает, что это слова его матери. Он не осознает, что с ним говорит истинный Бог, потому тот предстает перед горделивым Богом-творцом в человеческой форме.

Вдохновленный этой божественной встречей, Иалдабаоф и группа архонтов создают душу Адама. Еще большее количество архонтов участвует в создании его тела, причем, каждый из них получает отдельное задание, начиная с Этерафаопе, который делает голову, и заканчивая Миамаи и ногтями на ступне. Следующая группа архонтов трудится над оживлением Адама, отвечая, точно так же, за каждую отдельную часть тела, но всех их усилия оказываются напрасными.

Отряд эонов, низошедший для восстановления света Софии, советует Иалдабаофу самому вдохнуть жизнь в Адама. Он следует совету, не понимая, что вдыхает в Адама свет. Получив некоторое количество силы Софии, Адам сразу же оживает. Иалдабаоф и архонты преисполняются зависти, так как понимают, что Адам превосходит в мудрости любого из них. Они бросают Адама «в нижнюю часть всего вещества».

Ева присоединяется к Адаму в Эдемском саду; Иисус, в виде орла, уговаривает их отведать плод от дерева жизни. Иалдабаоф завидует Еве, получившей *гнозис*, и потому насилует ее. В результате рождаются Каин и Авель. Только третий ребенок Евы, Сиф, рождается от Адама.

Далее Христос разговаривает с Иоанном о человеческой судьбе, уделе верующих (гностиков) и тех, кто «познал, но отвернулся». Апокриф заканчивается гимном Иисуса, в котором он на-

зывает себя «светом, который в свете» и пробуждением для всякого спящего глубоким сном.

Другие тексты из Наг-Хаммади содержат несколько иные версии гностической космологии и космогонии, среди них «Ипостась архонтов», «О происхождении мира», «Апокалипсис Адама» и «Парафраз Сима». К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть их сейчас.

Евангелие Истины

«Евангелие Истины» – это евангелие последователей Валентина, которое некоторые называют его собственным сочинением. Этот текст упоминается у Иринея, приблизительно в середине второго века, что в целом позволяет предположить такое авторство. Обычно его воспринимают как одно из главных сокровищ всего свода Наг-Хаммади. В отличие от канонических евангелий, рассказывающих о жизни и миссии Иисуса, «Евангелие Истины» является типичным гностическим текстом, где сюжет отсутствует. Это евангелие – по своей сути, поэтическая экзегеза, в которой Иисус, как «тихий проводник», пришел раскрыть тайны своего сокрытого отца, незнание о котором может привести только к ужасу и страху. Иисус порицает других писателей и учителей, так как они показали свою глупость, пытаясь понять мир через анализ его законов. Только знание может привести к спасению, а не следование букве закона. Распятие Иисуса оказывается ценой за благую весть о гнозисе для «пустых земель страха».

В известном отрывке из «Евангелия Истины» невежество приравнивается к ночному кошмару:

И из-за них случалось множество иллюзий, и много пустых иллюзий, словно бы они были погружены в сон

и нашли бы себя в тревожных снах. Или есть Место, к которому бежали они, или, лишённые Силы, не могли уйти от погони за ними, или вовлекались они в нанесение ударов, или их самих били, или падали из Вышних Мест, или они возносились в Воздух, хотя у них даже нет крыльев. Порой словно бы их убивали люди, хотя не было никого даже преследующего их, или словно бы они сами убивали своих соседей, и пачкались их кровью. Когда же просыпаются идущие так, те, кто испытывали все эти заблуждения – они не видят ничего, ибо их сны были ничем.

Пробуждение, получение гнозиса, как утверждает этот текст, единственное помогает проснуться из кошмара материального существования.

Евангелие от Фомы

Пожалуй, «Евангелие от Фомы» — один из самых известных текстов из Наг-Хаммади, так как отрывки из него были обнаружены в Оксиринхе еще в 1897 году вместе с другими греческими текстами, тогда как остальная часть обнаружилась только спустя шесть лет. Однако, до обнаружения полного текста в Наг-Хаммади (как и в случае с остальными кодексами оттуда, в коптском переводе) ученые не осознавали ценности документа, попавшего в их руки.

«Евангелие от Фомы» обладает целым рядом значимых аспектов. Хотя коптская версия из Наг-Хаммади датируется только четвертым веком, изначальный греческий текст может относиться к первой половине второго столетия. Жиль Киспель, датируя этот текст, называет 140 год, но также существует предположение, что

такова дата записи значительно более ранних высказываний. В самом деле, «Евангелие от Фомы» в его самой первой, устной, форме могло бы возникнуть в 50–100 годы, что помещает его в один ряд с каноническими евангелиями, если не раньше. Если этот труд в действительности такой ранний, что подтверждают свидетельства и научные изыскания, то «Евангелие от Фомы» предстоит самому понятию «ереси»; некоторые считают, что в него могли войти те изречения Иисуса, которые не записали авторы канонических текстов. Сам по себе этот факт позволяет воспринимать гностицизм как существенную заявку (если это потребуется) на духовную – и христианскую – традицию времен апостолов. Именно к такой аргументации прибегает Римская католическая церковь, когда доказывает свое наследие; «Евангелие от Фомы», изящный и выразительный поэтический документ, говорит об обратном.

Это евангелие отличается от канона в том, что не описывает страсти и миссию Иисуса. Как мы уже видели, оно обозначает себя как «тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома». Согласно сирийской традиции Иуда Фома был близнецом Иисуса, хотя до конца не понятно, идет ли речь о настоящем «близнеце» по крови, или здесь используется метафоры для обозначения духовного развития Фомы.⁴⁷ Называя себя «тайным», «Евангелие от Фомы» высоко поднимает свой гностический стяг: перед нами, говорит оно, находится *истинное* учение Иисуса, в самом деле «имеющий уши да услышит». Оно состоит из 118 изречений, приписанных Иисусу, которые в изначальном тексте из Наг-Хаммади не пронумерованы; нумерацию позднее для удобства добавили исследователи.

«Евангелие от Фомы», по всей видимости, не имеет структуры; высказывания принадлежат к различным типам, от поговорок и притч до этики и эсхатологии. Иисус показан не как чудотворец, целитель или воскреситель мертвых, но в качестве духовного учителя:

Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем.

Здесь и в других местах «Евангелия от Фомы» акцент перемещен на личную природу духовной жизни: сам ученик должен пройти по духовному пути, а не Иисус. Изречение 74 особенно подчеркивает этот момент:

Иисус сказал: «Если вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасёт вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас».

Не Распятие на Кресте – о котором «Евангелие от Фомы» вообще не упоминает – спасет человека, но его регулярная духовная практика и наблюдение за определенными основными принципами, вроде тех, которые указаны в Изречении 6:

Ученики его спросили его; они сказали ему: «Хочешь ли ты, чтобы мы постились, и как нам молиться, давать милостыню и воздерживаться в пище?». Иисус сказал: «Не лгите и то, что вы ненавидите, не делайте этого. Ибо всё открыто перед небом. Ибо нет ничего тайного, что не будет явным, и нет ничего сокровенного, что останется нераскрытым».

Несмотря на общее впечатление от Иисуса в «Евангелии от Фомы» как от дзен-буддиста, в нем содержится множество параллелей с четырьмя каноническими евангелиями.⁴⁸ Например, Изречение 5 утверждает, что «нет ничего тайного, что не будет явным». Этому вторит Евангелие от Марка, 4:22: «Нет ничего

тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу». Или Изречение 38: «То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника (и) не ставит его под сосуд, и никто не ставит его в тайное место, но ставит его на подставку для светильника, чтобы все, кто входит и выходит, видели его свет». Оно весьма близко по смыслу с Синоптическими Евангелиями.⁴⁹ Притча о потерянной овце в Изречении 111 в несколько измененном виде встречается в Матфее (18:12–14) и Луке (15:4–7).

Несмотря на эти и другие совпадения с каноническими текстами, текст от Фомы обладает аскетическим и гностическим качествами, присущими только ему. Иисус советует своим ученикам быть «прохожими» (№ 47) и не вовлекаться в мир тех, кто не способен услышать *гнозис*, и тех, кто занят провозглашением своей собственной значимости: «Он сказал: Господи, многие вокруг источника, но никого нет в источнике» (№ 78). Эти узколобые люди, приверженцы религиозной догмы, гилики, не видят реальность как она есть, как следует из Изречения 117:

Ученики его сказали ему: «В какой день царствие приходит?». (Иисус сказал): «Оно не приходит, когда ожидают. Не скажут: “Вот, здесь!” – или: “Вот, там!” – Но царствие Отца распространяется по земле, и люди не видят его».

Трактат о воскресении

Идея о том, что люди не способны увидеть или услышать истину, встречается во всей гностической литературе, равно как и концепция того, что многие неправильно читают писание и не понимают его настоящего смысла. Гностики ощущали, что способ-

ны видеть реальность, откуда возникла гностическая склонность к толкованию как своих собственных, так и канонических текстов, таким образом, который наверняка вызывал возмущение у апологетов вроде Иринея. К примеру, гностики считали, что святой Павел принадлежал к их числу, исходя из описания его обращения во время встречи с Христом на дороге в Дамаск. Павел пишет, что его «осиял великий свет с неба», но он не мог сказать «в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю, Бог знает». Во время этого опыта Павел «слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».⁵⁰

Гностический взгляд на воскресение, как можно было предположить, существенно отличается от ортодоксальной позиции. Никейский Символ Веры утверждает, что верует в Иисуса «распятого за нас при Понтии Пилате, и страдавшего и погребённого, и воскресшего в третий день». Это воскресение было телесным, и однажды ожидает всякого, так как в Символе Веры сказано, что «ожидаю воскресения мёртвых». Гностический текст, известный под названием «Трактат о воскресении», однако, воспринимает Воскрешение как нечто вовсе не физическое, «переход в новое». Учитывая толкование Павла из Послания к Коринфянам 15, написанного для определения единственно верного подхода к воскресению, можно предположить, что этот текст из Наг-Хаммади также обращен к гностику, который не знает, во что верить. Анонимный автор рассказывает своему слушателю, человеку по имени Регин, что воскресение является необходимым опытом для гностика, однако в данном случае именно после смерти обыденного сознания начинается жизнь в *гнозисе*:

Что же такое есть воскресение? Это истина, которая пребывает нерушимой. Это открытие того, что есть, и преобразование вещей, и переход в новое.

Евангелие от Филиппа

«Евангелие от Филиппа», один из самых необычных текстов Наг-Хаммади, продолжает тему воскрешения, советуя духовному искателю «пока мы в этом мире, нам следует приобрести себе воскресение». Филипп довольно четко проговаривает суть воскрешения:

Те, кто говорит, что Господь умер изначально и он воскрес, заблуждаются, ибо он воскрес изначально и он умер. Если некто не достиг воскресения вначале, он не умрет.

Эта идея снова повторяется далее в тексте евангелия, еще более явно указывая на то, что воскрешение происходит до смерти, а не после:

Те, кто говорит, что умрут сначала и воскреснут, — заблуждаются. Если не получают сначала воскресения, будучи еще живыми, то, когда умирают, не получают ничего.

Представление о воскрешении плоти не воспринимается всерьез и аргументируется цитатой из Павла о воскресении тела в Послании к Коринфянам 15:

Есть некоторые, кто боится воскреснуть обнаженными. Это потому, что они чают воскреснуть во плоти, и они не знают, что те, кто носит плоть, — те обнаженные. Те, кто совлечёт с себя одежды [т.е. достигнет

гнозиса] – те не обнажены. Ни плоть, ни кровь не могут наследовать царствие Божие.

Как и у Фомы, в «Евангелие от Филиппа» состоит из собрания изречений и притч с некоторыми элементами сюжета. Если в «Евангелии от Фомы» мы иногда замечаем схожесть с дзен-буддизмом, то «Евангелие от Филиппа» отчасти напоминает поэтическую загадочность даосского мудреца Чжуан-цзы:

Господь вошел в красильню Левия. Он взял семьдесят две краски, он бросил их в чан. Он вынул их все белыми и сказал: Подобно этому, воистину Сын человека пришел как красильщик.

Еще в большей степени это подобие с восточной философией усиливается при описании мира как иллюзии, где мы переходим от реального к нереальному. Контраст между материальным планом и Плеромой описывается в ряде изречений. Вероятно, самым красивым из них является следующее:

Те, кто сеет зимой, собирают урожай летом.
Зима – это мир, лето – это другой эон.
Будем сеять в мире, чтобы собрать урожай летом.

Для того, чтобы уйти от зимы этого мира к бесконечному лету истинного мира, следует получить освобождающий *гнозис* Иисуса, а также соблюдать таинства крещения, помазания, евхаристии, выкупа и брачного чертога. Это последнее таинство, как мы уже отмечали, считалось апогеем гностического опыта, и «Евангелие от Филиппа» упоминает его несколько раз. Христос, согласно Филиппу, был послан, чтобы залечить первозданный зазор между Адамом и Евой:

Когда Ева была в Адаме, не было смерти.
После того, как она отделилась от него,
появилась смерть.
Если она снова войдет в него и он ее примет,
смерти больше не будет.

По-видимому, здесь говорится о том, что такие понятия как «мужчина» и «женщина» следует отбросить для получения гнозиса; существует только воспринимающее сознание, изголодавшееся по истине, и физическое тело для этого сознания полностью нематериально. (Похожая идея выражена и в «Евангелии от Фомы».)

Следует отметить, что «Евангелие от Филиппа» наполнено выразительными поэтическими образами, иногда ошеломляющего свойства:

Бог – пожиратель людей.

Действительно, Иисус пришел, распяв на кресте мир.

Подобным образом в мире люди создают богов и почитают свои создания. Следовало бы богам почитать людей, как существует истина.

Иисус овладел ими всеми тайно. Ибо он не открылся таким, каким он был [...] он открылся великим как великий, от открылся малым – как малый, он открылся ангелам – как ангел, и людям – как человек.

Эти поразительные фразы выявляют любовь гностиков к поэзии и метафоре. Конечно же, Бог в буквальном смысле не пожирает людей. Однако, после получения гнозиса, человек действительно оказывается всесторонне окружен Богом, который не бу-

дет милостив к нему после его пробуждения. Иисус показывается всем в различной форме, потому что разные существа обладают различными способностями к постижению; по этой причине, для некоторых людей он предстает как ребенок, для других как полностью взрослый учитель. Кроме того, Филипп рассказывает нам, что Иосиф сам сделал крест для распятия своего сына, и Иисус, до того, как телесно ушел из этого мира, посмеялся над этим.

Однако, не вся образность «Евангелия от Филиппа» является шокирующей. Некоторая поэзия его строк поистине прекрасна:

Осел, ходя вокруг жернова, сделал сто миль, шагая.
Когда его отвязали, он находился все на том же месте.
Есть люди, которые много ходят и никуда не продвигаются.
Когда вечер настал для них, они не увидели ни города,
ни села, ни творения, ни природы, ни силы, ни ангела.
Напрасно несчастные трудились.

Есть вода в воде,
есть огонь в помазании.

И все же самыми неоднозначными в «Евангелии от Филиппа» остаются те места, где обсуждается природа Христа, а также наиболее болезненные темы для ранней Церкви, а именно постоянный вопрос о женщинах, в особенности об одной из них:

Трое шли с Господом все время. Мария, его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли его спутницей. Ибо Мария – его сестра, и его мать, и его спутница.

И спутница Сына – это Мария Магдалина. Господь любил Марию более всех учеников, и он часто лобзал

ее уста. Остальные ученики, видя его любящим Марию, сказали ему: «Почему ты любишь ее более всех нас?». Спаситель ответил им, он сказал им: «Почему не люблю я вас, как ее?».

Евангелие от Марии

«Евангелие от Марии» сохранилось не полностью. Его обнаружили в городе Ахмим в Верхнем Египте в 1896 году. Найденный кодекс также содержал «Апокриф от Иоанна», «Софию Иисуса Христа» и сокращенную версию «Деяний Петра» и впоследствии был перемещен в Берлин, где получил название «Берлинского кодекса». «Евангелие от Марии» состоит из двух различных частей (вполне вероятно, что изначально оно представляло собой два отдельных текста), где первая часть передает учение воскресшего Христа о природе греха. Он говорит своим ученикам, что грех не является этической проблемой, но имеет космологическую причину: грех появился в результате неправильного смешения духовного и материального. Затем он наставляет их заниматься распространением евангелия, напоминая о том, чтобы они не отвлекались на ложных учителей и передавали только уже обретенный *гнозис*: «Ибо Сын человека внутри вас. Следуйте за ним!». В типично гностической манере, Иисус также советует «не давайте закона как законодатель, дабы вы не были схвачены им». После проповеди он оставляет растерянных и расстроенных учеников, которые осознают всю опасность своего подвижничества: «Если они не пощадили его, разве они пощадят нас?».

С этого места начинается вторая часть евангелия, где Мария изображена как женщина, которую Иисус любил более других и потому передал ей тайное знание. Она ободряет учеников, по-видимому, становится лидером группы и напоминает о том, что «он

приготовил нас и сделал нас людьми», и тем самым «обратила их сердца ко благу». Петр просит Марию рассказать ему «слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали», явно подразумевая, что только Мария получила это особое учение.

После чего Мария рассказывает о видении про Иисуса, где тот благословляет ее и говорит: «Ибо где ум, там сокровище». Эти слова сообщают гностический смысл строке из Евангелия от Матфея 6:21 («ибо где сокровище ваше, там и будет сердце ваше»). После пробела из нескольких утраченных страниц, текст снова продолжается, по всей видимости, пересказом дальнейшей фазы видения Марии, в которой душа возносится, стряхнув с себя одежды тела и земного существования:

Душа ответила и сказала: «Что связывает меня, убийто; что опутывает меня, уничтожено; вождение мое пришло к концу, и незнание умерло. В мире я была разрешена иным миром и в образе образом свыше. Узы забвения временны. Отныне я достигну покоя – во времени, вечности, зоне, в молчании».

Как только Мария заканчивает пересказ своего видения, ученики начинают спорить между собой. Андрей и Петр, в частности, не могут поверить в то, что видение Марии связано с учением Христа, их шовинизм выражается в явной форме:

Петр ответил и сказал по поводу этих самых вещей. Он спросил их о Спасителе: «Разве говорил он с женщиной втайне от нас, неоткрыто? Должны мы обратиться и все слушать ее? Предпочел он ее более нас?».

Левий – единственный из учеников, встающий на защиту Марии, говорит, что, если Иисус избрал Марию, то Петр не вправе противостоять ей. Спор затихает, и ученики уходят проповедовать, хотя, как отметила Карен Л. Кинг, «читатель может задуматься над тем, какую благую весть могут передать такие горделивые и невежественные мужчины».⁵¹ Как показывает «Евангелие от Марии», только Мария (и, возможно, Левий) понимали учение Иисуса. Также этот текст «подтверждает, что ее превосходство над другими учениками основывается на высшем духовном понимании ... “Евангелие от Марии” однозначно заявляет о главенстве духовно развитой женщины».

Гностическая женственность

«Евангелие от Марии» не является единственным гностическим текстом, где восхваляется положение и мудрость женщин внутри гностического сообщества. Несколько трактатов из Наг-Хаммади озвучивают женскую позицию или вводят протагониста-женщину. Один из самых примечательных примеров такого подхода – это текст под названием «Гром: Совершенный Ум». Рассказчиком является женщина, возможно, не сама София, но обладательница характерных черт самого младшего из эонов:

Я послана
Силой. И я пришла к тем, кто
думает обо мне. И нашли меня
среди тех, кто ищет меня.

Возможно, находящаяся под влиянием иудейской и египетской литературной мудрости, эта поэма представляет собой от-

кровение с обилием ошеломляющих утверждений, многие из которых оказываются парадоксальными:

Ибо я первая и последняя.
Я почитаемая и презираемая.
Я блудница и святая.
Я жена и дева.
Я мать и дочь. [...]
Я молчание, которое нельзя постичь,
и мысль, которой воспоминаний множество.
Я глас, который многогласен,
и слово, которое многовидно.
Я изречение моего имени.

Несмотря на статус самого загадочного текста из библиотеки Наг-Хаммади – с неизвестной датой, местом написания и авторством – эта поэма показывает читателю могущественную женщину, являясь «ранним примером полноты женской власти, без всякой условности или компромисса». ⁵² Элейн Пейджелс предположила, что работы вроде «Гром: Совершенный Ум» отражают более привилегированный статус женщины в гностицизме, чем в ортодоксальном христианстве:

Наше свидетельство, таким образом, явно указывает на корреляцию между религиозной теорией и социальной практикой. Среди таких гностических групп, как валентиниане, женщины считались равными мужчинам; некоторых называли их пророчицами; другие выполняли работу учителей, путешествующих проповедниц, целительниц, священниц и, возможно, даже папесс. ⁵³

Другой текст из Наг-Хаммади, «Толкование о душе», определяет душу как женщину («имеющая даже свое чрево») и прослеживает ее нисхождение в мир материи после отделения от ее отца в Плероме. Она попадает в женское тело, где, после ряда любовников, становится блудницей. Наконец, когда обесчестившие ее мужчины покидают ее, она становится «бедной и оставленной вдовой, не имеющей помощи». Все дети, порожденные связью с любовниками, «глухие, слепые и больные, их ум поврежден». (Такое описание нисхождения души напоминает космологию Симона Волхва, где Эннойя нисходит в материю и, в конечном итоге, становится проституткой, чью мудрость Симон обнаружил в своей мистической спутнице Елене.)

В этом месте текст отходит от повествовательной модели и цитирует слова пророков Иеремии, Осии и Иезекииля по поводу блудодействия души, после чего следует изречение из Послания к Ефесеям (6:12) святого Павла: «Ибо мы боремся не против плоти и крови человеческой, а против правителей, властей, против вселенских сил этого тёмного века и духовных сил зла в небесах».

Отец, почувствовав беспокойство души и ее желание к покаянию, поворачивает ее чрево внутрь – изначально оно направлено наружу – чтобы она обрела крещение и очищение. Отец также посылает к душе ее брата, чтобы она могла обновиться в мистерии брачного чертога. «этот брак, но когда они достигают соединения друг с другом, они становятся одной жизнью». Душа забывает о своих предыдущих партнерах и снова обретает свою природу:

Душа же двигается сама и получила от Отца божественное начало, чтобы обновиться, и чтобы быть принятой в место, в котором была сначала. Это воскресение из мертвых; это спасение из плена; это восхождение на небо; это путь к Отцу.

Затем текст призывает читателя покаяться через молитву,

не внешними устами, но внутренним духом, который выходит из глубины, вздыхать и раскаиваться о жизни, которую мы вели, исповедовать грехи, почувствовать пустое заблуждение, в котором мы находились, и пустое стремление, оплакать то, как мы находились во тьме и буре, скорбеть о себе самих, чтобы Он смиростивился к нам, ненавидеть себя такими, какими мы теперь являемся.

В обычной ситуации автор гностического текста стремится аргументировать свое высказывание любыми с помощью любых доступных источников, поэтому «Толкование о душе» заканчивается цитатами из Гомера, где Одиссей в плену на острове Калипсо желает вернуться домой, и Елена говорит об обмане Афродиты.

Что же этот текст говорит нам о «блудодействе души»? Как и большинство гностических текстов, для передачи смысла он использует аллегорию, поэзию и миф. Блудодействие души, в таком случае, можно распознать в человеке, который отвлекается на различные посулы, или в духовном искателе, который стремительно погружается в новые увлечения в своем отчаянном стремлении к освобождению и счастью. Получается, что такой человек игнорирует латентный *гнозис* внутри себя.

Пожалуй, более важным текстом, чем «Гром: Совершенный Ум», можно назвать труд «Пистис София» (в переводе «вера-мудрость»). Он считался самым важным источником, обнаруженным до библиотеки Наг-Хаммади. Британский профессор Аскью нашел его в Верхнем Египте в 1784 году. Британский музей приобрел его в 1795 году, после чего он получил название «Кодекс Аскью». ⁵⁴ (В собрании Наг-Хаммади содержится более простая и короткая версия «Пистис».)

Как и «Евангелие от Марии», «Пистис София» рассказывает о времени после воскресения и выделяет для Марии Магдалины особую роль. По версии этого текста, Иисус оставался на Земле еще 11 лет после распятия и передавал свое знание ученикам, которые считали, что за это время сильно продвинулись по пути *гнозиса*, заявляя следующее:

«Мы, блаженны мы пред всеми людьми, которые на земле, ибо Спаситель открыл это нам и мы получили Полноту и все Совершенство».

Однако, ученики ошиблись в том, что действительно получили «все Совершенство» (глава 2). Свет спускается на Иисуса и уводит его на небеса, отчего ученики «встревожились весьма, весьма» (глава 4). После своего возвращения Иисус рассказывает им, что «дошел до мест, из которых я исшел» (глава 6), и обещает, что будет «говорить с вами от начала истины до ее совершенства».

Длинное повествование Иисуса передает его путешествие «вверх и внутрь» и обретение одежд из света. Он проходит через небесные сферы, открывая существования Первой Тайны – истинного Бога – правителям сфер и подчиненным им ангелам. Когда он достигает двенадцатой сферы, он встречается «Адамаса, великого Тирана», который сопротивляется свету и, вместе со своими приспешниками, начинает воевать с ним. Иисус отнял у них треть силы, и они «ниспали вниз в Эонах и уподобились земным людям, которые мертвы и без дыхания» (глава 15).

В этот момент в рассказ Иисуса вступает Мария Магдалина. Реакция Иисуса свидетельствует о его расположении к ней:

Ответил Иисус милостивый, Он сказал Марии: «Мария, блаженна, то, что я исполню во всех тайнах тех, что принадлежит Вышине, скажи открыто, ты, которой сердце более, чем всех твоих братьев, направлено в Царствие Небес».

Мария истолковывает рассказ Иисуса, опираясь на пророчество Исаии по поводу сказанного. Затем она начинает задавать Иисусу различные вопросы; единственный ученик-мужчина, который получает дозволение говорить, это Филипп, но он занят записью слов учителя. Нам в большей степени важны не сами вопросы Марии, но тот факт, что она просит Иисуса уточнить его ответы, что подразумевает ее активное восприятие учения, в отличие от остальных учеников-мужчин (возможно, за исключением Филиппа).

Иисус продолжает свою речь, открывая ученикам, что он встретил Пистис Софию в горе и скорби, «ибо не взяли ее в тринадцатый Эон, ее место в Вышине» (глава 29). Пистис София изначально была тринадцатым эоном или сферой, но ее восхищение перед Первой Тайной – истинным Богом – привело к пренебрежению своими обязанностями. Поэтому она поддается на обман своего соперника, Дерзкого, который, вместе с другими эонами, проецирует свой свет вниз. Пистис София перепутала этот свет со светом Первой Тайны, спускается вниз и попадает в плен в мире хаоса и материи. Она встречает Иалдабаофа, который лишает ее последней силы.

Пистис София тогда начинает петь покаянные гимны:

«Ныне же; Свет истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, что свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я содеяла, лежит пред тобою.

Не дай же мне убавиться, Господи, ибо уповала я на твой Свет от начала. О, Господи, о, Свете силы, не дай мне убавиться в моем свете.

Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрывал меня.

И свет твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим истечениям Барбело».

Мария снова истолковывает историю Пистис Софии, и говорит ученикам, что они только что услышали историю, которую пророчествовали в Псалме 67. Иисус хвалит ее речи и продолжает описание второго покаяния Пистис Софии. Когда Иисус заканчивает говорить, Петр, явно раздосадованный вовлеченностью и пониманием Марии, жалуется учителю: «Господи мой, не можем мы терпеть эту женщину, отнимающую у нас место и никому из нас не дающую говорить, но говорящую много раз» (глава 36). Тогда Иисус позволяет Петру самому выразить смысл второго покаяния, тогда как Марфа говорит о третьем покаянии (всего их тринадцать). Когда Иоанн истолковывает четвертое, Филипп жалуется, что больше никто, кроме него, не ведет запись; Иисус говорит, что он еще не закончил свои речи, но также напоминает, что Фома и Матфей также должны исполнять роли писцов.

Иисус продолжает наставлять своих учеников, и каждый из них получает возможность толкования его изречений так, как понимает их. Однако, разница между Марией и Петром становится еще более заметной впоследствии. После получения возможности высказаться еще несколько раз, Мария сказала:

«Мой Господь, разум мой вмещает во все времена, что я должна буду выйти вперед в любое время и дать истолкование тех слов, которые она (Пистис София)

изрекла, но я опасаюсь Петра, ибо он грозит мне, и он ненавидит наш пол».

Иисус защищает ее право говорить, что, безусловно, является завуалированной критикой по отношению к Петру:

Всякому, кто преисполняется Духом Света, чтобы выйти вперед и дать истолкование всему тому, что я говорю, – тому никто не будет в состоянии помешать.

Пристыженный Петр замолкает, и Мария становится в оставшейся части текста главным источником вопросов и толкования слов Иисуса. Пистис София в конечном итоге позволяют вернуться в тринадцатый эон, где она исполняет песню хвалы Первой Тайне.

Вторая половина текста наполнена дальнейшими откровениями, а также этическими наставлениями, которые ученики должны передать дальше после возвращения Иисуса в свет:

Говорите им: избегайте любви мира сего, чтобы быть достойными Тайн Света и спастись от Смоляных Одежд и Огня Дракона с собачьей мордой (глава 102).

Говорите им: избегайте злости, чтобы быть достойными Тайн Света и спастись от Морей Огня Ариэля (глава 102).

После долгого перечисления всевозможных опасностей, Иисус говорит, что его ученики должны поощрять людей так: «Будьте умиротворенными, чтобы стяжать Тайны Света и идти в Вышину, в Царствие Света». Далее следует список, сочетающий в себе гностические и канонические добродетели:

Говорите им: будьте любящими... будьте мирными... служите бедным, больным и гонимым ... будьте боголюбивыми, чтобы стяжать Тайны Света и идти в Вышину, в Царствие Света.

В этих словах мы находим максимальное приближение «Пистис Софии» к ортодоксии, так как большая часть этой книги посвящена космологии и многословному описанию эонов, архонтов и мистических инвокаций. Последние части этого труда рассказывают о загробной жизни грешника и цикле перерождений, который требуется для очищения. Иисус говорит своим ученикам, чтобы те поощряли людей не откладывать духовное развитие на следующую жизнь, так как Число Совершенных Душ достигнет своего предела в любой момент. Когда это случится, ни одна душа больше не сможет вернуться в Царствие Света. Случится конец времен, «и исполнилась Тайна Первой Тайны, ради которой Всё начало быть: то есть, я есмь Тайна сия» (глава 125).

Смеющийся и танцующий Иисус

В каноническом писании и позднем христианском искусстве Иисуса изображают как Мужа Скорбей, который никогда не смеется и не улыбается. Следовательно, Церковь становилась невеселым местом, и сам смех считался практически греховным.⁵⁵ Как мы могли ожидать от гностических авторов, их восприятие Иисуса довольно сильно отличается. Евангелия Фомы и Филиппа, два самых примечательных гностических евангелия, скорее напоминают восточные философии типа буддизма и даосизма, но другие гностические тексты изображают Иисуса в более эллинистической манере. Иными словами, некоторые гностические тексты, по всей видимости, испытали на себе влияние греко-римских мистерий.

ных традиций, и, следовательно, их Иисус в большей степени соотносен с жрецом религии мистерий.

«Деяния Иоанна», греческая версия которых была обнаружена в Оксиринхе в 1890-е годы, могла быть составлена во втором веке. По некоторым версиям их составителем мог быть хроникер Левкий Харин, хотя такая атрибуция не подтверждена.⁵⁶ Левкия считают молодым учеником престарелого святого Иоанна, от которого он получил тайное учение и истории об Иисусе. «Деяния Иоанна» – это рассказ о деятельности апостола в Малой Азии через некоторое время после распятия Христа. Самый известный отрывок этого труда обычно называют «Хороводом вокруг Креста». Эта сцена описывает обряд Иоанна для толпы людей, вероятно в Эфесе, где происходит большая часть событий «Деяний Иоанна». Апостол вспоминает события ночи перед арестом Иисуса. В канонических текстах Иисус молится в Гефсиманском саду, но в «Деяниях Иоанна», он вместо этого призывает их танцевать и отвечать «Аминь» на все его хвалы Богу:

Затем он начал петь гимн и говорить:

«Слава Тебе Отче!»

Мы же, стоя вокруг Него, отвечали Ему: «Аминь!»

«Слава тебе, Слово! Слава Тебе, благодать!»

«Аминь» [...]

«Хвалим Тебя, Отец! Благодарим Тебя, Свет,
в Котором нет тьмы!»

«Аминь».

Ученики продолжают вторить Иисусу, когда он начинает танцевать и просит их повторять его действия:

«Вся вселенная участвует в танце».

«Аминь».

«Тот, кто не танцует, не знает, что творится».

«Аминь».

После этого гимн Иисуса превращается в серию парадоксов, где он убегает и остается, украшает и украшается, объединяет и объединяется. Гимн заканчивается несколькими прекрасными мистическими утверждениями:

«Я светоч для вас, кто видит меня».

«Аминь».

«Я зеркало для вас, кто получает».

«Аминь».

«Я дверь для вас, кто стучит в меня».

«Аминь».

«Я путь к вам, путники».

«Аминь».

Затем Иисус поощряет учеников понять этот танец через поиск его внутри них самих, что соотносится с изречением из «Евангелия от Филиппа» про тех, кто получил *гнозис* и «не христианин более, но Христос», а также с «Евангелием от Фомы», где Иисус изрекает:

Тот, кто напился из моих уст, станет как я.

Я также, я стану им,

и тайное откроется ему.

Подобие с мистериальными школами явно показано в следующей строке из «Деяний Фомы», где Иисус говорит ученикам, чтобы они молчали о его тайнах. Иисус объясняет, что ему предстоит пройти через тайну страдания, за счет чего его ученики по-

лучат возможность развития, станут мудрыми и научатся страданию, чтобы обрести силу не страдать более.⁵⁷

После Хоровода следует отрывок, получивший название «Откровение о Тайне Креста». Когда Иисуса распяли, ученики «разбежались в разные стороны», а Иоанн скрылся в пещере на Масличной горе. Туда к нему является Иисус и показывает световидный крест с толпой людей. Этот крест представляет собой Слово, объединяющее все вещи. Только когда люди соберутся в него, все частицы света, рассеянные в человечестве, снова соберутся вместе и вознесутся наверх. Иисус также говорит Иоанну, что он не является тем, кого распяли на Голгофе. Эта идея отражает общее гностическое представление о том, что Иисус был божеством, а не человеком. Более того, Иисус говорит, что

Ты услышишь, что я страдал, но я не страдал; что я не страдал, но все же страдал; что меня пронзили, но я не был ранен; повесили, и я не висел, что кровь лилась из меня, но она не лилась.

«Апокалипсис Петра» из библиотеки Наг-Хаммади развивает образ Христа, который не страдал во время распятия, еще дальше, изображая его как «радостного и улыбающегося» у креста. Иисус объясняет Петру, что

Тот, которого ты видишь у креста, радостного и улыбающегося, есть живой Иисус. А тот, в чьи руки и ноги они вбивают гвозди, это его плотская оболочка, которая всего лишь отражение. Они предают позору то, что является его подобием. Но взгляни на него и на меня.

Идея о распятии земного Иисуса вместо настоящего и радостного вполне могла повергнуть в шок любого из Отцов Церкви; она полностью противоречит ортодоксальному восприятию. Однако, эта диверсия не являлась намерением гностиков. Скорее, они полагали, что распятие – как и остальное подвижничество и учение Иисуса – можно понять только через парадокс, поэзию и яркую образность. Концепция улыбающегося Иисуса, пожалуй, становится более понятной именно в таком варианте. Тимоти Фрек и Питер Ганди отмечают, что мир наполнен красотой, но также страданием и смертью. Путь к свободе лежит через гнозис (который они называют «ясной жизнью»), что помогает подняться над страданием и сопереживать тем, кто их испытывает:

Когда мы живем в ясности, мы обнаруживаем свою способность к всесторонней любви и добровольному состраданию всему. Это состояние гнозиса символизирует возвышенная фигура смеющегося Иисуса.⁵⁸

Евангелие Иуды

Гностики воспринимали Змея из Эдемского сада как мудрого советчика, их Иисус смеется и танцует, поэтому вовсе не удивительно, что Иуда Искариот, наиболее отталкивающая фигура в истории западной цивилизации, у многих гностических групп, таких как каиниты, почитался как святой. «Евангелие Иуды» долгое время считалось утраченным, и основным источником информации по нему был Ириней, который так описывает каинитов:

И это, учат они, хорошо знал Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и чрез него, говорят они, разрешено все земное и небесное.

Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды.⁵⁹

Другой Отец Церкви, Епифаний Кипрский, жаловался на то, что «Евангелие Иуды» очень высоко ценит предателя Христа, как будто он «совершил благое дело для нашего спасения».⁶⁰

Однако, на пресс-конференции в 2004 году объявили, что это евангелие наконец найдено. Как и в случае с библиотекой Наг-Хаммади, где находка сопровождалась убийством, черным рынком и контрабандой из Египта, так и «Евангелие Иуды» прошло через целую сагу из сомнительных сделок, краж и академических дебатов. Оказалось, что в 1978 году в 120 милях от Каира, в пещере около деревни Магхага, был обнаружен некий кодекс (с тех пор именуемый Кодекс Тхакас). Как и в Наг-Хаммади, его нашли местные жители. Будучи неграмотными, они, тем не менее, знали, что книга написана на коптском, и они могут выгодно продать ее на антикварном рынке. Кодекс продали египетскому дилеру по имени Ханна, который безуспешно попытался найти покупателя. Что еще хуже, кодекс у него украли в 1982 году, и ему пришлось ехать в Европу, где, по его предположениям, нашелся покупатель. Наконец, кодекс был найден и предложен для продажи американским коптологам в Женеве в 1983 году. Когда они прибыли, то отметили неплохое состояние кодекса и гностическое содержание тома. Однако, запрошенная сумма – 50000 долларов – была слишком завышенной, поэтому ученые вернулись домой с пустыми руками. Ханна положил кодекс в сейфовую ячейку в Хиксвилле, Нью-Йорк, где он, по всей видимости, и оставался следующие 17 лет. Наконец, его удалось продать в 2001 году, и 24 июля предварительно кодекс идентифицировали как «Евангелие Иуды». Однако, кодекс сильно пострадал за 17 лет хранения в ячейке, поэтому потребовалась продолжительная работа, чтобы предотвратить его полное разрушение. Первый перевод появился лишь в 2006 году.

Теперь, когда это евангелие доступно повсеместно, мы можем видеть, что Ириней был прав, когда говорил о «Евангелии Иуды», где Иуда «только знал истину» гностического учения, и именно по этой причине «совершил тайну предания». Согласно этому тексту, Иуда был лучшим и самым преданным учеником Христа, единственным из 12, кто действительно понимал, кто такой Иисус:

Иуда сказал Ему: «Я знаю, Кто Ты и из какого места Ты вышел. Ты вышел из зона Барбело, бессмертного, и пославший Тебя – Тот, Чьё имя я не достоин произнести».

Текст практически полностью состоит из длинного диалога между Иисусом и Иудой, хотя все же в нем присутствует некоторая доля сюжета, так как события в нем происходят «до трёх дней, когда Он ещё не пострадал». Ученики совершают евхаристию, когда Иисус смеется над ними. Когда его спрашивают о причине, Иисус отвечает, что они в своем невежестве поклоняются Богу-творцу, а не истинному Богу. Ученики гnevаются и начинают «хулить Его в сердце своём». Затем Иуда произносит свою реплику об «эоне Барбело», и Иисус приглашает его на личное наставление о «тайнстве царства».

На следующий день Иисус снова предстает перед учениками, которые говорят, что им всем приснился храм в Иерусалиме. В этом сновидении священники собирали толпу людей у алтаря и приносили в жертву собственных жен и детей, сохраняя при этом вид ложного благочестия. Этот отрывок, по всей видимости, направлен против зарождающегося канона христианства; Иисус говорит, что никак не связан с этим поклонением. Он убеждает их с такими словами: «У каждого из вас есть своя звезда». Возможно, это отсылка к Платону, который верил, что человек, проживший

достойно свою жизнь, вернется к звезде, которая ему свойственна.⁶¹

Иуда, похоже, оказался единственным, которому этот сон не приснился. Напротив, он говорит Иисусу, что увидел в видении, что остальные ученики побивают его камнями. Иуда переживает, что находится под влиянием архонтов, но Иисус подбадривает его тем, что Иуда значительно дальше продвинется на духовном пути, чем остальные ученики. За этим следует космологический дискурс, в котором истинный Бог создает эоны и ангелов. Один из ангелов, Сакла (альтернативное имя для Иалдабаофа, в переводе «дурак»), после этого создает человечество. Иуда спрашивает Иисуса о судьбе человека, но Иисус просит его не беспокоиться, так как Сакла и остальные архонты однажды будут уничтожены «когда Сакла завершит своё время, определённое для него».

В этом месте Иуда спрашивает о судьбе крещенных, а Иисус раскрывает Иуде его истинное предназначение. Те, кто предлагают жертвы Сакле – возможно, имеются в виду те, кто следует учению ортодоксального христианства – стоят ниже Иуды, который превзойдёт «их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесёшь в жертву». Другими словами, Иисус просит Иуду предать его, чтобы освободить истинного Иисуса от смертного тела, «человека, который носит Меня в себе». Далее Иисус говорит Иуде: «Подними свои глаза, и ты увидишь облако и свет, который в нём, и звёзды, окружающие его, и звезду путеводную. Это твоя звезда». Иуда превращается в светлое облако, что обозначает обретение более высокого духовного развития, чем у других учеников.

Евангелие заканчивается, когда Иуда выполняет просьбу Христа: он передает своего учителя в руки первосвященников. Это событие происходит не в Гефсиманском саду, как в канонических евангелиях, но в некоем помещении, возможно, в комнате Тайной Вечери.⁶² Первосвященники нервничают из-за возможных

беспорядков при аресте Иисуса, так как поблизости множество его сторонников, и «Он был для них всех как пророк». Последние строки евангелия по своему стилю напоминают нарезку кадров из фильма Брессона:

И они [первосвященники] встретили Иуду,
они сказали ему:
«Что делаешь здесь ты?! Ты ученик Иисуса!»
Он же ответил согласно их желанию.
И Иуда взял деньги, он предал им Его.

Само распятие нам не показывают; как и обходят молчанием самоубийство Иуды. По-видимому, основываясь на сновидении в евангелии, другие ученики пытались забить Иуду камнями. Также мы не знаем, страдал ли он от совершенного предательства. Текст просто рассказывает, что Иуда, самый доверенный и верный ученик, выполнил последнее желание своего учителя.

Никейский Собор и Письмо Афанасия

Ко времени написания «Евангелия Иуды», вероятно, в конце второго века, границы между гностицизмом и ортодоксией пролегли еще более заметно. Процесс формирования канона был длительным и медленным, и на протяжении целых десятилетий гностицизм было сложно отличить от ортодоксальных убеждений. Гностики вроде валентиниан считали себя христианами и не могли понять, почему их верования вызывают такое негодование у клириков вроде Иринея. Какое-то время различие было настолько условным, что некоторые Отцы Церкви даже высказывали идеи, весьма близкие по духу к гностицизму. Климент Александрийский и Ориген, пожалуй, являются самыми характерными примерами.

Климент в своих сочинениях упоминает истинный и ложный гнозис, а гностик, с его точки зрения, живет в единении с Богом:

Поистине жизнь его [гностика] есть единство дела и слова, согласных с преданиями, которые идут от Господа.⁶³

Ориген подчеркивал приоритет знания над верой и полагал, что душа является предсущей, но затем упала в материю и однажды снова вернется к Богу. Такое необычное суждение вызвало большой резонанс, и Ориген в последующие годы жизни считался еретиком.

Когда христианство стало законным в Римской империи в 313 году, осталось только дождаться того момента, когда от рыцарей канона – духовные наследники Ириней, Ипполита и Тертуллиана – потребуют свести все верования религии в одно русло в качестве одного из шагов реформирования империи императора Константина. Некоторые попытки определения ортодоксии случилось бы в любом случае, так как различные течения внутри христианства расходились друг с другом в разнообразных моментах доктрины. Арианство, в частности, оказалось весьма противоречивым, так как с его позиции Бог-Отец и Христос-Сын были двумя различными сущностями, но при этом Христос подчинялся Богу.

Чтобы разобраться в этом вопросе, Константин объявил Никейский Собор, чья первая сессия проходила 20 мая 325 года. За два месяца проведения Собора более 300 Отцов Церкви обсуждали в Никее целый ряд тем, включая дату Пасхи, но главной целью стала проблема арианства. В попытке определить ортодоксальную позицию по поводу божественной природы Христа, 19 июня был записан Никейский Символ Веры, который окончательно разграничил христианское мышление от любого другого. Вера в постулаты Символа Веры стала центральной для ортодок-

сии. В него вошли следующие идеи: вера в «Бога Отца ... Творца неба и земли», в Христа «Сына Божия Единородного, Бога от Бога, ... Бога истинного от Бога истинного, рождённого, несотворённого, единосущного Отцу», «воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и ставшего Человеком; распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного, воскресшего в третий день по Писаниям». Паства Христова может находиться под попечительством исключительно «единой, Святой, Вселенской и Апостольской Церкви». Ключевой вопрос о божественности Христа и его положении как «единосущного Отцу» решался с помощью голосования. Ариане проиграли и были признаны еретиками. Церковь сообщала однозначное послание: только она была способна привести человека к спасению.

Как только возникло терминологическое единодушие, за ним вскоре последовал и канон. Патриарх Александрии, Афанасий, противник арианства, в своем праздничном послании на Пасху 367 года, первым составил список книг Нового Завета, который мы используем до сих пор. Это так называемое 39 праздничное послание осуждало еретиков и их «апокрифическими [книгами], которым они добавляют древности и дают имена святых». В результате широкое распространение получила практика сожжения книг, самым печально известным примером является поджог великой библиотеки Александрии в 391 году.⁶⁴

Копия письма Афанасия, в коптском переводе, добралась до одного из монастырей, основанных святым Пахомием рядом с Наг-Хаммади. Хотя мы не знаем, все ли книги пришли из одного монастыря, считается, что эти тексты были скопированы гностическими последователями из монастырского движения. Более того, 13 кодексов, составляющих библиотеку Наг-Хаммади, были запечатаны в сосуде и закопаны для будущих поколений у подножия скал у Джебель-аль-Тарифа приблизительно после 367 года, вероятно, в качестве непосредственного ответа на порицание всех

неканонических книг. Некоторые из текстов были скопированы прямо перед процедурой укрытия, о чем свидетельствует заключительное слово в «Евангелии египтян» о кладе в горах:

Великий Сиф писал эту книгу ... Он поместил ее на горе, названной Хараксио, чтобы в конце эпох и времён ... она появилась в мире сем, чтобы явить сей Нетленный, Святой Род Великого Спасителя, а также тех, которые в любви пребывают с Ним, и Великого, Невидимого, Вечного Духа, и его Единородного Сына, и Вечный Свет ... и Нетленную Софию ... и Всецелую Плерому вовеки веков. Аминь.⁶⁵

ВЛИЯНИЕ И НАСЛЕДИЕ

Захоронение текстов в Наг-Хаммади не обозначило конец гностицизма, так как различные гностические движения продолжали свою деятельность. Пожалуй, на этом этапе самым значимым из них стало манихейство.

Для Церкви манихейство представляло собой самую смертоносную из ересей, даже хуже, чем макрионианство. Манихейство получило широкое распространение на Западе, о чем свидетельствует тот факт, что святой Августин Иппонийский был послушником этой секты целых девять лет. Когда проповедь святого Амвросия в Медиолане побудила его примкнуть к христианству в 386 году, он написал два трактата с осуждением манихейства, «De manichaeis» и «De heresibus», которые впоследствии стали стандартными церковными руководствами по всем еретическим вопросам и часто использовались для определения потенциальных еретиков. Для Августина бывшая вера стала извращением истины Писаний, его миссионеры и священники приобрели качества обманщиков и хитрецов.

В лице Августина манихейство приобрело звучного и авторитетного оппонента, что привело к упадку учения. Уже в 372 году манихеям запретили собрания, а римский император Феодосий I (379–395 гг.) – который сделал христианство государственной религией – признал их вне закона. В пятом и шестом веках римляне пытались стереть последователей Мани с лица земли, точно такие же меры осуществляла Византийская империя. В начале сво-

его правления император Юстиниан Великий (527–565 гг.) ввел для манихеев смертную казнь, причем излюбленным методом казни для сторонников Религии Света стал костер. Преследования в правление Юстиниана были особенно эффективными, поэтому ко времени его кончины в 565 году, манихейство практически полностью исчезло на всей территории Запада. Церковь начала сжимать свою хватку.⁶⁶

Манихейство было уничтожено в Европе, но само слово осталось для иносказательного определения дуалиста, еретика или просто политического оппонента.⁶⁷ Многие манихеи были вынуждены уходить на восток, чтобы избежать преследований, в результате чего эта религия распространилась по территориям Центральной Азии, Тибета и Китая. В некоторых местностях манихейство было вне закона, например, в Китае династии Тан, когда около 843 года начались массовые гонения манихеев, но в остальных областях эта вера процветала. Уйгурская империя (условно современный северо-запад Китая), к примеру, приняла манихейство в качестве государственной религии в 764 году, какой она и оставалась до монгольского вторжения в тринадцатом столетии. В 1292 году Марко Поло встретил манихеев в провинции Фуцзянь, и именно в этом месте они просуществовали дольше всего, сопротивляясь дальнейшему преследованию до начала семнадцатого века.⁶⁸

Несмотря на успехи Церкви в уничтожении (зачастую буквально) манихейства, гностицизм снова стал угрожать Церкви в период Высокого Возрождения, когда и получил название «Великой Ереси».

Великая Ересь

Европа погрузилась в Темные века, все сохранившиеся гностические движения ушли в подполье, если не были полностью уничтожены. Наследие гностиков в этот период в основном продолжают дуалистические группы, вроде мессалиан и павликиан, которые могли повлиять на развитие самого страшного врага средневековой Церкви со времен Маркиона – на Великую Ересь богомилов и катаров. Эти группы были по своей сути одинаковыми, поэтому мы рассмотрим их как единый феномен.

Богомилы возникли из мрака Темных веков Болгарского царства в самом начале десятого века. Никто точно не знает, откуда они пришли. Первое документальное свидетельство о богомилах относится к периоду правления болгарского царя Петра (927 – 969), который был вынужден в 40-е годы дважды писать патриарху Константинопольскому Феофилакту Лакапину с просьбой о помощи против новой ереси. Феофилакт, как известно, предпочитал конюшню, а не собор, но, тем не менее, нашел время для того, чтобы объявить богомилство смесью манихейства и павликианства. Падение с лошади не позволило ему предоставить Петру необходимую помощь, поэтому новая дуалистическая вера продолжила расти с угрожающими темпами; настолько, что одному болгарскому священнику по имени Козьма пришлось осудить новую секту в «Беседе против богомилов», написанной в правление Петра (она была точно закончена к 972 году).

Козьма пишет, что эту секту основал священник по имени Богомил, однако же это имя обладает неоднозначной трактовкой, и в принципе не выглядит как настоящее имя. Некоторые считают, что оно значит «возлюбленный Бога», тогда как другие переводят его как «достойный Божьей милости» и «тот, кто молит Бога». Козьма рассказывает, что богомилы отрицают Ветхий Завет и

церковные таинства; они признают только «Отче наш». Они не почитают иконы и мощи, а крест порицают как инструмент для мучений Христа. Сама Церковь вступила в сговор с дьяволом, которого они считали не только творцом видимого мира, но также братом Иисуса. Их священники были строгими аскетами, воздерживались от мяса, вина и брака.

Как и многие другие направления гностицизма до них, богомилы принадлежали – по крайней мере, изначально – к умеренным дуалистам, а также трактовали канонические писания в своем собственном особом стиле. Они досконально изучили писания, но, к удивлению Козьмы, по-другому толковали его. К примеру, в Притче о блудном сыне (Лука 15:11–32), они воспринимали старшего брата как Христа, а младшего, блудного, сына как Сатану. Как последовательные гностики, богомилы придерживались докетизма, то есть, считали земное тело Иисуса видимостью, а значит, он не страдал на кресте, но только делал вид, что напоминает о «улыбающемся» Иисусе их записей Наг-Хаммади.

Богомилская церковь была разделена на два основных класса, Совершенных и Верующих, что напоминает манихейское разделение на Избранных и Слушателей, хотя у богомилов, по видимому, существовал также и класс Слушателей, которые были ниже Верующих. Согласно монаху Евфимию Зигабену, который писал около 1050 года, богомилский Слушатель становился Верующим через крещение, во время которого ему на голову клали евангелие. Само крещение осуществлялось не с помощью воды, которая, как любая материальная субстанция принадлежала Сатане, но возложением рук. Путь от Верующего к Совершенному был долгим и трудным, с интенсивными наставлениями, аскетическими практиками и обучением, для завершения которого требовалось не менее двух лет. Церемония посвящения в Совершенного была похожа на предыдущую стадию и носила название *consolamentum* (утешение), или *baptisma*. Для Евфимия они выгля-

дели как «полная ересь и безумие» и «нечестивая служба дьяволу и его тайнам»; однако, сами богомилы считали себя наследниками истинного, апостольского христианства. Уподобляясь Христу и Апостолам, лидеры богомилов имели по 12 учеников и жили в простоте и бедности, противостоя неискупимой порочности и ложному учению Церкви.

Затем, Евфимия обеспокоило то, что богомилы создали полностью развитую контр-церковь, и даже отправляли миссионеров для распространения слова о еретической вере. Мы не можем сказать, как, где и когда собирались богомилы, но, по всей видимости, во время отчаянных писем царя Петра, они уже были заметной группой со своим собственным учением. Повторим, что, несмотря на возможное заимствование из павликианства, манихейства или даже зороастризма, их миссионеры активно путешествовали на запад, где начали набирать новых последователей в долине Рейна, Северной Италии, Нидерландах и Франции.

На Западе эта ересь получила название катаризма, от греческого слова *katharos*, что значит «чистый».⁶⁹ Первые катары на Западе были обнаружены в Кёльне в 1143 году, где их группа позволила себя обнаружить во время спора об учении. Их привели к епископу Кельна, что позволило выявить, что катарская церковь организована в трехчастную систему Слушателей, Избранных и Верующих, что говорит о прямом влиянии богомилов и манихеев. Они следовали богомильской традиции крещения, отрицали брак и «имели большое число последователей по всему миру». Катары сказали епископу, что они «скрываются со времен мучеников вплоть до наших дней [1143]».⁷⁰ Большинство кельнских катар уговорили вернуться в Церковь, хотя двое из них не раскаялись; толпа схватила их и предала сожжению на костре.

Катары, или «Добрые Христиане», как они сами себя называли, унаследовали многие черты богомилов. Точно также, катарская вера была дуалистичной, что включало в себя убеждение о зле

материального мира, который представлялся творением самого дьявола. Истинный Бог пребывал в мир вечного света за пределами темной бездны человеческого существования. Катары и богомилы вместе полностью отрицали Церковь и все ее таинства, полагая ее церковью Сатаны. Они сами соблюдали только таинство *consolamentum*, заменявшее им крещение или, если оно совершалось у смертного одра, соборование. Обе церкви применяли только «Отче наш», в котором катары заменили выражение «хлеб насущный», на «ежедневный хлеб». Богомилы и катары единодушно отрицали большую часть Ветхого Завета – и его Бога – как сатанинское учение.⁷¹ Оба движения считали суть Церкви, как католической на Западе, так и православной на Востоке, сатанинской, и потому не видели возможности переговоров. Церковные здания – церкви, часовни и соборы – воспринимались как обычные строения; ни одна из сект не строила своих храмов, предпочитая собираться в жилых домах, в хлевах или на поле. Крест считался орудием пыток Христа, богомилы и катары отказывались ему поклоняться. Они воспринимали евхаристию в аллегорическом смысле и придерживались докетического подхода к природе Христа, его чудесам, страстям и воскресению. Катары и богомилы видели в браке только прелюбодеяние, путь, на котором душа еще больше увязала в материи через отвратительный процесс рождения. Хотя у нас нет достаточных свидетельств о присутствии женщин в богомильской церкви, катары считали их равными мужчинам, и их вера предлагала женщине полное вовлечение в веру на каждом из уровней.

Структура катарской церкви основывалась на богомильской модели. Катары разделялись на три класса: Слушатели, Верующие и Совершенные. Слушатели избирали путь частичного погружения в веру; они могли присутствовать на проповеди, но не более того. На этом этапе, для Слушателей, проводили службы, весьма близкие по духу к евангелическому христианству. Если же человек

решил стать Верующим, то он должен был пройти церемонию под названием *соппенапа*, что формально закрепляло его связь с катарской церковью. Верующие составляли большинство участников движения. Это были обычные мужчины и женщины, с обычной работой, жившие в городах и деревнях. Они не присоединялись к монашеской общине, не воздерживались от мяса, вина или секса, но активно действовали в мире материи. Их учили быть в мире, но не принадлежать ему, следовать основным заветам евангелий, любить друг друга, веровать и искать бога. Обычно, они не получали дуалистическую доктрину, которая в большинстве случаев передавалась только Совершенным. Совершенные были строгими катарами высшего класса, выполнявшими функции священничества. Катары и богомилы взаимно относились к Совершенным с наибольшим уважением: они воспринимались как воплощение Святого Духа, становясь самой живой церковью. Последователи веры считали их «живыми иконами».⁷²

Церковь, встревоженная распространением и популярностью катаризма, постаралась с ними договориться. В Лангедоке провели серию дебатов в период с 1204 по 1206 годы, когда катары были наиболее сильны. Катары остались при своем мнении. Учитывая их популярность, очевидную моральную добросовестность (этот факт Церковь была вынуждена признать, так как ее собственные священники в этой области не являлись эталоном), и политическую поддержку многих представителей знати Лангедока, Церковь осознала, что избавиться от них можно будет только с помощью крестового похода. Именно так и случилось.

Начатый в 1209 году, Альбигойский крестовый поход (названный так по городу Альби, одной из крепостей катаров) стал одним из преступлений Церкви против человечества. Даже по средневековым меркам уровень варварства, жестокости и бессердечия этой кампании шокировал не только обычных людей, но и церковных апологетов того времени, которые часто прибе-

гали к услугам неконтролируемых наемников. Но в данном случае все случилось иначе: непотребства санкционировали с самого верха, приказы приходили от папского легата в этой области, а также от психопатического лидера крестового похода, Симона де Монфора. Вырезали целые города, катарские и обычные; повсеместно проводили массовые сожжения. Небольшое затишье наступило после убийства Монфора в 1218 году во время осады Тулузы, но сложные хитросплетения лангедокской политики в итоге привлекли внимание французской короны. Местная знать не имела никаких шансов против могущественных северных армий, и крестовый поход официально закончился в 1229 году капитуляцией юга. Катары продолжали рискованное существование в своих пиренейских замках, пока в 1230-е годы не появилась Инквизиция для полного их истребления. Наконец, в марте 1244 года пала последняя крупная катарская крепость в Монсегюре; всех 225 человек из катарских Совершенных сожгли на колу. И, хотя вера продолжала подпольное существование до 1320-х годов (в Италии до 1380-х), именно 1244 год стал концом катаров как большой силы.

Можно поспорить с тем, что катары были настоящими гностиками, так как они в большей степени опирались на *consolamentum*, чем на *гнозис*. Утешение считалось ключом к спасению Верующего. Однако, стоит отметить, что именно освобождающий *гнозис* о сатанинской природе мира и его чуждости, приводил к необходимости в утешении. Это практически научное обоснование. В остальном катаризм не сильно совпадал с гностическими представлениями античности. Жестокая расправа с этим движением является напоминанием, если оно вообще нам требуется, о том, как значительно отличаются друг от друга гностицизм и организованная религия.

Гностическое Возрождение

Конец катаризма не обозначил конец гностицизма. Значительный поворотный момент в его судьбе произошел в 1452 году, когда Константинополь захватили турки. Это привело к масштабному бегству ученых и священников, многие из которых захватили с собой бесценные манускрипты, еще не известные на Западе. Среди прибывших в Европу текстов оказался «Герметический корпус», который весьма заинтересовал Козимо де Медичи. Козимо, кроме своих обязанностей папского банкира, был страстно заинтересован в новом знании, которое наводнило Европу, и он приказал знатоку Марсилио Фичино оставить его текущий проект, перевод полного собрания сочинений Платона, и заняться переводом герметических текстов.

Воздействие этих гностических трудов сложно переоценить; в местах вроде Флоренции, где уже царствовало Возрождение, они произвели практически революцию. В целом, ренессансная философия склонялась к тому, чтобы чествовать человека и мир, а не воспринимать их как темницу для духа. Человеческая природа обладала неким врожденным дуализмом, а именно, могла стать площадкой для развития божественности внутри себя через сознательный выбор, или, если человек не избирает путь развития божественной искры, то он впадает в стагнацию. «Поймандр», герметический текст, переведенный Фичино, призывает к действию:

Чего ты ждешь теперь? Ты унаследовал от меня все учение, тебе осталось только указывать дорогу людям, достойным того, чтобы при твоём посредничестве Бог спас род людской.

Этот смысл срочной потребности к человеческому обновлению, одновременно с врожденным оптимистическим прогнозом по его обретению, присущ, пожалуй, самому яркому примеру гностического влияния в этот период, а именно трактату «Речь о достоинстве человека» Пико дела Мирандолы. Пико – юный и гениальный мыслитель, Моцарт ренессансного гуманизма. Его короткая жизнь – он умер в возрасте 31 года – была полна событий: он лично был знаком с Фичино и находился под покровительством Козимо де Медичи. Его главное произведение, «900 тезисов», обращенное ко всем ученым Европы, соединило в себе гностические, христианские, аристотелевские, каббалистические и неоплатонические идеи в единое целое, став манифестом Возрождения. «Речь» была добавлена к этому труду в качестве вступительного слова. Однако, гностическая мысль прослеживается в обоих трудах:

И когда мы поднимемся на самую высокую вершину, то сопоставляя в вечности все, что было, есть и будет, и созерцая первородную красоту, мы станем прорицателями Феба, его крылатыми поклонниками, и тогда, как порывом возбужденные невыразимой любовью, подобно окружающим нас пылким серафимам, мы, полные божеством, станем теперь тем, кто нас создал.

Тот же, кто познает самого себя, все познает в себе, как писали сначала Зороастр, а затем Платон в «Алкивиаде». Когда мы наконец обретем это знание, мы в блаженстве обратимся к истинному Фебу в личной встрече ... И, восстановленный в своем здравии, Гавриил «Сила Божия», будет пребывать в нас, и вести нас через чудеса природы и показывать нам благо и мощь Бога.⁷³

Для Пико и его последователей, человек был магом, а, следовательно, потенциальным богом.

Гностицизм и магия давно ассоциировались друг с другом, еще со времен Симона Волхва, который был не только первым гностиком, но и считался магом. Его противники, которых было немало, называли его шарлатаном и «посланником дьявола»,⁷⁴ но в данном случае мы скорее сталкиваемся с неспособностью Церкви понять магию, которая все время воспринимается как «черная». По сути, магии не существует, есть только сила, которую можно использовать либо для бескорыстных, либо для эгоистичных целей (что неправильно понимают как разделение на «белую» и «черную» магию). Если Симон практиковал магию, то он, скорее всего, был близко знаком с духовной практикой – умирал архонтов и поддерживал эонов. «Магия заключается в силе», отмечает Стюарт Холройд, «и эта сила возникает из знания».⁷⁵ Поэтому любые средства к получению знания для нашего освобождения, включая магическое знание и практику, должны только приветствоваться.

Магия, и концепция человека как мага, снова вышла на поверхность в период Возрождения. Фичино, после переводов «Герметического корпуса» и Платона, писал трактаты о «натуральной» (что для современной популярной культуры значит «белой») магии, как поступали и многие другие значительные фигуры последующего столетия, такие как Корнелий Агриппа, Парацельс, Джон Ди, Джордано Бруно и Якоб Бёме. Для всех них, знание освобождало от душающих тисков Церкви и становилось ключом к спасению.

Гностическое просвещение

Так называемая Эпоха Просвещения ознаменовалась ростом интеллектуальной свободы. Хотя Бруно сожгли на костре как нераскаявшегося еретика в 1600 году, а Галилея Инквизиция вынудила отречься от собственного труда в 1633 году, в следующем веке Гиббон и Вольтер публиковали такие произведения, которые в предыдущий период неизбежно привели бы их на костер вместе с Бруно. В книге «Закат и падение Римской империи» Гиббон написал, что «гностики отличались своим предельно вежливым, знающим и состоятельным христианством», чьи верования были «темными», но «возвышенными». Переосмысление Гиббона «не стало побуждением к ереси, но, по крайней мере, несколько расшатало позицию ортодоксии».⁷⁶ Хотя Гиббон сыграл роль адвоката дьявола в своем сочувствии к гностикам, мы не можем сказать подобного о его великом современнике Вольтере.

В своей книге «Кандид» Вольтер создал сатиру на убеждение Просвещения в том, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Лирического героя преследуют неудачи, при этом Вольтер вводит единственного человека с неискаженным восприятием мира (с точки зрения Вольтера) в лице странствующего ученого Мартина, который представляется Кандиду как манихей. Кандид говорит, что манихеев в мире не осталось, на что Мартен отвечает, что не может относиться к миру иначе, объясняя это так:

— Дьявол вмешивается во все дела этого мира, — сказал Мартен, — так что, может быть, он сидит и во мне и повсюду; признаюсь вам, бросив взгляд на этот земной шар, или, вернее, на этот шарик, я пришел к выводу, что господь уступил его какому-то зловредному существу.⁷⁷

В рассказе Вольтера «Сон Платона» также ощущается его сочувствие к гностическим идеям. В повествовании говорится, что Демиург, после того как «населил бесконечные пространства бесчисленными мирами», придумал для архонтов состязание. Один, по имени Демогоргон, получил «кусочек грязи, что зовется землей», и создал из него мир как «мы его видим сейчас». Ожидая похвалы за свой шедевр, Демогоргон злится, когда остальные архонты высмеивают его творение, в частности, сотворенных людей, у которых «так много страстей и так мало мудрости». Демогоргон призывает их попробовать создать собственные миры, отчего появляются другие планеты солнечной системы. Демиург объявляет, что все эти творения несовершенны, так как ни одно из них не похоже на его работу. Он выражает надежду на то, что в будущем они смогут сделать лучше.

У Вольтера гностические идеи привлечены на службу философии Просвещения; он сам не был гностиком, но находил, что их представления действенны против христианства и политического климата его времени. Через поколение после его смерти, появились первые публикации творца, который, атакуя конвенциональное христианство, в действительности был гностиком. Мы говорим о Уильяме Блейке.

Остается загадкой, откуда Уильям Блейк воспринял свои гностические убеждения. Он жил в то время, когда гностические тексты только были обнаружены в песках Египта. Кодексы Аскью и Брюса были обнаружены в 1780-е и 90-е годы, когда Блейк уже начал издаваться. Критик Крабб Робинсон посетил Блейка. Во время дискуссии о Вордсворте, Блейк так выразил свое мировоззрение:

«Природа – это работа дьявола». Когда Робинсон указал на то, что в Книге Бытия творцом земли называют Бога, Блейк «повторил доктрину гностиков с достаточ-

ной убедительностью», так что интервьюер был вынужден замолкнуть.⁷⁸

Гностицизм Блейка выражался в форме довольно сильно недопонятой мифологической системы, которую он записал в таких произведениях, как «Первая книга Уризена», «Вала или четыре Зоа» и «Иерусалим». Большая исследовательница творчества Блейка Катлин Рейн возражала против того, чтобы считать систему Блейка исключительно результатом его собственной фантазии:

Люди полагали – и У. Б. Йейтс [который занимался редактурой поэм Блейка] создал русло для такого представления – что Блейк все придумал; что он был мистиком ... но это не так. Он был гностиком ... Перед нами гнозис. А не мистицизм. Он был гностиком и невероятно начитанным человеком.⁷⁹

Мифология Блейка, как и в других гностических системах, была чересчур сложной, чтобы останавливаться на ней подробно, однако это не мешает нам дать ее краткую гностическую характеристику. Изначально, Истинный Бог за пределами всего составлял божественную семью, в которую входили Христос и Божественный Человек (в данном случае Альбион, а не Адам). В Альбионе существует четыре аспекта, а именно Уризен (Разум), Лува (Страсть), Тармас (Чувство) и Уртон (Инстинкт). Альбион впадает в пассивное состояние, и Уризен начинает превалировать; только Уртон / Лос содержит в себе божественную природу Альбиона. Уризен, которого мы можем считать блейковским аналогом Иалдабаофа, создает материальный мир, «широкий мир твердой преграды», в котором пленяет божественный дух. Сам Уризен, однако, не является абсолютным злом, он остается в плену собствен-

ного творения, полагая, что нет ничего высшего. Люди заключены в мире вместе с его создателем.

Именно Уризен несет ответственность за репрессивные законы Церкви и государства. Он пишет «Нельзя» на дверях Часовни в Саде Любви; организованная религия для Блейка была главным проклятием, как и все другое, что не позволяет увидеть мир как он есть. Он называл подобные явления «выкованными в разуме кандалами». Противоядием для этого близорукého заточения становится развитие воображения и использование его в творчестве, что приведет к первому истинному постижению *гнозиса*. Вспомним знаменитую фразу Блейка из книги «Бракосочетание рая и ада»: «Если бы двери восприятия были чисты, все представало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным».

Уризен в итоге получает искупление и возвращается в божественную семью, такое покаяние говорит о неизбежном оптимизме Блейка, что роднит его с более обнадеживающими гностическими школами валентиниан и герметиков:

В Великой Вечности любая форма,
жертвуя собой иль излучая
Свое особое сияние,
Божественным Видением зовется.
Свет – Мантия её, се Иерусалим,
что в каждом Человеке
В Мужском иль Женском Одеяньи –
Храм и Скиния Прощенья;
И Чада Альбиона называют
Иерусалим Свободой!

Блейк воспитал в себе самое драгоценное гностическое качество, творческое воображение, чье наличие приводило к «новому евангелию каждый день», так возмущавшему Иринея; для Блейка

евангелие было «вечным», и он призывал читателя к участию в строительстве нового Иерусалима:

Тот, кто презирует и насмехается над умственным даром другого, называя его гордыней, эгоизмом и грехом, насмехается над Иисусом, подателем любого умственного дара, который во все времена кажется любящему невежество лицемеру грехом. Но таков грех только в глазах жестокого человека, но не в глазах нашего доброго Бога. Пусть каждый христианин настолько, насколько может, открыто и публично, перед всем миром, вложится в некую умственную цель для созидания Иерусалима.

Великий немецкий современник Блейка Гёте также высмеивал конвенциональное христианство и в своей великой драме «Фауст» создал глубоко гностическую картину падения и искупления души. Если в более ранних версиях истории о Фаусте, в особенности у Марлоу, герой обречен на вечное проклятие, и вся история в целом вторит христианскому статус кво, то в версии Гёте Фауст вступает на путь либертина, который мог бы вызвать зависть у последователей Карпократа (если бы они и вправду были либертинами вне риторики Отцов Церкви). В попытке привязать Фауста как можно крепче к материальному миру, дьявол Мефистофель пробуждает в герое страсть к невинной Гретхен. После череды событий, напоминающих историю нисхождения женщины в трактате «Толкование о душе» и в истории Симона Волхва и Елены/Эннотии, Гретхен беременеет и, признанная блудницей, приговаривается к смерти. Фауст предлагает ей помощь, но она отказывается от его предложения, так как за ним стоят козни Мефистофеля.

Вторая часть «Фауста» показывает героя обеспеченным мужчиной. Он забыл о своей любви к Гретхен и, когда умрет, по

всей видимости, навсегда отдаст свою душу Мефистофелю. Однако, Мефистофель не подозревал, что его плану могут помешать милые ангелы, которые появляются в самый последний момент. Напоминая 12 Ангелов Света из истории творения манихеев, они остужают похоть Мефистофеля и его чертей и спасают душу Фауста, перенося ее в обитель света. Очевидно, что это спасение происходит в результате вмешательства Гретхен, которая после казни в конце Части 1, сама достигла мира света через покаяние. Фауста спасает Божественная Женственность.

Экзистенциалисты

Элементы гностицизма также можно обнаружить в работах философов-экзистенциалистов, хотя сами они, вероятнее всего, не знали о нем. Хотя школа экзистенциалистов возникла в середине девятнадцатого века благодаря работам Серена Кьеркегора и Фридриха Ницше, ее истоки восходят к французскому философу Блезу Паскалю (1623–62).

Паскаль верил, что природа и вселенная равнодушны к судьбе человека, которого он описал запоминающимся термином «мыслящий тростник». Бог, с точки зрения Паскаля, был *deus absconditus*, не присутствующий в своем творении; вера в такое божество становилась своеобразной подстраховкой: если Бог не существует, ты ничего не потеряешь от такой позиции. Паскаль не видел в природе никаких признаков того, что в ней работает божественный порядок или организация. Кьеркегор также полагал, что Бог отсутствует и абсолютно непостижим. Между человеком и Богом лежит такая пропасть, что человек предоставлен самому себе, в том числе в поиске смысла и ценности. Ницше довёл эту идею до крайности, бросив боевой клич: «Бог мёртв!». Разворачивая эту идею, он заявил об отсутствии рационального оправда-

ния для существования некоего «внешнего», где бы могло быть божество. Этот вакуум логически привел к утрате ценностей и морали, к такой нигилистической позиции, которая завела за пределы гностических идей. Ведь в ней даже не предполагается наличие истинного Бога в возвышенных далях Плеромы, к которой однажды вернется душа верующего.

Если отношения человека с Богом стали проблематичными, то тот же процесс возник и во взаимодействии с миром. Как гностики, экзистенциалисты воспринимали мир как место отчуждения, в котором человек вынужден пребывать. Человек существует, во многом не осознавая своего потенциала, что несколько напоминает гностическое представление об иликах, не знающих о своей божественной искре. Жан-Поль Сартр, пожалуй, самый важный экзистенциалист двадцатого века, описал эти два способа как «бытие-в-себе» и «бытие-для-себя». Первое состояние присуще природе и животным, тогда как последнее является предпочтительным состоянием человека. Люди либо не осознают своего потенциала, либо теряют контроль над собственной жизнью и, по существу, растрачивают себя на вегетативное состояние. Эта идея выражена в великом произведении Сартра «Тошнота» 1938 года, где протагонист, Рокантен, проходит через кризис в морском французском городке, что приводит к осознанию того, что для полноценной жизни ему следует принять способ жизни «бытия-для-себя».

Хотя, как мы уже отмечали, ни один экзистенциалист не отмечал гностического наследия, такой соблазнительный вывод напрашивается сам собой вследствие значительного совпадения между позициями двух школ. Немецкий историк и философ Освальд Шпенглер отмечал подобие ранних веков нашей эры и двадцатого века, полагая, что обе цивилизации находились на одинаковых этапах своего жизненного цикла. Это подразумевает, что мы можем обладать большими связями с классическим гностицизмом,

чем может показаться на первый взгляд, а также быть причиной того, почему гностическое мировоззрение привлекает всё больше сторонников в наши дни.

Несмотря на эти соответствия, однако, существуют явные различия между гностицизмом и экзистенциализмом. В качестве самых существенных стоит отметить отсутствие у экзистенциалистов истинного Бога за пределами этого мира, или Плеромы, или Света. Как отмечает гностический учёный и епископ Стефан Хёллер: «Человечество модерна и постмодерна безнадежно лишено искупления, тогда как гностик наполнен надеждой на спасение».

Оккультное возрождение

Если связи между гностицизмом и экзистенциализмом остаются сложными и неоднозначными (в основном, из-за атеизма последних), то стоит поговорить об одном движении, которое не только сознательно опиралось на экзистенциализм, но и также обладало истинным соперничеством его идеям: я говорю о великом оккультном возрождении девятнадцатого века. На переднем фронте этого процесса расположилась влиятельная фигура Мадам Блаватской (1831–1891), основательницы Теософии и открытой сторонницы гностического подхода.

Урожденная Елена Петровна Ган из русской знатной семьи, она провела свои ранние годы в различных путешествиях, в том числе умудрилась провести несколько лет в обществе буддистских лам Тибета в 1850-е годы. Считалось, что она обладает психическими силами, потому вокруг нее довольно быстро возник круг сторонников, которые постоянно свидетельствовали, как ЕПБ – как ее называли близкие – материализует утраченные предметы или левитирует. Среди ее самых важных книг следует назвать «Разоблаченную Исиду» и «Тайную доктрину». Несмотря на изоби-

лие книг и раскольнических подвижников вокруг нее, Блаватская всю свою жизнь полагала, что сострадание суть «закон законов».

Хотя теософия не являлась сознательной попыткой воссоздания гностицизма, в ней присутствовала толика гностического восприятия, а собственный интерес к гностицизму у самой Блаватской привел к написанию 300 страниц на эту тему. Стремясь соединить индуистское и буддистское учение с западным эзотеризмом, наукой и спиритуализмом, теософия также использует такие восточные концепции как перерождение и карма, и заимствует большую часть своей терминологии из санскрита. Карл Юнг, родившийся в год основания Теософского общества (1875) однажды сказал, что теософия – это «гностицизм в индуистском платье».⁸⁰

В самом деле, Мадам Блаватская обладала практически непревзойденным пониманием гностицизма, что еще более удивительно, учитывая тот факт, что она, как и все остальные до 1945 г., имела в своем распоряжении только несколько текстов и предвзятые сочинения Отцов Церкви. Она верила, что вселенную создали низшие духовные существа и воспринимала Иегову из Ветхого Завета как Сатану. Ее оптимизм отличал ее от более аскетичных гностиков, ставя в один ряд с последователями Валентина и герметиками, но, тем не менее, она в целом соглашалась с большинством гностических представлений. Примечательно, что она предсказала переоценку роли Иуды Искарота, по-видимому, осознавая неизбежность обнаружения «Евангелия Иуды», которое случилось практически через столетие после ее смерти.

Влияние Блаватской на мир альтернативной духовности девятнадцатого века было настолько масштабным, что казалось, будто она знакома со всеми. Ее последний секретарь, Д. Р. С. Мид, стал приверженцем гностицизма и перевел все доступные писания того времени, а также написал влиятельную книгу «Фрагменты забытой веры» (1900). К другим знаменитостям, попавшим

под влияние Блаватской, можно причислить У.Б. Йейтса, Блейка, временного члена гностического Ордена Золотой Зари, Алистера Кроули, Дион Форчун, а также гностического идеолога Самаэля Ауна Веора.

Гностический Юнг

Если бы мы стали выбирать самого важного наследника Мадм Блаватской, по крайней мере, по духу, то, пожалуй, им оказался бы великий швейцарский психолог Карл Густав Юнг. Заинтересованный в религиозных вопросах с раннего детства, Юнг развил в себе тягу к гностицизму уже в 1912 году, когда написал Фрейду о своем убеждении, что концепция гностической Софии вскоре снова войдет в западное сознание через посредничество психоанализа. Фрейд не разделял энтузиазма Юнга, и их пути вскоре разошлись. Через четыре года после этого письма Фрейду, Юнг столкнулся с личным кризисом, который полностью поменял его жизнь. Такой опыт является по своей сути гностическим.

В 1916 году жизнь Юнга встала на паузу; он испытывал депрессию и фрустрацию. В это время его дом наполняла подавляющая атмосфера – которую ощущала как семья, так и гости – и даже происходили феномены полтергейста. Не выдержав, Юнг воскликнул: «Ради Бога, что же это творится?» Он весьма удивился, когда получил незамедлительный ответ в исполнении хора голосов: «Мы вернулись из Иерусалима, где мы не нашли того, что искали». Юнг сразу же засел за работу и за три вечера закончил труд под названием «Семь проповедей мёртвым». Этот текст был сочинен в форме белого стиха, и Юнг атрибутировал его Василиду. Текст утверждает, что был записан в Александрии, «городе, где встречаются восток и запад», городе *гнозиса*, анти-Иерусалиме и анти-Риме.

Позднее Юнг назовёт эту работу «юношеской неосмотрительностью»,⁸¹ отказываясь публиковать её при жизни, за исключением нескольких копий, которые он раздал друзьям. Он, вероятно, прекрасно осознавал, что эта работа может вызвать враждебность, что действительно однажды произошло, когда одна копия случайно попала в руки к теологу Мартину Буберу, который незамедлительно обвинил Юнга в ереси. Также Юнг мог помнить об участии Герберта Зильберера, который в 1914 году издал книгу о взаимоотношениях психологии и западного эзотеризма, в частности алхимии, к чему впоследствии придет и сам Юнг. Зильберер показал книгу своему учителю Фрейду, который очень негативно о ней отозвался. Зильберер впал в депрессию и полностью утратил своё положение в круге Фрейда. В 1923 году он повесился.

Несмотря на недомолвки Юнга по поводу своей работы, в частных беседах он отмечал, что «вся его творческая деятельность возникла из этих видений и снов [«Семи проповедей»], и что все его последующие достижения уже содержались в них». Юнгианская конференция 1975 года поддержала эту точку зрения, объявив «Семь проповедей» «истокom и началом» работы Юнга. Каждая из проповедей состоит в том, что мёртвые просят Василида наставить их в каком-нибудь одном вопросе, начиная с природы мира и заканчивая природой истинного Бога, церкви, общества и самого человека.

Первая проповедь начинается с того, что Василид сообщает умершим о существовании Плеромы, одновременно пустой и полной, отсутствием и наличием, которая существует в каждом. Плерома содержит те качества, которые мы воспринимаем как пары противоположностей: «полнота и пустота, живые и мёртвые, различие и тождество, свет и тьма, горячее и холодное, энергия и материя, время и пространство, добро и зло, красота и уродство, одно и множество». Так как Плерома существует внутри нас, мы также содержим в себе эти пары противоположностей. Однако,

проблема заключается в том, что «когда мы стремимся к добру и красоте, мы забываем о нашем сущностном бытии, что суть отличимость». Другими словами, когда мы устремляемся к добру и красоты, мы также восстаем против зла и уродства, так как эти противоположности взаимосвязаны между собой; мы не можем получить одно без другого. Решение состоит в том, чтобы «знать себя как существо за пределами пар противоположностей, тогда-то мы и получим спасение». Чтобы познать себя, мы должны научиться тому, чтобы противоположности могли свободно взаимодействовать друг с другом, что в итоге приведет к разрешению их противостояния, пока мы находимся на расстоянии от них. Такова суть того, что Юнг называет процессом индивидуации, ключевым понятием своей психологии.

Хотя «Семь проповедей мертвым» не были изданы до 1963 года – спустя два года после смерти Юнга – он все же открыто признавал влияние гностицизма на свою работу во время своей жизни. Он также отмечал иные соответствия между глубинной психологией и гностическими представлениями: Иалдабаоф, к примеру, мог бы обозначать «отчужденное человеческое эго», не осознающее своего истинного источника, «изначальной полноты бессознательного». Именно это непонимание уводит нас от самих себя, мешая нашему психологическому росту, эмоциональной зрелости и счастью.

Гностические темы в литературе

Интерес Юнга к гностицизму вскоре нашел отражение в литературе. Пожалуй, первым «гностическим» романом двадцатого века можно назвать «Демиана» Германа Гессе, опубликованного в 1919 году, вскоре после того, как Гессе начал проходить юнгианский курс анализа. Протагонист, Эмиль Синклер, родился в

благополучном мире, окружении, обозначенном словом *scheinwelt*, что одновременно значит «мир иллюзии» и «светлый мир». Роман рассказывает об отношениях Синклера с этим миром, зачастую в компании его таинственного школьного товарища Макса Демиана. Демиан призывает Синклера отбросить все нормы и расширить его ограниченное видение реальности, чтобы он мог вознестись к Богу, «чье имя Абраксас». Гессе позже признавал, что «Демиан» представляет собой фантазийный пересказ юнгианского процесса индивидуации. Гностические термины встречаются и в других произведениях Гессе, в частности в «Степном волке» (1928). Гарри Галлер, протагонист романа, чувствует себя потерянным в чуждом мире, где «вся жизнь человеческая просто злая ошибка, выкидыш праматери, дикий, ужасающе неудачный эксперимент природы».⁸² Противоборствуя своей собственной природе, которую он воспринимает не только как дуалистическую, но и как «хаос из возможностей и импульсов», Галлер осознает, что должен «оставить этот мир и прорваться в мир за пределами времени. Вы, конечно же, знаете, где сокрыт этот мир. Только внутри вас находится эта другая реальность».

Гессе, конечно же, не был первым писателем, который использовал гностические мотивы в своих сочинениях. Как мы уже видели, гностические идеи можно встретить у Вольтера, Блейка и Гёте. Все трое сознательно обращались к гностическим темам, как и некоторые другие, более поздние авторы.⁸³ Возможно, самым значительным из них являлся Герман Мелвилл, чей шедевр «Моби Дик», по собственным словам автора, представляет собой «хитрую книгу» и «книгу тайн». Хотя формально Мелвилл принадлежал к Унитарианской церкви, он, по-видимому, был тайным гностиком. «Моби Дик» приправлен библейскими отсылками, включая цитату из Книги Бытия в самом начале «И сотворил Бог рыб больших», что связывает божество с объектом одержимости

капитана Ахава. Именно против этого божества он все время восстает:

Ты не знаешь, каким образом ты явился на свет, и потому зовешь себя нерожденным; ты даже не подозреваешь, где твои начала, и потому думаешь, что у тебя нет начал. Я знаю о себе то, чего ты о себе не знаешь, о, всемогущий. За тобою стоит нечто бесцветное, о, ясный дух, и для него вся твоя вечность – это лишь время, и вся твоя творческая сила механистична.⁸⁴

Эти слова можно было бы посчитать богохульством, если бы не туманные очертания, которые «смутно различают» опаленные глаза Ахава сквозь него. Задача Ахава приобретает черты сознательного восстания против Демиурга и всего его творения. Конец романа также обладает отчетливо гностическим звучанием: Измаил, единственный выживший с корабля «Пекод» (это слово значит «сирота») спасается, схватившись за буй посередине океана, что можно воспринимать как метафору гностика-искателя, возможно, самого Мелвилла, сироты из мира света, дрейфующего в материальном и жестоком творении.

Гностические темы также появляются в работах Франца Кафки. Хотя он родился в еврейской семье, Кафку скорее можно считать атеистом, чьи симпатии к религиозным идеям, как полагают, «были морально и экзистенциально оправданы».⁸⁵ На своих книжных полках он держал тома по гностицизму и принадлежал к группе «новых маркионитов», которые доминировали на литературной сцене того времени. Кафка, по-видимому, подозревавший о иудейских корнях гностицизма, также интересовался теми течениями иудаизма, которые существовали в эпоху гностического расцвета. В его мышлении превалировал дуализм, согласно которому человек связан с одновременно с землей и с небом; зем-

ля никогда не отступит, а небо никогда не станет ближе. Земная жизнь – это тюрьма, и только во время смерти человек начинает получать знание. Как он писал в своих заметках: «Первым признаком начинающегося знания становится желание умереть». Хотя лучший мир остается недостижимым, Кафка верил, что «нет ничего кроме мира духовного; то, что мы называем чувственным миром, является злом в мире духовном». Если вся жизнь происходит внутри этой духовной сферы, этика и мораль обретают приоритетное значение, так как они позволяют приблизиться к духовному миру. (Искусство, по словам Кафки, являлось еще одним способом.)

Гностические идеи проявлялись не только в записках и дневниках Кафки. В «Замке» цель протагониста заключается в том, чтобы попасть в замок и провести некое исследование для его владельца. Его неудача толкуется как полное отсутствие контакта между людьми и божественным, что показывает реальность как враждебное и злое место. Задача человека состоит в том, чтобы разрушить эту реально и обрести мир света.⁸⁶ В «Процессе» гностический подход к положению человека заключен в притчу о Законе и Привратнике. Закон, к которому стремятся все люди, олицетворяет истинного Бога, чей «неугасимый свет струится из врат Закона». Однако привратник сторожит эту дверь, никому не позволяя войти. В этом действии он выполняет роль архонта, препятствуя жаждущему человека достичь Бога. Мораль этой притчи Кафки, по всей видимости, заключается в том, что для достижения своего истинного дома в мире света, человек должен пройти через привратников и другие силы этого мира и использовать все свои ресурсы для победы над ними.

Пожалуй, ни один другой автор не использовал гностицизм так сознательно, как это сделал Филип К. Дик, чьи произведения насыщены ложными реальностями и спасительным знанием, которое зачастую проявляется в необычной форме граффити на стене

комнаты, или в кажущемся случайном собрании мусора на аллее. Дик всю жизнь интересовался философскими и теологическими вопросами, и, по-видимому, пришел к гностицизму в середине 1960-х годов. Однако, он не добавлял в свои работы гностических элементов вплоть до мистических поворотных событий в своей жизни в начале 1974 года. Его автобиографический роман «Валис» – аббревиатура от «Всеобъемлющая активная логическая интеллектуальная система» — описывает события 1974 года и перипетии героя, Жирного Лошадника, который старается сохранить остатки своей нормальности. Жирный – имя которого является переводом собственного именно Дика, так как «Филип» на греческом значит «любитель лошадей», а «Дик» по-немецки значит «жирный» – испытывает теофанию, когда луч розового света проникает в его голову. Его восприятие реальности, шаткое и в лучшие дни, изменяется еще больше, когда Толстяк развивает свои собственные концепции о Боге. В одной примечательной сцене, он пытается объяснить гностический миф творения своему психиатру, многострадальному Морису:

– Ты веришь, что человек создан по образу и подобию Божьему?

– Верю, – ответил Жирный, [...] но это сказал божественный создатель, а не настоящий Бог.

– Что, – спросил Морис.

Жирный объяснил:

– Это Йалдабаот. Его иногда называют Самазлем, слепым богом. Он отступник.

– О чем ты, черт возьми, толкуешь? – взорвался Морис. [...] – Кто это понапридумывал? Ты?

– По большей части, — ответил Жирный, – это доктрина Валентина. Второй век н. э.⁸⁷

Морис, убежденный сторонник Библии, так раздражается по поводу гностических воззрений Жирного, что дает тому домашнее задание: прочитать Книгу Бытия и выписать оттуда основные идеи и события. Жирный уходит, осознавая, что «лучше не поднимать тему Бога». «Валис», кроме всего прочего, является комическим *tour de force*.

Гностические верования Жирного встречаются на всем протяжении романа в виде его дневниковых записей, или *Tractate: Cryptica Scriptura*, как он его называет, считая, что латинский вариант звучит лучше, чем английское словосочетание «тайное писание». В них Жирный набрасывает «космогонию двух источников», где существует «Единый разум», но в проявлении «двух принципов»: иллюзии и реальности, мира иллюзий (повседневного мира) и мира гнозиса (настоящего мира за пределами контроля Демиурга). Первородный грех также разбирается в самом что ни на есть гностическом смысле в записи под номером 29 Трактата Жирного:

Мы пали не из-за моральной ошибки; мы пали из-за ошибки интеллектуальной: то есть, приняли феноменальный мир за реальный. Потому мы морально невинны. Именно [Римская] Империя с помощью разнообразных скрытых полиформ убедила нас в нашем грехе. «Империя никогда не заканчивалась».

Система Жирного также утверждает, что иллюзорным миром повседневной реальности «по-прежнему правит сокрытая раса потомков Эхнатона». Автор таким образом высказывает валентирианское представление о том, что София и ее эоны смогли прорваться через творение Демиурга, чтобы принести *гнозис* тем, кто может его воспринять.

Эта идея о спасительном знании, проникающем в мирское бытие, — наиболее частая гностическая мысль Дика. Она встречается в таких романах, как «Убик», «Свободное радио Альбемута» и «Мастер вся Галактики». Мотив мира как иллюзии и тюрьмы повторяется в «Убике», затем в (по моему мнению, лучшей его работе) «Небесном оке», «Лабиринте смерти» и «Пролейтесь, слёзы...». В «Симулякрах» ложная природа западной цивилизации превосходно показана с помощью фигуры президента Соединенных Штатов, который оказался андроидом, а также в рекламных роботах в виде маленьких насекомых, которые могут кусать людей не хуже настоящего малярийного комара. В книге «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (по которому Ридли Скотт снял фильм «Бегущий по лезвию»), отвлечения современной жизни – рассылки, телевизор, продавцы на дом, торговые центры – обозначены словом «kipple», неологизмом Дика, который, по сути, означает «дерьмо». Несмотря на – а может и благодаря – трудностям при отличии настоящего от ложного, человека от андроида, работа Дика в итоге звучит оптимистично, или, как сказал Жирный Лошадник «по большей части, это доктрина Валентина. Второй век о.э.». «Валис» заканчивается обнадеживающей записью из Трактата Жирного, глубоко гностической по содержанию, напоминая нам о том, что, получив *гнозис*, мы уподобимся Моисею, Илие и самому Христу:

От Эхнатона это знание [гнозис] перешло к Моисею, от Моисея к Илие, Бессмертному Человеку, который стал Христом. Но за всеми этими именами находится единственный Бессмертный Человек; и мы все этот человек.

Гностицизм в популярной культуре

Филип К. Дик, пожалуй, стал самым влиятельным писателем рубежа XX–XXI веков, так как предсказал появление культуры, одержимой медиа и технологиями, но, что парадоксально, сохраняющей стремление – по крайней мере, частичное – к вознесению и пониманию того, что эти вышние сферы существуют. Его гностическое видение оказало влияние на различные комиксы, компьютерные игры и фильмы. К примеру, «Песочный человек» Нила Геймана построен на гностической космологической структуре, тогда как Алан Мур в комиксе «Хранители» показывает отчетливые гностические мотивы. Мур приспособил концепцию «имманентизации эсхатона» в форме плана Адриана Вейдта / Озимандии по спасению мира через обманные свидетельства о неизбежном вторжении инопланетян. Графический роман Мура «Прометей» исследует гностические идеи еще более активно, с помощью каббалистических, алхимических и других эзотерических схем.

“Final Fantasy” и “Xenosaga” – ролевые компьютерные игры, которые отсылают к гностическому мифу в различной степени, как и вся система «Подземелья и драконы». Альбом Тори Эймс 2005 года “The Beekeeper” (Пчеловод) содержит три песни, отражающие гностические интересы, “Original Sinsuality”, “Marys of the Sea” и “The Beekeeper”. Она также говорит о гностицизме в своей автобиографии “Piese by Piese” (Кусок за куском). В области телевидения, гностицизм в наибольшей степени проявился в сериях «Доктор Кто». Фильм Питера Уира «Шоу Трумана» весьма напоминает по сюжету роман Филипа К. Дика от 1959 года под названием «Распалась связь времен». В фильме герой Джима Кэрри одержим идеей о том, что мир, в котором он живет, полностью ложный. И его инстинкт оказывается прав: его окружение

создала телекомпания для нового реалити-шоу. (Можно сказать, что необходимость рейтингов тоже является одним из трюков архонтов Иалдабаофа.)

Однако, лучший пример гностицизма в популярной культуре – это фильм братьев Вачовски «Матрица», который, по-видимому, также обязан своим появлением, по крайней мере, отчасти, Филипу К. Дику. Фильм рассказывает историю компьютерного хакера по имени Нео (Киану Ривз), который получает знание о том, что мир на самом деле является огромной компьютерной симуляцией, созданной для порабощения людей машинами. Позже мы узнаем, что эти машины получили искусственный интеллект от людей, но затем восстали против своих создателей, пленили их и начали питаться их энергией.

Хотя фильм и содержит элементы основной христианской традиции – Нео постоянно называют «Избранным» (предсказанной фигурой искупителя), корабль повстанцев называется «Навуходоносор» и их крепость Зион – это произведение по большей части основывается на гностических источниках. Так, ближе к началу фильма, Нео засыпает перед своим компьютером. Его пробуждает таинственное сообщение, появившееся на экране: «Просыпайся, Нео». Эта фраза становится главной темой всего фильма и, конечно же, является гностической. Тринити (Керри-Энн Мосс) и Морфеус (Лоуренс Фишборн) играют роли эонов, обучая и готовя Нео к пробуждению, тогда как им противостоит архонт Агент Смит (Хьюго Уивинг), который пытается оставить Нео в Матрице, чтобы тот вечно спал вне высшей реальности. В фильме используются термины из гностических текстов, такие как слепота, сон, невежество, сновидение, тьма и ночь в противопоставлении к видению, пробуждению, знанию и свету. Нео удается прорваться к нужным состояниям и получить свой гнозис.⁸⁸

Первые христианские еретики

Гностицизм в наши дни приобрел небывалую популярность в своей истории, во многом, по иронии, благодаря империалистическим писателям христианской культуры, которые поспособствовали его уничтожению. Экспансия Европы в Африку и Азию в восемнадцатом веке облегчила задачу по археологическим раскопкам, в результате которых были обнаружены Кодексы Аскью, Брюса и Берлинский. Это, в свою очередь, косвенно привело к основанию новых гностических церквей, в особенности во Франции и, гораздо позже, в Соединенных Штатах, где они сохраняются и в наше время. Все более толерантное отношение на Западе, конечно же, позволяет людям открыто выражать свои гностические убеждения, впервые за практически 2000 лет. Но здесь сразу возникает вопрос: нет ли закономерности в том, что гностики вернулись именно сейчас?

В связи с этим любопытно вспомнить слова из «Евангелия египтян» о захоронении гностических писаний «на горе, названной Хараксио», где они «в конце эпох и времён» будут явлены, чтобы явить «тех, которые в любви пребывают с Ним, и Великого, Невидимого, Вечного Духа, и его Единородного Сына, и Вечный Свет ... и Нетленную Софию ... и Всецелую Плерому вовеки веков». Стоит отметить, что библиотека Наг-Хаммади была обнаружена в худший из годов истории человечества – в 1945 году. 27 января того года, войска освободили и узнали настоящий ужас Освенцима-Биркенау; 15 апреля стали известны отвратительные подробности лагеря Берген-Бельзен; 16 июля началась эпоха ядерного вооружения с испытаний в Нью-Мексико первой ядерной бомбы «Малыш». Через три дня ее брат «Толстяк» упал на Нагасаки. Возможно, я просто надеюсь на то, что гностическая мудрость вернулась к нам именно в то время, когда человечество

нуждается в ней больше всего. В конечном итоге, каждый делает свой выбор.

После чудовищных событий 9/11 мы живем в мире, где, по всей видимости, правит только корпоративная жадность и фундаментальные религии – христианство, мусульманство и иудаизм. Политики и религиозные лидеры со всех сторон хотят набрать очки – и отобрать жизни – настаивая на единственной истине своей собственной веры. Гностики, никогда не стремившиеся к мученичеству, всегда противостояли властителям этого мира. Они знали, что через этот мир можно прорваться, но для этого нужно «любить брата своего как свою душу; хранить его как яблоко свое глазное».⁸⁹ Гностицизм, будучи практичным, также сохранял сострадательность и осознавал способность человеческого ума к созданию различий там, где их нет.

Наконец, следует помнить, что гностики, вовсе не «первые христианские еретики», но люди, действительно более близкие к изначальному учению Христа, чем официальная Церковь. Если и нужно назвать кого-то «первыми христианскими еретиками», то, безусловно, это звание заслужили епископы первого Никейского собора в 325 году. В попытке создания ортодоксии, они породили монстра, который контролировал умы и жизни людей на протяжении практически 2000 лет. Если у вас еще остались сомнения в том, что библиотека Наг-Хаммади проявилась не только вовремя, но и по необходимости, посмотрите на эти слова юнгианского аналитика Мюррея Стайна, который писал, что мы живем в культуре, которая:

не принимает различий без того, чтобы поляризовать их, и только затем, чтобы попробовать изменить, обратить или уничтожить тех, кто отличается. Именно такое отношение гностики видели в Иалдабаофе две тысячи лет назад.

Именно такая установка вызывает волнения на Ближнем Востоке – в частности, в Ираке – и именно она может привести, если верить конспирологам, что президент Соединенных Штатов, вместе с Израилем, начнут Армагеддон, чтобы воплотить библейское пророчество. Гностики посмеялись бы над такими идеями, если бы угроза не была такой реальной. Стайн говорит так:

Иалдабаоф олицетворяет низший план самостоятельного, контролирующего, нарциссичного эго, так знакомого в западной культуре. То, что гностики отождествляли с и называли Иалдабаофом, по-прежнему с нами, возможно, даже в большей степени.⁹⁰

Наверное, было бы неправильно заканчивать наш обзор гностицизма на такой мрачной ноте. Мы не знаем нашего часа, как говорил Лошадник в «Валис», которого смерть застает дома, когда он ждет, в одной из самых трогательных сцен у Филипа К. Дика, телевизионную передачу со Вторым Пришествием. Если оно и произойдет, однако, оно не появится в телевизоре: оно случится внутри нас и будет, как следует из «Трактата о Воскресении», поворотным жизненным и чувственным новым знанием «истины, которая пребывает нерушимой. Это открытие того, что есть, и преобразование вещей, и переход в новое».

Такова, по всей видимости, мудрость, необходимая миру, а не та догматическая, наполненная ненавистью ортодоксальная религия. Не стоит искать исток мудрости в речах священника, раввина или муллы – которые могут нас увести с пути, к жестокости, узколобости и ненависти – но только внутри себя. Гностицизм может отрицать то, что этот мир является нашим домом, но он никогда не забывает напомнить нам о том, что источник к освобождению находится в каждом из нас:

Просвети свой ум светом неба ... Не уставай стучать в дверь разума и не прекращай ходить по пути Христа. Ходи по нему для того, чтобы ты смог получить отдых от своих мучений.⁹¹

ПРИЛОЖЕНИЕ I:

Глоссарий

Абраксас – раскаявшийся архонт, который стал занимать седьмое небо. Его часто изображают на гностических амулетах и геммах. Для Юнга он стал воплощением гностицизма.

Апокриф – греческое слово со значением «тайная книга». Самый известный апокриф – это «Апокриф Иоанна», но также были апокрифы Якова и Марка.

Архонт – правитель небесной сферы материального мира, главное препятствие на пути к завершению духовного путешествия.

Барварская речь – слова, не принадлежащие ни к одному из известных языков, обычно состоящие из длинной последовательности гласных, которые используются в гностических ритуалах и наносятся на гностические амулеты.

Барбело – божественная женственность, Бог-Мать.

Демииург – творец материального мира. Часто отождествляется с Богом Ветхого Завета, обычно выглядит как высокомерный, невежественный и иногда злой.

Геддомада – девятая сфера космоса, обычно, нижняя часть Плеромы.

Гнозис – интуитивное, непосредственное знание божественного. Гностики полагали его единственным путем к спасению.

Евангелие – благая весть. В гностической терминологии обозначает любой текст, целью которого является обретение гностического послания. Все гностические евангелия осуждены Церковью как еретические. Среди самых известных можно назвать евангелия от Фомы, Филиппа и Марии.

Змей – в гностических мифах творения, Змей показан как мудрый учитель, передавший Еве гнозис с помощью плода с Древа Познания. В некоторых версиях мифа, в роли Змея выступает сам Христос.

Иалдабаоф – имя Демиурга, как правило переводят как «детский бог».

Илики – один из трех главных типов людей по убеждениям валентиниан. Илики полностью находятся «в материи» и заботятся только о нуждах плоти.

Имманентизация эсхатона – термин политического философа Эрика Фёгелина. Эта фраза означает попытку воспроизвести загробную жизнь на земле, то есть, создать рай на земле. Фёгелин осуждал гностиков за усилия по наступлению конца света.

Логиион – изречения, как правило, Иисуса. «Евангелие от Фомы» полностью состоит из логий.

Логос – слово Бога, которое в гностический текст может также обозначать Иисуса.

Manda – гнозис на мандейском языке.

Mandaiia – верующие мандеи.

Nasuraiia – мандейские священники.

Огдоада – восемь сфер материального космоса, над которыми находится девятая, небесная Гебдоада.

Пистис – Вера.

Плерома – Полнота, небесная обитель за пределами материального творения.

Пневматики – духовно осознанные люди, которые стоят выше догмы и различий, а также способны получить гнозис.

Психики – люди не настолько привязанные к наслаждениям и тревогами земного существования, но более склонны к размышлениям, ощущениям и участию в эзотерических (т. е. догматических) религиях.

Сакла – другое имя для Демиурга, что значит «дурак».

Самаэль – другое имя для Демиурга, что значит «слепой бог».

София – самая младшая эманация. Ее желание постичь отца привело к созданию Иалдабаофа, который, в свою очередь создает материальный мир. Некоторые версии истории выделяют две Софии, высшую и низшую. Высшая София остается в Плероме, тогда как низшая София пленена в материи.

Эманация – согласно гностикам, все вещи изначально являются эманациями божественного. Демиург наделил их физическими свойствами.

Энной – другое имя для Барбело, божественный женский принцип.

Эон – эманировавший аспект божественного, часто в виде мужской / женской пары.

ПРИЛОЖЕНИЕ II:

Гностицизм и буддизм

Исследователь буддизма Эдвард Конзе выделил несколько схожих характеристик между буддизмом и гностицизмом. Главные из них таковы:

1. Освобождение достигается с помощью гнозиса или знания. И наоборот, невежество приводит к пленению в материальном мире.
2. Тенденция к элитизму, Избранные и Слушатели у манихеев, Ринпоче и Ламы у буддистов.
3. Мудрость в обоих верованиях одновременно является добродетелью и одним из аспектов божества.
4. Гностики и буддисты предпочитают мифы, а не факты.
5. Антиномианская тенденция у обоих.
6. Наличие различия между неподвижностью истинного Бога/Нирваны и активностью Бога-творца, который существует на более низком уровне. Мир – обитель злых архонтов, что в буддизме проявляется в лице Мары, злого божества.
7. Обе традиции склоняются к эзотеризму, не рассчитывая на легкую доступность.

8. Обе традиции обладают монистической метафизикой, в которой возвращение к единому достигается за счет отвержения многих (т. е., материального мира).

В дополнение хочу отметить, что обе традиции скорее воспринимают мир пессимистично, от отрицания его свойств до полного неприятия. Обе религии миролюбивы и обе подвергались гонениям.

Мы не можем сказать наверняка, существовало ли какое-то взаимное влияние гностицизма и буддизма, но в Александрии первого и второго столетия были буддистские миссионеры, так что такой вариант исключать нельзя.

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Гностические писания

Barnstone, Willis & Meyer, Marvin (Editors), *The Gnostic Bible: Gnostic Texts of Mystical Wisdom from the Ancient and Medieval Worlds – Pagan, Jewish, Christian, Mandaean, Manichaean, Islamic and Cathar* (New Seeds, 2006)

Gardner, Iain & Lieu, Samuel NC (Editors), *Manichaean Texts from the Roman Empire* (Cambridge, 2004)

Kasser, Rodolphe, Meyer, Marvin & Wurst, Gregor (Editors), *The Gospel of Judas* (National Geographic, 2006)

King, Karen L, *The Gospel of Mary of Magdala* (Polebridge Press, 2003)

Klimkeit, Hans-Joachim, *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Texts from Central Asia* (HarperCollins, 1993)

Layton, Bentley, *The Gnostic Scriptures* (Bantam, 1995)

Leloup, Jean-Yves, *The Gospel of Thomas: The Gnostic Wisdom of Jesus* (Bear & Co., 2005) *The Gospel of Philip: Jesus, Mary Magdalene and the Gnosis of Sacred Union* (Bear & Co., 2004) *The Gospel of Mary Magdalene* (Bear & Co., 2002)

Lidzbarski, Mark, *Mandaean Prayers and Hymns* (Living Water Books, 2002)

Mead, GRS (Editor/Translator), *Pistis Sophia: The Gnostic Tradition of Mary Magdalene, Jesus, and His Disciples* (Dover Publications, 2005)

Robinson, James M (General Editor), *The Nag Hammadi Library in English* (HarperCollins, 1990)

Scott, Walter (Editor/Translator), Gilbert, Adrian (Foreword), *Hermetica: The Writings Attributed to Hermes Trismegistus* (Solos Press, 1992)

Гностические и апокрифические писания

Elliott, JK (Editor), *The Apocryphal New Testament* (Oxford, 1993)

Miller, Robert J (Editor), *The Complete Gospels* (HarperCollins, 1994)

ГНОСТИЦИЗМ

Blackman, EC, *Marcion and His Influence* (Wipf & Stock Publishers, 2004)

Blavatsky, HP, *On the Gnostics* (Point Loma Publications, 1994)

Churton, Tobias, *The Gnostics* (Weidenfeld & Nicholson, 1987)
The Gnostic Philosophy: From Ancient Persia to Modern Times (Inner Traditions, 2005)

Freke, Timothy & Gandy, Peter, *The Laughing Jesus: Religious Lies & Gnostic Wisdom* (Harmony Books, 2005)

Hoeller, Stephan A, *Gnosticism: New Light on the Ancient Tradition of Inner Knowing* (Quest Books, 2002) *Jung and the Lost Gospels: Insights into the Dead Sea Scrolls and Nag Hammadi Library* (Quest Books, 1989) *The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Dead* (Quest Books, 1985)

Holroyd, Stuart, *The Elements of Gnosticism* (Element Books, 1994)

Jonas, Hans, *The Gnostic Religion* (Beacon Press, 2001)

King, Karen L, *The Secret Revelation of John* (Harvard University Press, 2006) *What is Gnosticism?* (Harvard University Press, 2003) *Images of the Feminine in Gnosticism* (Alban Books, 2000) *Revelation of the Unknowable God: A Gnostic Text from the Nag Hammadi Library* (Polebridge Press, n.d.)

Krosney, Herbert, *The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot* (National Geographic, 2006)

Lupieri, Edmondo, *The Mandaeans: The Last Gnostics* (William B Eerdmans Publishing Company, 2002)

Mead, GRS, *Simon Magus: His Philosophy and Teachings* (Book Tree, 2003) *Fragments of a Faith Forgotten* (Kessinger Publishing, 1996)

Pagels, Elaine, *Beyond Belief: The Secret Gospel of Thomas* (Pan Books, 2005) *The Gnostic Paul: Gnostic Exegesis of the Pauline Letters* (Trinity Press, 1992) *The Gnostic Gospels* (Penguin Books, 1990) *The Johannine Gospel in Gnostic Exegesis: Heracleon's Commentary on John* (Scholars Press, 1989)

Rudolph, Kurt, *Gnosis: The Nature & History of Gnosticism* (T&T Clark, 1983)

Segal, Robert A (Editor), *The Allure of Gnosticism: The Gnostic Experience in Jungian Psychology and Contemporary Culture* (Open Court, 1995)

Singer, June *Knowledge of the Heart: Gnostic Secrets of Inner Wisdom* (Element Books, 1999)

Смежные интересы

Ackroyd, Peter, *Blake* (Minerva, 1996)

Dick, Philip K, *In Pursuit of VALIS: Selections from the Exegesis* (Underwood Miller, 1991) *The Divine Invasion* (Vintage Books, 1991) *The Transmigration of Timothy Archer* (Vintage Books, 1991) *VALIS* (Vintage Books, 1991)

Durrell, Lawrence, *The Alexandria Quartet* (Faber & Faber, 2005)

Irwin, William (Editor), *More Matrix and Philosophy: Revolutions and Reloaded Decoded* (Open Court Publishing, 2005) *The Matrix and Philosophy: Welcome to the Desert of the Real* (Open Court Publishing, 2002)

Jung, CG, *Memories, Dreams, Reflections* (Fontana Press, 1995)

Kafka, Franz, *The Castle* (Penguin Books, 2000)

Kerouac, Jack, *Doctor Sax* (HarperCollins, 2006)

Martin, Sean, *Alchemy & Alchemists* (Pocket Essentials, 2006) *The Cathars: The Most Successful Heresy of the Middle Ages* (Pocket Essentials, 2005); *The Knights Templar: The History & Myths of the Legendary Military Order* (Pocket Essentials, 2004)

Melville, Herman, *Moby-Dick* (University of California Press, 1983)

Mirandola Pico della, *Oration on the Dignity of Man* (Regnery Publishing, 1996)

Raine, Kathleen, *Blake and Antiquity* (Routledge, 2002)

Starbird, Margaret, *The Woman with the Alabaster Jar: Mary Magdalen and the Holy Grail* (Bear & Co., 1993)

Stoyanov, Yuri, *The Hidden Tradition in Europe: The Secret History of Medieval Christian Heresy* (Penguin Books, 1994)

Yeffeth, Glenn (Editor), *Taking the Red Pill: Science, Philosophy and Religion in 'The Matrix'* (Summersdale, 2003)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прим. пер. Перевод всех гностических текстов, здесь и далее, взят с сайта «Русская апокрифическая студия», А. Логинов.

2. Евангелие от Фомы.

3. Матфей 5:15.

4. Марк 4:34, а также Марк 4:10–11, что позволяет предположить, что ученики получали учение наедине, а не когда Иисус проповедовал публично.

5. Например, Матфей 12:46–50; Марк 3:31–35; Лука 8:19–21.

6. Изречение 34.

7. Иустин Мученик, Апология II.

8. Деяния Петра, 31.

9. Иринеи, Против ересей.

10. Тертуллиан, О плоти Христа.

11. Матфей 16:18: «и Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сём камне Я создам Церковь Мою».

12. В Послании к 1 Коринфянам 11:24–25 Павел цитирует слова Иисуса с Тайной Вечери. В Послании к 2 Коринфянам 12:9 Павел утверждает, что Иисус говорил с ним напрямую: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». Если эта цитата действительно 2 Коринфянам содержит информацию, которой нет больше ни в одном месте Нового Завета.

13. AN Wilson, *Paul: The Mind of the Apostle*.

14. Michael Baigent and Richard Leigh, *The Dead Sea Scrolls Deception*.

15. Thomas Jefferson, из письма в *The Great Thoughts* by George Sildes (Ballantine Books, 1985).

16. Некоторые ученые полагают, что «Евангелие от Фомы» настолько же древнее, как и четыре канонических текста, что может говорить о том, что в нем действительно содержатся речи самого Иисуса.

17. Elaine Pagels, *Beyond Belief*.

18. По выражению из фильма «Монти Пайтон и Священный Грааль», они были «анархо-синдикатным сообществом, где по очереди принимали обязательства исполнительного чиновника». Гностические мотивы прослеживаются и в «Жизни Брайана по Монти Пайтону».

19. Kurt Rudolph, *Gnosis*.

20. Mary Boyce, *Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices* (Routledge and Kegan Paul, 1979).

21. В эпоху Ахеменидов также появилось другое течение зороастризма под названием «зурванизм», где Ормузд и Ариман были близнецами от бога времени и судьбы Зурвана.

22. Рудольф также отмечает эллинистическое влияние на Ветхий Завет: «Скептицизм Екклесиаста невозможно полностью понять без греческого рационализма и ранней эллинистической популярной философии».

23. Excerpta de Theodoto, quoted in Hoeller, *op. cit.*, p. 10.

24. Евангелие от Филиппа, библиотека Наг-Хаммади.

25. Yuri Stoyanov, *The Other God*, p. 2. Главный востоковед того периода, Хайд (1636–1703) был главным библиотекарем Боделианской библиотеки в Оксфорде; он ввел понятие «клинопись» и исследовал происхождение шахмат.

26. Ugo Bianchi, *Il dualismo religioso* (Rome, 1958).

27. О происхождении мира, библиотека Наг-Хаммади.

28. Сохранилось в «Философуменах» Ипполита.

29. Ириней, Против ересей.

30. Например, были убраны все упоминания о пророчествах о пришествии Христа, как и сама концепция того, что он являлся иудейским мессией.

31. Скорее стоит сказать, что они входили в тот список, который Маркион считал ядром свода Павла: послания к Галатам, Коринфянам, Римлянам, Фессалоникийцам, Ефесянам, Колоссянам, Филиппийцам и Филимону.

32. GRS Mead, *Fragments of a Faith Forgotten* 2.

33. Точные даты папства Пия I установить не удалось. Вероятно, он правил с 140 по 154 годы, о чём свидетельствует список *Annuato Pontifico*, либо с 146 по 157 или 161 годы.

34. Гора Сир действительно упоминается несколько раз в Ветхом Завете, но никогда в отношении истории о Потопе.

35. Евангелие от Филиппа, библиотека Наг-Хаммади. Возможно, всего существовало семь таинств, как в ортодоксальной Церкви.

36. Некоторые полагают, что *narusaiia* восходит к «назорей», что предполагает связь с этими группами.

37. Гностическая Библия.

38. «Назарет» может также быть неправильным переводом «назорей» или «назарянина», что относится к крайнему течению иудаизма, к которому мог принадлежать одно время Иисус. Назарет, как город, практически наверняка еще не существовал в первые декады первого столетия, то есть, в то время, когда Иисус там якобы жил.

39. Гностическая Библия.

40. Манихейские псалмы.

41. Коптский манихейский песенник.

42. Асклепий, библиотека Наг-Хаммади.
43. Поймандр, Гностическая Библия.
44. Тайная проповедь на горе о возрождении и правиле молчания, Герметический корпус.
45. Marvin Meyer, *Introduction to Islamic Mystical Literature*.
46. Мать Книг, Гностическая Библия.
47. Верование в то, что Христос имел брата-близнеца, признали еретическим. Удивительное исследование этой легенды и ее использование у художников: David Ovason, *The Two Children* (Random House, 2001).
48. См. также Elliot, *op. cit.*
49. Матфей 10:27, Лука 12:3, Марк 4:21, Лука 8:16, 11:33, Матфей 5:15.
50. 2 Коринфянам 2–4. См. Elaine Pagels, *The Gnostic Paul: Gnostic Exegesis of the Pauline Letters* (Trinity Press, 1992).
51. Полное собрание Евангелий.
52. Введение к трактату «Гром: Совершенный Ум» из Гностической Библии.
53. Elaine Pagels, *The Gnostic Gospels*.
54. В Кодексе Аскью также находятся «Отрывки из Книг Спасителя» и «Книга Великого Логоса».
55. См. Эко У. Имя розы, где сюжет раскручивается вокруг найденного трактата Аристотеля в монастыре Итальянских Альп. Также стоит посмотреть экранизацию этого романа авторства Жана-Жака Анно 1986 года.
56. Его также считают автором «Деяний Фомы», где находится знаменитая гностическая аллегория «Песнь жемчужины».
57. Деяния Фомы, Апокрифический Новый Завет.
58. Freke & Gandy.

59. Ириней, Против ересей, книга 1, глава XXXI.

60. Епифаний, Панарион, xxxviii.

61. Платон, Тимей, 41d – 42b.

62. См. Евангелие Иуды.

63. Климент Александрийский, Строматы, VII, 104, 2.

64. Стоит отметить, что это случилось не из-за письма Афанасия, но по приказу римского императора Феодосия I.

65. Евангелие египтян, библиотека Наг-Хаммади, перевод А. Мома.

66. Церковь не просто преследовала гностические и дуалистические группы. Примерно в это же время, гонениям подверглись и другие недуалистические ереси – например, последователи Пелагия, которые отрицали Первородный Грех. Кроме того, такая участь постигла и другие формы христианства, отличные от римской, вроде Кельтской и Несторианской церквей. Можно предположить, что первая из них была изначальной формой европейского христианства, тогда как вторая – несмотря на гонения – существует и сегодня.

67. Слово «маньяк» восходит к уничижительному обозначению манихея.

68. См. Yuri Stoyanov, p. 103.

69. Хроникер Алан Лилльский (1128–1202) верил, что слово «катары» произошло «от кошки, так как, говорят, что они целуют кошку в зад, ибо в этой форме, по их мнению, к ним приходит Люцифер». Такие обвинения были обычными в среде христианских мыслителей.

70. Wakefield & Evans, *Heresies of the High Middle Ages*.

71. Катары не отрицали всего Ветхого Завета, и по-прежнему почитали Притчи и Книгу Иова.

72. Это примечательное описание Совершенных можно найти у Heinrich Fichtenaу.

73. Прим. пер. Первая часть перевод Л. Брагиной, вторая – подстрочник.

74. Деяния Петра, Апокрифический Новый Завет.

75. Holroyd.

76. Richard Smith, “The Modern Relevance of Gnosticism”.

77. Вольтер, Кандид, пер. Ф. Сологуба.

78. Smith, *The Nag Hammadi Library in English*.

79. Беседа Катлин Райн и Тобиаса Чёртона от 1986 года.

80. Цит. по Хёллеру. Юнг чувствовал, что антропософия также имеет гностическое содержание. Рудольф Штейнер изначально был теософом, но затем основал свою собственную школу в 1912 году, после ссоры с одной из наследниц Мадам Блаватской, писательницей Анни Безант.

81. Stephan Hoeller, *The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Dead*.

82. Гессе, Степной волк, перевод С.К. Апта.

83. Гностические темы также использовали Лоренс Даррелл, Джек Керуак, Анатолий Франс, Гарольд Блум, Аллен Гинзберг, и, кроме того, Борхес и Чоран.

84. Мелвилл, Моби Дик, пер. И. Бернштейна.

85. Walter H Sokel, “Between Gnosticism and Jehovah: The Dilemma in Kafka’s Religious Attitude”, *The Allure of Gnosticism*.

86. См. Erich Heller, “The Castle: A Company of Gnostic Demons” in *Franz Kafka’s The Castle: Critical Interpretations* (Chelsea House, 1988).

87. Дик Ф., Валис, глава 6, перевод ?

88. В «Матрице» также используются буддистские идеи. См. Frances Flannery-Dailey's & Rachel Wagner's essay *Wake Up! Gnosticism & Buddhism in The Matrix*.

89. Евангелие от Фомы.

90. Murray Stein, "The Gnostic Critique, Past and Present", in *The Allure of Gnosticism*.

91. Поучения Силуана, библиотека Наг-Хаммади.

Для заметок